

ТЕМНОЕ НАСЛЕДИЕ

ИМПЕРИЯ НАЙТС-РИДЖ: КНИГА 1 2

T.ME/DARKSOULBOOKS

Трейси Лоррейн

Мы знали, что это будет нелегко.

Что из-за нашей любви может начаться война.

Что моя семья может не принять идею о нас.

Но у нас даже не было шанса узнать...

Потому что у меня все отобрали.

И все, что у меня осталось, — это память о его прикосновениях и секреты, которые угрожают сломать меня изнутри.

Все пытаются удержать меня вместе, когда весь мой мир разваливается на части.

Но этого никогда не будет достаточно.

Никогда ничего не будет. Без него.

Все, что я могу сделать, это держаться за разбитые осколки и пытаться найти способ заставить мое поврежденное сердце снова биться.

Я наконец получаю то, чего всегда хотела — шанс самой решать свое будущее. Но я не знала, что это наследие будет стоить мне всего.

Я бы отдала все обратно, чтобы снова оказаться в его объятиях...

Перевод тг-канала:

t.me/darksoulbooks

При поддержке тг-канала:

t.me/bookgossip

1

КАЛЛИ

Когда я просыпаюсь, все расплывается.

У меня такое чувство, будто моя голова набита ватой, а тело слабое. Слишком слабое.

Я сплываю, отрывая язык от неба. Каким-то образом вкус того ужасного виски, которое Эмми заставила меня выпить, все еще остается на моем языке. Мой желудок переворачивается, но он быстро успокаивается, прежде чем мне приходится бежать. Слава Богу, потому что я почти уверена, что мои ноги сейчас меня бы не удержали.

Мой разум лихорадочно соображает, пытаюсь думать о чем-нибудь, кроме виски.

Зачем она вообще заставила меня это выпить — черт.

— Деймон, — кричу я, садясь быстрее, чем может справиться моя голова. Она вращается, заставляя мир казаться чертовой каруселью.

— Калли, — шепчет прерывающийся голос.

Глядя в мою сторону, у меня перехватывает дыхание, когда я нахожу Джослин там, держащую меня за руку, ее глаза наполнены непролитыми слезами.

От этого зрелища все, что осталось целым в моей груди, разлетается на миллион кусочков.

— Скажи мне, что это был сон, — шепчу я, боль снова пронзает меня. Это самое безнадежное чувство, которое я когда-либо испытывала. И оно оставляет меня разбитой и

истекающей кровью.

— О, Калли, — всхлипывает она, притягивая меня в свои объятия, наконец-то давая волю слезам, которые, я уверена, она сдерживала все это время.

Папа.

Нико.

Деймон.

Рыдания вырываются из моего горла. Это как ножи, впивающиеся в мою ободранную кожу, но я не могу остановиться. Боль слишком невыносима.

Все мое тело дрожит, лед бежит по венам, пока мой разум мучает меня, воспроизводя ключевые события прошлой ночи.

Пока все не сосредоточится на одном лице, на одном человеке.

— Где Алекс?

Джослин отпускает меня, ее руки поднимаются к моему лицу и позволяют мне увидеть мою пустую комнату.

— Где все?

— Они все вернулись в загородный клуб на поиски.

Между нами воцаряется тишина, пока я пытаюсь осознать, что это значит.

— О-они не наш— Из моего горла вырывается икота, прерывая мое последнее слово.

Взяв обе мои руки в свои, она смотрит мне прямо в глаза.

— Я не знаю всего, только то, что они объяснили перед тем, как снова ушли. — Я киваю, нервно сглатывая, но в равной степени нуждаюсь услышать все. — С Нико все в порядке. — Весь воздух вырывается из моих легких при этой новости.

— О Боже, — всхлипываю я. — П-почему он не вернулся?

— Он отказался уйти и прекратить поиски твоего отца, и других.

— Д-другие?

В ее чертах сквозит печаль, от которой у меня сводит живот.

— Они не могут найти Деймона, и—

— Нет, — кричу я. — Нет.

Вырывая свои руки из ее, я встаю с кровати.

— Нет, я отказываюсь в это верить. Он бы так не поступил. Он бы этого не сделал. Он лучше этого, чем позволить какому-то зданию рухнуть... Нет— рываю я, проносясь через комнату и захлопывая за собой дверь ванной с такой силой, что все мое тело сотрясается от грохота. — НЕЕЕТ, — кричу я. — НЕЕЕТ.

Рыдания сотрясают мое тело, но я не позволяю им остановить меня, я иду в ванную, а затем ополаскиваю лицо холодной водой. Что угодно, лишь бы попытаться пробиться сквозь пелену отчаяния, которая окружает меня.

— Калли, — зовет Джослин из-за двери комнаты. — Калли, пожалуйста.

Распахнув дверь, я проношусь мимо нее прямо к своему гардеробу. Через секунду мое платье с вечеринки валяется на полу, и я натягиваю леггинсы и толстовку.

— Калли, что ты—

— Я собираюсь помочь. Я найду его, я знаю, что найду.

— Калли, пожалуйста. Тебе нужно—

— Мне нужно что? — Огрызаюсь я, поворачиваясь к ней лицом.

Глаза Джослин смягчаются, в них нескрываемая боль, прежде чем они опускаются на мой живот.

— Он хотел бы, чтобы ты была здесь и в безопасности, — говорит она тихим предупреждающим тоном, который оставляет очень мало места для споров. Тем не менее, я делаю это. Когда дело доходит до Деймона, я всегда буду рядом.

— Прямо сейчас я нужна ему. Ему нужны все мы. И я не собираюсь сидеть здесь, жалея себя, когда я могла бы быть там, помогать, искать их.

Засовывая ноги в кроссовки, я останавливаюсь у своего клатча, который лежит на прилавке, но я отбрасываю мысли о том, что скрывается там внутри, и проношусь мимо, на ходу снимая ключи от машины с крючка на стене.

— Калли, пожалуйста. Они сказали мне—

— Мне надоело делать то, что мне говорят, Джослин. Они и моя семья тоже. У меня тоже есть все права сражаться за них.

Я не задерживаюсь достаточно долго, чтобы услышать ее ответ — я уже пробегаю через дом и выскакиваю через парадную дверь. Поздний вечер прожигает насквозь черную толстовку с капюшоном, которую я натянула. Мои брови приподнимаются, когда я думаю о том, как долго я была не в себе, но у меня нет времени беспокоиться о таких бессмысленных вещах, как это.

— Калли, подожди, — кричит Джослин откуда-то позади меня, но я даже не смотрю в ее сторону, бросаюсь в свою машину и нажимаю пальцем на кнопку «Пуск».

Двигатель моего Mercedes с ворчанием оживает, и я включаю задний ход, чуть не съезжая колесами с подъездной дорожки и оставляя Джослин стоять посреди нее с выражением безнадежности на лице.

Слезы тихо текут из моих глаз и капают с подбородка, но я отказываюсь поддаваться отчаянию, которое пытается разорвать меня на части.

Поддаться этому и рассыпаться в прах никому не поможет.

И мне нужно помочь. Я должна что-то сделать

Я должна их найти.

Все мое тело дрожит от моей сдержанности, но я проглатываю все это.

Я лечу по улице, принимая решения, более рискованные, чем когда-либо, но моя потребность попасть туда, чтобы быть полезной, сейчас важнее, чем поцарапать свою машину.

Солнце слепит, опускаясь все ниже, и я направляюсь на окраину города, где, как я помню, была прошлой ночью.

Когда я подъезжаю ближе, небо начинает темнеть, но это не имеет ничего общего со временем, а все из-за дыма и пыли, которые поднимаются от того, что осталось от здания, в котором мы все были прошлой ночью.

Меня тошнит при одной мысли о том, что я собираюсь обнаружить, пока я еду по длинной подъездной дорожке, прежде чем деревья раскроют то, что всего двадцать четыре часа назад было гламурным загородным клубом.

Синие и красные мигающие огни отражаются в дыму, который становится гуще с каждой секундой. Но он недостаточно густой, чтобы скрыть разрушения.

— Срань господня, — кричу я, когда реальность раскрывает себя.

Здание превратилось в не более чем груды обломков. Обломки, которые в настоящее время скрывают, заманивают в ловушку тех, кого я люблю.

Я резко останавливаю машину позади пожарной машины и бегу к тлеющим руинам.

— НИКО, — кричу я, мои глаза прикованы к моему брату, когда я оббегаю очередную

пожарную машину.

Все взгляды обращены на меня, но я не обращаю на них никакого внимания, когда лечу к нему.

Он грязный, окровавленный. Его одежда разорвана, глаза темные и затравленные.

— Калли, — потрясенно выдыхает он, и я не останавливаюсь, пока мы не сталкиваемся, и я не обнимаю его.

— Я думала, ты мертв, придурок, — причитаю я, когда он обнимает меня так крепко, что я едва могу дышать.

— Я не мог оставить их, Кэл. Черт. Мы не можем найти папу.

Все его тело дрожит, когда он обнимает меня, и я не могу не задаться вопросом, не сломалось ли что-то внутри него, когда он поднял глаза и увидел меня.

— Мы найдем. Мы найдем его.

Уткнувшись лицом в мою шею, он прерывисто дышит. Я чувствую, что к нам присоединились другие, но я не двигаюсь. Я просто цепляюсь за Нико, как будто от этого зависит моя жизнь, поскольку горе и отчаяние, которых я никогда раньше не испытывала, грозят разорвать меня на куски.

Папа и Деймон должны быть здесь, просто ожидая, когда мы освободим их.

Они должны быть. Другого варианта быть не может.

Чья-то рука ложится мне на спину. Я понятия не имею, кому она принадлежит, но я черпаю из нее столько силы, сколько возможно, прежде чем руки обхватывают нас обоих.

Открываю глаза, и они сразу же сталкиваются с глазами Алекса. Девушки собрались позади него, но я не могу сосредоточиться на них. Отчаяние Алекса притягивает меня.

У меня перехватывает дыхание, потому что темнота, боль, плавающая в его серых глубинах, — это все, что мне нужно, чтобы сказать, что у них нет новостей о Деймоне.

Я не думала, что это возможно, но мое сердце снова разрывается на части.

Отчаянно пытаюсь добраться до него, мои руки выскальзывают из рук Нико, и в ту секунду, когда все вокруг нас отступают, я отпускаю его и падаю на Алекса.

Как и Нико, он едва сдерживается. И в ту секунду, когда я чувствую жар его слез на своей шее, болезненный всхлип вырывается из моего горла.

— Мне так жаль, Кэл. Я не могу его найти. — Его голос грубый и сдавленный эмоциями, и это выводит меня из себя.

Я обнимаю его крепче, разваливаясь на части прямо рядом с ним.

— Это не твоя вина, — шепчу я.

Он кивает, прерывисто дышит, его пальцы теребят ворот моей толстовки.

— Он так просто не сдастся, Алекс. Он не сдастся. Он самый упрямый ублюдок на свете. Потребуется нечто большее. Он где-то здесь. Он жив.

— Я знаю, — говорит он со сдавленным смехом. — Он здесь. Я знаю, что он жив. Я бы почувствовал это, если бы он был... если бы он умер, я бы...

Мы стоим там, потерявшись в этих словах. Оба надеемся, молимся, чтобы они были правдой.

Еще через несколько минут хватка Алекса ослабевает, и его руки отпускают меня. Подняв руки, он вытирает лицо, прежде чем поднять его к небу, я могу только предположить, что он возносит молитву.

Я смотрю на него с комом эмоций размером с баскетбольный мяч, застрявшим у меня в горле, мои глаза горят от всех выплаканных слез.

Сделав долгий успокаивающий вдох, он снова смотрит на меня.

Я задыхаюсь, когда его боль сталкивается с моей. Связь между нами сильнее, чем когда-либо, поскольку мы разделяем это... это горе, это отчаяние.

— Ты не должна быть здесь, — шепчет он.

— Мне нужно быть здесь. Мне нужно помочь. Мне нужно... — Мои слова замолкают, когда я смотрю через его плечо на гигантскую груды обломков.

— Он знал, что это обернется катастрофой, — рассеянно признается Алекс. — Он знал, что нам не следовало соглашаться на это. Он так беспокоился о том, что ты можешь пострадать, что... — Рыдание разрывает его горло, обрывая конец предложения.

— Они были уверены, что поступили правильно. Мы должны доверять им, — говорю я, не сводя глаз с дяди Дэмиена, который стоит среди своих капо, роясь в обломках, чтобы найти своих людей. Его брата.

— Пошли, Э. Мы собираемся продолжать поиски, — говорит Нико, обнимая Алекса за плечи.

Не желая выпускать его, ни одного из них, из виду, я тянусь к их рукам.

Я задыхаюсь, когда их разодранная кожа соприкасается с моей, и смотрю на их окровавленные и грязные пальцы.

— Тебе нужно остановить —

— Нет, пока мы их не найдем, — говорит Нико низким и убийственным голосом, отдергивая руку. — Папа слишком хорош, чтобы умереть здесь.

Он уходит прежде, чем у меня появляется шанс ответить, и я смотрю, как он перелезает через обломки и начинает разбирать то, что, как я предполагаю, является крышей, раскапывая землю в надежде кого-нибудь найти.

— Не делай глупостей, малышка Си, — выдыхает Алекс мне на ухо, прежде чем направиться к Нико. Тео, Себ и Тоби следуют за ним.

Руки снова обвиваются вокруг меня, но я не отвожу глаз от парней, когда все они начинают работать вместе, чтобы очистить территорию, в которой они находятся.

Все четверо грязные, их руки искалечены, и меня переполняет чувство вины за то, что я спала дома, в то время как они были здесь, помогая.

— Скольких из них не хватает? — спрашиваю я.

— Мы не знаем наверняка. По крайней мере, еще пятерых, судя по тому, что выяснили ребята.

Я просматриваю сцену передо мной. Повсюду солдаты, пожарные, Жнецы и Волки, прокладывая себе путь через руины.

— Еще? — спрашиваю я, желчь подступает к моему горлу от того, что это может означать.

— Они уже вытащили четверых.

Я киваю, подавляя накатывающие эмоции.

Зажмурив глаза, я делаю шаг вперед.

— Чего же мы тогда ждем?

— Ты уверена, что хочешь это сделать? — спрашивает Джоди, и когда я смотрю на нее, мои глаза ловят обеспокоенный взгляд Бри.

— Да. Я уверена. Мы вытащим их быстрее, если нас будет больше.

Они вчетвером кивают в знак согласия, и мы вместе присоединяемся к ребятам и начинаем работать.

КАЛЛИ

— Черт. Сюда, — кричит кто-то, немедленно останавливая нас всех, чтобы посмотреть, что — или кого — он нашел.

Уже поздно. Солнце зашло некоторое время назад, оставив нам только серебристый оттенок луны и прожекторы, которые установили пожарные, чтобы помочь в поисках.

Мое сердце подскакивает к горлу, когда Стелла и Эмми берут меня за руки и помогают пройти по обломкам. Все начинают собираться вместе по мере того, как все больше мужчин сосредотачиваются на этой единственной области, чтобы узнать, что было обнаружено.

— О, черт, — ахает Стелла, когда из-под обломков появляется темная фигура.

— О Боже. — Мой желудок завязывается узлом, сжимается так сильно, что мне приходится бороться с тем, чтобы меня не вырвало прямо там, когда я замираю и смотрю, как мужчины осторожно вытаскивают тело.

Все кричат и выкрикивают приказы, но все как в тумане. В моих ушах нет ничего, кроме белого шума, когда я смотрю, как этот кошмар разворачивается передо мной.

Парамедики спешат, приступая к действию, и мое сердце пытается выскочить прямо из груди.

Хватка на моих руках усиливается, но я едва осознаю то, что вижу, поскольку моя абсолютная паника перевешивает все.

Но затем сквозь все это прорывается голос, и реальность рушится у моих ног.

— Папа, — кричит Нико, проталкиваясь сквозь толпу, пока дядя Дэмиен не хватается его, не давая встать на пути парамедика. — ПАПА, — ревет он, его голос надтреснут от боли и страха.

Тишина окутывает всех нас, пока парамедики делают свое дело, но в ту секунду, когда они начинают искусственное дыхание, я знаю. Я чувствую это до глубины души.

— Папа, — хнычу я, когда Стелла и Эмми прижимаются сильнее, практически удерживая меня.

— Все будет хорошо, Кэл. Это—

— НЕТ, — рычит Нико, наконец-то вырываясь из объятий дяди Дэмиена и бросаясь к носилкам, на которых лежит папа. — Папа, пожалуйста. Ты нам нужен.

Слезы текут по моим грязным и пыльным щекам, когда я стою там, снова сокрушаясь, в то время как мой брат разваливается на части.

Нико не ломается. Никогда. Поэтому вид его опущенных плеч и дрожащего тела разрушает меня.

Произносятся приглушенные слова, но, когда парамедики отступают, а дядя Дэмиен снова подходит к Нико, у меня есть все ответы, которые мне нужны.

Стелла и Эмми прожигают меня обеспокоенными взглядами, но я не смотрю на них. Я не могу отвести глаз от Нико, когда он опускается на колени рядом с безжизненным телом нашего отца.

Тьма опускается вокруг меня, сковывая все, пока я не клянусь, что мое тело состоит только из камня и льда.

Я наблюдаю за всем, что происходит вокруг меня, как будто я смотрю фильм, а не на свою собственную жизнь.

Руки поддерживают меня, но я теряю представление о том, кому они принадлежат,

поскольку Тео, Себ и Тоби окружают Нико и пытаются удержать его вместе.

Я не замечаю человека, которого нет в их маленькой группе, пока другая пара рук не опускается на мои бедра и меня не уносит со сцены передо мной.

Алекс смотрит на меня сверху вниз испуганными глазами, и от этого все врзается в меня, как грузовик.

Мои колени подкашиваются, когда боль пронизывает меня насквозь.

Но он не дает мне упасть. Он никогда бы этого не сделал.

Он ловит меня и притягивает к своей груди, обнимая и крепко прижимая к себе.

— Мне так чертовски жаль, Калли, — выдыхает он мне в ухо, и осознание того, что он мне говорит, хотя я уже знала, полностью ломает меня.

Тепло окружает меня, пока мои девочки утешают меня, делая все возможное, чтобы сделать это более терпимым.

Но ничего из этого не работает. Боль слишком острая, слишком жестокая. И страх... Черт возьми, страх того, что это только начало агонии, такой же подавляющий, как и горе.

— Где он, Алекс? — хнычу я.

— Черт возьми, Кэл. — Его хватка на мне усиливается, и это мало помогает моему хрупкому состоянию. — Я не знаю.

Уткнувшись лицом в изгиб его шеи, я рыдаю обо всем, что потеряла, и обо всем, что, как я чувствую, ускользает от меня.

Голоса разносятся в воздухе вокруг меня, но я не слышу ни слова. Люди двигаются, двигатели урчат, а завалы продолжают вывозиться. Единственное, что остается неизменным, — это руки, обнимающие меня.

Поддержка Алекса никогда не ослабевает, несмотря на то, что ему так же больно, как и мне.

— Ты хочешь пойти и увидеть его? — спрашивает он сильным голосом, давая мне зацепиться за что-то.

— Эм... — У меня голова идет кругом от важности этого вопроса. Я крепко сжимаю глаза, пытаюсь решить, хочу ли я, чтобы моим последним воспоминанием об отце было то, как он улыбается сегодня вечером, празднуя мамин день рождения, или лежит на носилках, вероятно, избитый, в синяках и переломах.

— Нико все еще там.

Я киваю в грудь Алекса и делаю глубокий вдох.

Это не только обо мне. Я не единственная, кто кого-то здесь потерял. Нико, он—

Рыдание вырывается из моего горла.

Мой брат только что потерял своего героя.

— Я нужна Н-Нико.

Губы Алекса приоткрываются, чтобы ответить, но я не даю ему шанса. Я обхожу его и иду туда, где мой брат все еще стоит на коленях на земле перед нашим отцом.

Я опускаюсь рядом с ним, мое сердце колотится в горле, и я смотрю на его профиль.

Выражение лица Нико непроницаемо, его маска прочно на месте.

Но в ту секунду, когда я тянусь к нему и обнимаю за плечи, все меняется. Как будто от моего прикосновения рушатся пошатнувшиеся основы, которые поддерживали его, и он падает на меня, сжимая меня так крепко, что мне трудно дышать.

Он ничего не говорит и не издает ни звука, пока мы просто держимся друг за

друга. Наша боль сталкивается, наше горе только растёт с течением секунд и минут.

Только когда некоторое время спустя на меня падает тень, я, наконец, отрываю взгляд от изгиба его шеи.

Я нахожу Тео, смотрящего на нас сверху вниз с расстроенным выражением лица.

— Босс отправился навестить вашу маму, — говорит он нам деловым тоном, но я понимаю почему.

Нико кивает, когда наконец отпускает меня, и оглядывается туда, где мирно лежит папа, и, прежде чем я понимаю, что делаю, я следую за ним.

У меня перехватывает дыхание, когда я смотрю на его грязное лицо.

— Папа, — шепчу я, двигаясь вперед и дотягиваясь до его руки, лежащей у него на груди.

Она все еще теплая, и я цепляюсь за нее, как за спасательный круг, несмотря на то, что знаю, что это подделка.

Он ушел. Я это знаю. И что еще хуже? Я это чувствую.

— Ты заслуживал лучшего, чем это, — говорю я ему. — Я... мне жаль, что ты не сможешь увидеть м-моего— Комок в моем горле обрывает остальные слова, когда моя рука ложится на живот. Ход, который, я надеюсь, все пропустят. Кажется, все, кроме Алекса, когда его рука опускается на мое плечо, мягко сжимая.

— Тебе следует пойти домой, Калли. Уже поздно и— Нико сглатывает и выпускает долгий вздох. — Нам нужно продолжать копать. Он на мгновение опускает голову, прежде чем подняться на ноги и вернуться туда, где некоторые ребята все еще работают.

— Н-нет, я не могу—

— Он прав, малышка Си. Уже поздно, ты ничего не ела и— Слова Алекса обрываются, когда я пристально смотрю на него.

— Мы нужны ему, Алекс. Ему нужно, чтобы мы его нашли.

Он кивает, в его серых глазах мелькает понимание, но это еще не все, и прежде чем он открывает рот, я знаю, что то, что должно произойти дальше, уничтожит меня.

— И ему нужно, чтобы я присматривал за тобой. — Его взгляд опускается на мой живот, когда боль от нашей нынешней ситуации угрожает снова свалить меня с ног.

— Н-но, папа, — говорю я, оглядываясь через плечо.

— Ребята позаботятся о нем. Тебе не нужно беспокоиться. — Я поднимаю взгляд, мои глаза ловят взгляд парамедиков, которые наблюдают за нами со стороны, ожидая, чтобы сделать все, что им нужно. Они оба сочувственно улыбаются мне, и я киваю в знак признательности за то, что позволили Нико подойти к телу на этот раз. Я уверена, что на самом деле это не входит в их должностные инструкции.

— Позволь ему присмотреть за тобой, Калли, — говорит Стелла откуда-то из-за моей спины.

Я хмурю брови, удивляясь, почему она не требует, чтобы она сделала это сама. Но в равной степени я не спорю, потому что единственного человека, которого я хочу обнять прямо сейчас, здесь нет. Или он здесь, он просто...

— Хорошо, — уступаю я.

Прежде чем я успеваю пошевелиться, Алекс притягивает меня к себе и ведет к моей машине.

Кажется, что поездка сюда произошла целую жизнь назад. Пребывание здесь на вечеринке прошлой ночью почти похоже на сон или кошмар. Хотя это было всего двадцать

четыре часа назад.

— Ты должен остаться. У тебя больше шансов найти его, — возражаю я, когда он садится на мое водительское сиденье.

Он тянется к моей руке и сжимает ее. — Я поступаю правильно, — уверяет он меня, хотя его глаза не отрываются от кучи обломков.

— Но что, если—

— Они найдут его. Они должны.

— А что, если—

— Невозможно. Он где-то там, просто ждет, я знаю, что он жив.

— Тогда ты должен—

— Присматривать за тобой. Уверяю тебя, это то, чего бы он хотел.

Я смотрю на его профиль, сосредотачиваясь на твердой линии его челюсти, пока мое зрение затуманивается от слез.

— Спасибо тебе, — шепчу я.

Он медленно отводит глаза и поворачивается ко мне. Темнота и боль, отражающиеся во мне, подобны физическому удару в грудь.

— Он вернется к нам, Калли.

— А если он этого не сделает? — Спрашиваю я, мой голос срывается с каждым словом.

— Тогда я буду рядом с тобой на каждом шагу.

Я прерывисто выдыхаю, когда мои эмоции снова угрожают взять надо мной верх, тяжесть его обещания давит на меня.

— Нет, я не могу просить тебя—

— Один шаг за раз, да?

Его большой палец касается моих поцарапанных костяшек, его любовь и поддержка просачиваются сквозь мою кожу.

— Д-да. Хорошо, — шепчу я, не в состоянии ничего сделать, кроме как последовать его примеру. Я уже на пределе и развалюсь на части в своей машине, если он быстро не вернет меня домой.

Кивнув, он заводит машину. Бросив один долгий взгляд на то место, где лежит мой отец, а рядом с ним парамедики, затем на Нико, который отказывается останавливаться, я закрываю глаза и позволяю Алексу забрать меня из этого кошмара.

По дороге домой никто из нас не произносит ни слова. Нет слов, чтобы сказать. Ничто этого не исправит. Ничто не вернет моего отца, и ничто не повернет время вспять и не остановит события вчерашнего дня, меняющие ход всех наших жизней.

К тому времени, как мы подъезжаем к дому, я полностью отключаюсь.

Мне каким-то образом удалось запихнуть боль и горе в непроницаемый ящик, и я натянула свою собственную маску, которой, я уверена, Деймон гордился бы.

Я не чувствую себя сильной, когда выхожу из машины. Я не чувствую... ничего.

Мое тело движется так, как будто оно знает, что ему нужно, без указаний моего мозга, и я просто позволяю ему делать свое дело.

Со стороны гостиной доносятся громкие крики, но я не двигаюсь в том направлении. Последнее, что я хочу увидеть прямо сейчас, это как мама разваливается на части.

— Калли, подожди, — зовет Алекс из-за моей спины. Но я не останавливаюсь, когда бегу в свой подвал.

Тень заполняет дверной проем гостиной за мгновение до того, как я прохожу мимо, и когда я поднимаю взгляд, я нахожу Джослин, стоящую там. Впервые за все время ее волосы в беспорядке, макияж стекает по лицу.

Поднимая руку, я прерываю ее, прежде чем она успевает что-либо сказать, и продолжаю идти вперед, тяжелые шаги все время сопровождают меня.

— Калли, подожди, — зовет Алекс, когда я сбегая по лестнице, одиночество моего подвала слишком манит, чтобы его игнорировать.

Мне нужна тишина, темнота, затем— вырывается еще одно рыдание.

— Ты должен вернуться, — говорю я, мой голос звучит сильнее, чем я ожидала, когда мои внутренности превращаются в пепел.

Я врываюсь в ванную, включаю ванну и наливаю немного пены.

Когда я возвращаюсь, Алекс все еще стоит посреди моего пространства, но я отказываюсь смотреть на него. Я не могу.

— Калли, пожалуйста. Просто остановись, — умоляет он, протягивая ко мне руки. Я отскакиваю в сторону, прежде чем у него появляется шанс притянуть меня к себе. Если я остановлюсь, пока он смотрит, то он будет вынужден стать свидетелем моего срыва, а от него больше пользы в поисках, чем от того, что он вытирает мои слезы прямо сейчас. Мое сердце болит при одной мысли о том, чтобы отослать его прочь, но я знаю, что это правильный поступок. Деймон нуждается в нем больше, чем я прямо сейчас.

— Вернись и найди его, Алекс. Пожалуйста, я у-умоляю т-тебя.

Скидывая обувь, я стягиваю через голову грязную толстовку с капюшоном и натягиваю испорченные леггинсы до лодыжек.

Я не спускаю с него пристального взгляда, и меня бесит, что отсутствует какой-либо жар, который я обычно испытываю, просто стоя здесь в нижнем белье. Только беспокойство и печаль на его пути.

— Я собираюсь смыть с себя всю эту грязь. Затем я иду спать.

Я снова ухожу, его глаза отслеживают каждое мое движение по комнате, пока я не добираться до ванной и не захлопываю за собой дверь.

В ту секунду, когда я остаюсь одна в темноте, наворачиваются слезы, а боль пронзает меня с такой силой, что я понятия не имею, как я еще стою.

Я ковыляю к ванне, каким-то образом умудряясь снять нижнее белье и залезть в нее.

Я не чувствую температуры воды, когда погружаюсь под слой пузырьков. Я не чувствую ничего, кроме боли, когда мои слезы текут быстрее, а крики становятся громче.

— Калли? — Зовет Алекс. — Не делай этого. — Агония в его голосе пронзает меня насквозь.

— Просто уходи, — всхлипываю я. Понятия не имею, достаточно ли это громко, чтобы он меня услышал.

— Я не позволю тебе вот так отгораживаться от меня.

— Просто уходи, пожалуйста. Мне нужно—

Дверь распаивается, шок от громкого хлопка заставляет меня забыть свои слова.

Он тянется за спину и стаскивает с себя грязную и разорванную рубашку. Его кисти и предплечья покрыты грязью и кровью, и быстро становится очевидно, что остальная часть его тела так же пострадала от многочасового перемещения обломков.

— Что, черт возьми, ты делаешь? — Я ахаю, отводя взгляд от порезов и синяков, покрывающих его тело.

— Буду тем, что тебе нужно, и возьму то, что мне нужно взамен.

Я слишком потрясена, чтобы делать что-либо, кроме как смотреть широко раскрытыми, полными слез глазами, как он скидывает ботинки, стягивает брюки с ног и направляется в ванну в одних боксерах.

— Двигайся вперед.

— Алекс, я голая. Ты не можешь просто—

— Черт возьми, Кэл. Это холодно, — выдыхает он, когда опускает пальцы ног в воду.

Я пожимаю плечами. — Не чувствую этого.

— Иисус.

Протянув руку, он вытаскивает пробку, позволяя половине холодной воды стечь, прежде чем снова открыть кран с горячей.

Возможно, я и не чувствовала холода, но я чертовски уверена, что чувствую тепло воды, когда она окружает меня.

Подтянув ноги к груди, я продвигаюсь вперед, наконец-то делая то, о чем он меня просил, и позволяя ему зайти сзади.

К счастью, ванна огромная, что позволяет его длинным ногам обхватить мое тело. Его руки обвиваются вокруг моих, которые обнимают мои ноги.

— Мне чертовски жаль, Кэл, — шепчет он мне на ухо, пока вода продолжает поглощать нас обоих.

Я киваю, поворачивая голову в сторону, чтобы положить ее ему на плечо.

Я прерывисто выдыхаю, но ничего не говорю. У меня нет слов. Как я могу? С Никс может быть все в порядке, но папы больше нет, а Деймон—

Болезненный крик вырывается из моего горла.

— Я держу тебя, — бормочет Алекс, обнимая меня крепче. — И я клянусь, что, черт возьми, не отпущу.

Развернувшись, я прижимаюсь к нему и позволяю горю, которое я пыталась сдержать, поглотить меня.

3

КАЛЛИ

Я просыпаюсь от звуков мягких женских голосов и запаха кофе. Тепло чьей-то руки на моей икре в равной степени успокаивает и причиняет боль.

На самые короткие секунды, когда я прихожу в себя, я надеюсь, молюсь, чтобы все это было одной большой шуткой. Но боль в моей груди, резь в глазах еще до того, как я их открою, говорят мне, что все это очень, очень реально.

— Скажи мне, что все это мне приснилось, — шепчу я, мой голос хриплый как от сна, так и от часов, которые я провела, оплакивая вместе с Алексом прошлой ночью.

Кровать прогибается, и когда я открываю глаза, я нахожу Эмми и Стеллу по обе стороны от меня. Их лица покрыты грязью, волосы в беспорядке, а под глазами темные круги от недостатка сна.

— Как у тебя дела? — спрашивает Стелла, хотя, судя по тому, как она морщится, я думаю, она понимает, какой это глупый вопрос, в ту же секунду, как он слетает с ее языка.

— Мне нужен кофе.

— К счастью для тебя, у меня безупречный выбор времени, — произносит успокаивающий голос, прежде чем Джослин появляется в изножье моей кровати с подносом,

полным кофе, апельсинового сока и свежей выпечки.

Она выглядит ненамного лучше Эмми и Стеллы, и когда ее глаза встречаются с моими, ее лицо вытягивается, а в чертах проступает боль.

— О, моя милая девочка, — выдыхает она, оставляя поднос на краю кровати и обходя его, чтобы притянуть меня в свои объятия.

Я делаю глубокие вдохи, пытаюсь сдержать свои эмоции. Я понятия не имею, как долго я плакала прошлой ночью, но мне нужно взять себя в руки. У меня есть люди, которым я нужна. Разваливаться прямо сейчас — не вариант.

— Это кофе без кофеина, — шепчет она, прежде чем наконец отстраниться.

Мои брови на мгновение сводятся, когда я пытаюсь расшифровать то, что она мне говорит. Второе осознание поражает меня, я хочу свернуться калачиком обратно под одеяло и никогда не выныривать.

Как, черт возьми, моя жизнь превратилась в это дерьмовое шоу?

Вокруг нас воцаряется тишина, когда Джослин, раздав нам всем по кружке, выдвигает стул. Эмми и Стелла смотрят на нее в замешательстве. Она никогда раньше не тусовалась с нами, но прямо сейчас мне это нужно. Мне нужна вся их сила и поддержка, и Джослин, кажется, знает это лучше, чем кто-либо.

— Спасибо за это, Джей, — говорит Эмми с мягкой улыбкой. — В нем, случайно, нет виски?

— Извините, просто кофеин.

— Я приму это.

— Вы обе хоть немного спали? — спрашиваю я, переводя взгляд на двух моих лучших друзей.

Они обе качают головами. — Мы были на поисках с ребятами.

— Где они? Где Алекс?

— Алекс вернулся, как только мы приехали сюда, чтобы составить тебе компанию.

Меня охватывает чувство вины за то, что он оставил поиски Деймона из-за меня. Он должен был быть там. Он мог почувствовать то, чего не смогли другие.

Я киваю, когда воспоминания о времени, проведенном с Деймоном за последние пару недель, проносятся в моей голове, как фильм.

— Я встречалась с Деймоном, — выпаливаю я.

Тишина.

Поднимая глаза, я встречаюсь с добрыми глазами Джослин, и она ободряюще кивает. Она более чем осведомлена об огромных секретах, которые я хранила.

Для меня настало время начать исповедоваться. По крайней мере, в некоторых из них.

— Т-ты... э-э... — начинает Стелла.

— Ты трахалась с Деймоном? — Эмми ахает, осознание ударяет ее по голове. — Деймон? Деймон Деймос? Близнец того парня, который ходит за тобой повсюду, как потерявшийся щенок, этот Деймон?

— Да, мы все знаем, о ком она говорит, Эм, — огрызается Стелла, гнев и разочарование, которые, как я надеялась, я не услышу в ее голосе, очевидны.

— Прости, что я не сказала тебе, я просто... все это было безумием, и теперь он—

— О, черт, — выдыхает Стелла, бросая свою кофейную кружку на мой прикроватный столик, прежде чем украсть мою и броситься на меня.

— Я в порядке, — неубедительно шепчу я.

— Они найдут его. Он лучше этого, чем быть похороненным под зданием.

— Я так думала о своем отце, но посмотри, к чему это привело.

Еще одна пара рук окружает меня, пока я не оказываюсь посреди них, будучи чертовски близка к тому, чтобы быть раздавленной насмерть.

— Я собираюсь оставить вас, девочки, наедине с этим, — говорит Джослин, когда я призналась в своем первом грехе. — Позвоните мне, если я вам понадобится.

К тому времени, когда Стелла и Эмми освобождают меня, она уже исчезла.

— Ладно, итак... — Начинает Эмми, когда Стелла возвращает мне кофе. — Давайте сосредоточимся на наиболее важных элементах этого откровения. Насколько велик его член?

— Эмми, — отчитывает Стелла.

— Что? — спрашивает она, пожимая плечами. — Мы сейчас по колено в аду, нам разрешено немного поговорить о члене, верно? — Эмми смотрит на меня, в ее глазах почти умоляющий взгляд.

Одному Богу известно, что они увидели за те часы, что копались в этом разрушении. Как и у Алекса, их руки поцарапаны и окровавлены, одежда испорчена. Я полагаю, что наименьшее, что я могу сделать прямо сейчас, это помочь им пройти через это настолько, насколько я знаю, что они помогут мне.

— У него пирсинг на члене, — тихо признаюсь я.

— О, мой гребаный Бог. Я знала, что этот парень был фриком, — смеется Эмми, хотя ее обычного юмора явно не хватает.

Снова наступает тишина, и я тяжело вздыхаю, боль и потеря наполняют каждый дюйм моего тела.

— Как долго вы двое были... — спрашивает Стелла.

— Это началось на Хэллоуин, — признаюсь я, вздрагивая.

— Черт, — шепчет она, на ее лице явно читается боль.

— Прости, — выдыхаю я, беря ее за руку. — Это... это было всего один раз. Я даже не должна была знать, что это был он. Он так и не снял маску и—

— Все в порядке, Кэл. Ты не обязана этого делать. Это шок, конечно. Но мы здесь ради тебя, несмотря ни на что, — уверяет меня Эмми.

— Спасибо.

— А как насчет Алекса? Ты ему нравишься, он—

— Он знает. Знал это все время, хотя мы не знали этого до недавнего времени. Он подталкивал нас к признанию, будучи... самим собой. — Грустный смех срывается с моих губ.

— Я думаю, в этом есть какой-то смысл.

— Когда я отсутствовала на прошлой неделе, — признаюсь я, — я была с Деймоном.

— О, вау. Хорошо. — Стелла убирает свои растрепанные волосы с лица, пока все обдумывает.

— Это еще не все.

— Господи, Калли. Ты жила двумя совершенно разными жизнями или что-то в этом роде? — спрашивает Эмми.

— Вроде того. — Я смотрю на Стеллу. — Ты помнишь Анта и Энзо?

— Итальянцы? Конечно. Они были хо—

— Я не переставала встречаться с Антом. После той ночи на Хэллоуин между мной и

Деймоном ничего не произошло. Но затем, несколько недель назад, в ночь, когда они напали на итальянцев, я была в комнате Анта. Деймон взял ее штурмом, и что ж... можно с уверенностью сказать, что в те выходные я не делала домашнюю работу.

— У тебя были секс-выходные с дьяволом? — Догадывается Эмми.

— Да и нет. — Я опускаю голову на руки. — Боже, все это такой беспорядок.

— Все будет хорошо, Калли. Они найдут его, и он—

Я поднимаю взгляд, мои глаза встречаются с ее, умоляя ее прекратить питать ложную надежду.

— Сколько прошло времени?

— Эмм...

— Примерно тридцать шесть часов, — отвечает Эмми.

— И скольких выживших они вытащили? — Мое сердце разрывается надвое, когда я задаю этот вопрос, но я отказываюсь позволять себе верить в то, чего просто не произойдет.

— Двое, но это было почти сразу. Все остальные были...

— Это не будет хорошо, Стел. Ничто в этом не будет хорошо.

— Но это должно быть, — утверждает она, отказываясь верить в неизбежное.

— Но что, если это не так?

Моя рука, спрятанная под одеялом, снова скользит к животу, суровая реальность всего этого давит на меня. Но, несмотря на мои признания, эта правда, меняющая жизнь, остается запертой внутри меня.

Я и близко не готова пытаться примириться с результатом, который предстал передо мной позавчера вечером.

— Я знаю, что ты пытаешься быть реалистом здесь, Кэл. Я понимаю это, правда. Но это не конец для Деймона. Этого не может быть. Я, блядь, отказываюсь в это верить, — яростно говорит Эмми, ее глаза не отрываются от моих, давая мне хоть немного силы, за которую ей удастся цепляться.

***

Несмотря на то, что они обе выглядят совершенно разбитыми и отчаянно нуждаются в душе, Эмми и Стелла сидят со мной, пока я пытаюсь переварить все, что произошло с субботнего вечера. С одной стороны, наш день в спа и сборы в Prestige кажутся прошедшими миллион лет назад. Но потом я вспоминаю взрывы, стрельбу, крики страха людей, когда итальянцы обрушили на нас ярость, и всплеск адреналина пробегает по моему позвоночнику, как будто это произошло всего несколько минут назад.

Ант.

Он должен быть последней из моих забот прямо сейчас, но это не мешает мне беспокоиться о его безопасности.

Когда он сказал мне, что вытасчит их, я поверила ему.

Возможно, это было наивно с моей стороны. Но я ничего не могу с этим поделать.

Он никогда не был никем иным, кроме как заслуживающим доверия и честным со мной.

— Черт, — шиплю я, пытаюсь вскочить с кровати, чтобы найти свой телефон. Я обнаруживаю, что мои лучшие друзья вырубались по обе стороны от меня.

Не разбудив их, я нахожу его все еще в своем клатче с субботнего вечера, рядом с тестом на беременность.

Мои руки дрожат, когда я снова смотрю на результат.

Разве это не должно быть самым счастливым временем в моей жизни? Разве мы не должны праздновать.

Я сдерживаю рыдание, прежде чем оно вырвется наружу, и включаю свой телефон. В нем двухпроцентный заряд батареи, поэтому я быстро отправляю сообщение Анту. Если он сохранил хотя бы часть своего секрета, то, возможно, что-то знает.

Возможно.

Только когда раздается тихий стук в дверь наверху лестницы, я вынуждена сдвинуться со своего места, уставившись на только что отправленное сообщение в надежде, что оно будет прочитано.

Дверь открывается, и я тихо пересекаю комнату, стараясь их не разбудить. И когда я смотрю на лестницу, я вижу Джерома, ковьяляющего вниз.

Воспоминания о нем с кровью, льющейся из его бедра, возвращаются ко мне, и я бросаюсь ему на помощь.

— Тебе, вероятно, не следовало этого делать, — указываю я, обнимая его за талию и ведя к своему дивану.

— Мне нужно было посмотреть, как у тебя дела, — признается он с грустной улыбкой. — Мне так жаль твоего отца.

— Спасибо, — бормочу я, новая волна горя и отчаяния накатывает на меня. Я не забыла, по крайней мере, надолго, но это было немного легче переносить, пока девочки избегали упоминания об этом.

— Как самочувствие? — спрашиваю я, бросая взгляд на его ногу, несмотря на то, что она прикрыта, как я предполагаю, спортивными штанами Нико.

— Да, Джанна сотворила свое волшебство. Примерно через неделю я буду как новенький.

— Ты потерял много крови.

— Да, я думаю, мне очень повезло. Если бы ты не вытащила меня оттуда так быстро, как тогда... Спасибо тебе.

Я качаю головой. — Я ничего не сделала, — шепчу я.

— Калли, ты была крутой задницей. Ты не показала ни капли страха. Ты должна гордиться собой. Я знаю, что твой отец гордился бы.

Слезы обжигают уголки моих глаз, когда комок размером с долбаный футбольный мяч подступает к моему горлу.

— И Деймон тоже, — добавляет он, просто чтобы разбередить эту рану немного шире.

Я опускаю голову на руки и борюсь, чтобы держать себя в руках.

После нескольких глубоких вдохов я снова смотрю на него. Я вижу все заверения, которые Стелла и Эмми дали мне, мерцающие в его глазах. Но я не хочу их слышать. Мне не нужна ложная надежда. Когда случится неизбежное, все станет только хуже.

Мы живем в опасном мире, полном боли и смерти. Что-то подобное всегда не за горами. Это то, о чем я слишком хорошо знала всю свою жизнь, даже когда меня держали в стороне.

— Твой отец, он... — Я вздрагиваю, чувствуя неловкость из-за того, что еще не знаю ответа на этот вопрос.

— С ним все в порядке. Он был на поисках вместе с остальными.

Я киваю. Если бы я была более увлечена этим, то, вероятно, заметила бы, когда занималась тем же самым. Но, честно говоря, все, что произошло после той первой

перестрелки, было не более чем размытым пятном. Единственное, что запечатлевается в моей памяти так ясно, как будто это произошло всего несколько секунд назад, — это взгляд на папу сверху вниз.

— Хорошо. Это хорошо.

— Мама присматривает за тобой.

— Черт, — выдыхаю я, вспоминая, что я отказалась даже подумать о том, чтобы встретиться с ней, когда Алекс привел меня прошлой ночью.

— Не торопись. Мама, Джослин и остальные держат ее в руках.

Черт, Джанна.

Я встаю с дивана. — Мне нужно пойти и встретиться с ними.

— Калли, прямо сейчас тебе не нужно ничего делать.

— Я знаю. Мама потеряла ее... Джанна... — Я даже не могу закончить предложения, но мне и не нужно. Все более чем осведомлены о ситуации.

С тяжелым сердцем и моим миром, разлетевшимся в клочья, я направляюсь к лестнице.

Когда я оглядываюсь назад, я нахожу Джерома развалившимся на моем диване, явно измотанным своей поездкой сюда.

— Потусуйся здесь, хорошо? Отдохни, — инструктирую я, но не думаю, что мои слова нужны. Он пока никуда не собирается.

В доме жутко тихо, когда я пробираюсь через кухню. Все комнаты на первом этаже пусты.

С каждым шагом темная яма отчаяния, открывшаяся в ту секунду, когда в загородном клубе началась стрельба, становится все больше, угрожая затянуть меня на дно.

Я отбрасываю мысли о маме, настолько поглощенной собственным горем, что она даже не попыталась прийти и утешить меня. Сейчас не время для горечи, хотя игнорировать это действительно чертовски трудно.

Я поднимаюсь по лестнице, мое измученное тело делает каждое движение тяжелее, чем следовало бы. Возможно, я проспала несколько часов, но сон был прерывистым и полным кошмаров, которые быстро превратились в реальность, когда я открыла глаза.

Движение впереди меня замедляет мои движения, и у меня перехватывает дыхание, когда Джанна выскальзывается из маминой комнаты.

Мгновение спустя ее глаза встречаются с моими, и она на полной скорости бежит ко мне.

Она поднимает меня на руки и крепко прижимает к своей груди. Этого шага я всегда жаждала от своей собственной матери, но стены, которые она возвела вокруг себя, похоже, не рушатся ради ее детей даже в трудные времена.

Несмотря на мои попытки сдержаться, слезы снова наворачиваются на глаза, когда я думаю о папе, о Деймоне и всех парнях, которые все еще находятся на поисках.

— Пойдем, милая, — шепчет Джанна, ведя меня в мою старую спальню. — Я дала твоей маме кое-что, чтобы помочь ей уснуть. Клио и Айрис все еще с ней.

Я смотрю на нее, мое пустое выражение лица достаточно очевидно, чтобы подсказать ей, что я чувствую к маме прямо сейчас. Очевидно, она опустошена из-за того, что она потеряла мужа, но в равной степени это не повод забывать, что у вас двое детей.

— Мне так жаль, милая, — мягко говорит Джанна, садясь рядом со мной на мою старую кровать.

Я делаю глубокий вдох, на мгновение отрываю от нее взгляд, собираясь с силами,

которые у меня еще остались. — Джанна, Деймон и я—

— Я знаю, — говорит она, сжимая мою руку в знак поддержки. — Я знаю.

Я хмурю брови. — О-он тебе сказал?

Грустная улыбка играет на ее губах. — Нет, милая. Этот мальчик никогда мне ничего не рассказывает. Но он был влюблен в тебя столько, сколько я себя помню. Я знала, что это только вопрос времени, когда вы найдете свой путь друг к другу.

Мои губы открываются и закрываются, как у рыбы, пока я продолжаю смотреть в ее измученные и опустошенные глаза.

Она была здесь с тех пор, как все началось, заботясь обо всех остальных. Тем не менее, она потеряла во всем этом столько же, сколько и мы.

— Он полюбил тебя еще до того, как узнал о существовании этого чувства, Калли. То, как ты помогла ему, то, как ты увидела, кем он был на самом деле.

Моя нижняя губа дрожит, когда ее слова проникают в меня.

— В тебе для него всегда было что-то такое волшебное. Я просто всегда молилась, чтобы ты увидела в нем то же самое, и чтобы однажды он получил все, чего заслуживал.

— О Боже мой, — хнычу я, проигрывая битву со слезами. — Я вижу это, — хнычу я. — Он... невероятный.

Она кивает, обнимая меня крепче.

— Я ненавидела смотреть, как оба моих мальчика вступают в эту жизнь, Калли. Моим самым большим страхом, когда я влюбилась в Стефаноса, было то, что у меня будут мальчики и мне придется терпеть, как они оба делают то, что, я знала, он делал для Семьи. А потом, когда я обнаружила, что у меня будут идентичные близнецы. — Она качает головой. — Я никогда не испытывала такого страха.

— Когда на раннем этапе стало ясно, что у Деймона будут некоторые проблемы со здоровьем, я эгоистично надеялась, что это будет означать, что он не создан для такой жизни. Что, возможно, судьба предусмотрела для него другой путь. Но в ту секунду, когда я увидела его, увидела борьбу и решимость в его глазах, даже в те первые дни, когда он был подключен к большому количеству машин и оборудования, чем должно быть у новорожденного ребенка... Я знала. Глубоко в душе я чувствовала, что его место здесь.

— Если бы у меня были хоть какие-то сомнения, я бы никогда не оставила их здесь со Стефаносом, когда мы расставались.

— Семья — это его жизнь, — вздыхаю я.

— Да. Несмотря на мои страхи, я родила двух свирепых солдат.

— Они оба намного больше, чем это, — говорю я ей, высвобождаясь из ее объятий и глядя ей в глаза.

На ее щеках, как и у меня, слезы, но в них чувствуется нежность, когда она думает о своих детях.

— Так и есть. Должна быть честна, я боялась, что они в конечном итоге поссорятся из-за тебя.

Я не могу удержаться от смеха.

— Они разные во многих отношениях, но оба они смотрят на тебя так, как будто ты волшебное существо, в существование которого они не совсем верят.

— Остановись, это не—

— Как дела у Алекса? — спрашивает она, меняя тему. — Я видела его мельком, когда он выходил из дома несколько часов назад, но он был не совсем откровенен.

— Он... — Мой желудок неприятно сжимается. — Я не знаю, — признаюсь я. — Он

был так настроен присматривать за мной, что я н-не—

— Все в порядке. Такой он и есть. Те, кого он любит, всегда на первом месте.

— Он такой преданный и поддерживающий. Жаль, что я не могу сделать это лучше. Я бы хотела, чтобы у него не было такого выражения в глазах, когда он смотрит на нас с Деймоном вместе.

— Ты помнишь, как я называла его, когда он был ребенком? — спрашивает меня Джанна.

— Щенок?

На ее лице появляется улыбка. — Он всегда был моим маленьким щенком. Такой верный, надежный, привлекательный.

— Расскажи мне больше о них в детстве, — прошу я, отчаянно желая погрузиться в более счастливые времена, в то время, когда, я уверена, Деймон не видел в мире столько уродства.

У Джанны появляется этот отстраненный взгляд, когда она предается воспоминаниям, прежде чем она потакает мне рассказом за рассказом о своих мальчиках. И я впитываю каждый из них, мое сердце полно любви к ним обоим, но такими разными способами.

4

КАЛЛИ

К тому времени, когда открывается входная дверь и раздаются тяжелые шаги по направлению к кухне, где я сижу с Джослин, Джеромом, Айрис и Клио, ковыряясь в приготовленной Джослин еде, уже поздно.

Я отправила Стеллу и Эмми домой после разговора по душам с Джанной. Они обе были измотаны и чертовски грязные. Несмотря на их протесты, им нужен был душ и собственные кровати.

Стефанос позвал Джанну, чтобы она пошла и помогла с некоторыми ранеными на месте разрушения, и она ухватилась за шанс помочь. Я не уверена, нужно ли ей было отвлечься от неизбежного, или она была просто рада сбежать от моей матери.

Она до сих пор не появилась. Я также не отважилась увидеть ее. Что бы ни дала ей Джанна, это выбило ее из колеи, и на данный момент я довольна этим.

У меня есть все люди, которые мне нужны. Ну, почти.

Шаги становятся громче, и мое сердце подскакивает к горлу, потому что они могут быть здесь с хорошими новостями. Но когда в дверях появляются Алекс, Тео, Нико, Себ и Тоби, это снова быстро исчезает, превращаясь в неопишуемую боль, с которой я боролась весь день.

Поднявшись на ноги, я подхожу к Нико.

Он разбит. Его лицо черное от грязи и сажи после разрушения упавшего здания. У него повсюду пятна крови. Я понятия не имею, его это или кого-то еще.

— Ник—

— Не надо, — рычит он, делая шаг назад.

— Пожалуйста, не делай этого. Не отгораживайся от меня.

Он резко сглатывает, от боли, написанной на его лице, мне становится трудно дышать.

— Я не делаю это, Калли. Я просто... — Он протягивает грязную руку к стене, как будто она нужна ему, чтобы удержаться на ногах.

— Уложите его в постель, — приказываю я, мой голос звучит шокирующе авторитетно.

— Мы сделаем это, малышка Си, — соглашается Тео, в его глубоком голосе сквозит страдание. Они с Тоби обнимают моего брата и ведут его к лестнице. Я наблюдаю за ними, пока они не скрываются из виду, затем мой взгляд падает на темный отпечаток руки, который он оставил на идеально белой стене маминой комнаты.

— Простыни чистые, и есть свежие полотенца, — зовет Джослин, внося свою лепту в то, чтобы быть полезной в эти отчаянные времена. — Кричи, если тебе что-нибудь понадобится.

— Спасибо, Джослин, — вежливо окликает Тоби, прежде чем их шаги удаляются.

— Как у тебя дела? — спрашивает Себ, подходя ближе ко мне.

— Я... — Переводя взгляд на него, я проглатываю ложь, которая собиралась сорваться с моих губ. — Потеряна.

Его руки поднимаются, как будто он собирается обнять меня, но его взгляд останавливается на его грязной коже, и он передумывает.

— Ты будешь в порядке, если я отправлюсь домой? — спрашивает он, его бровь нахмурена в неуверенности.

— Конечно. Иди и проверь, как Стелла. Приведи себя в порядок. Немного поспи.

— Там все еще есть парни, которые копают. Но мы не находили никого... живого какое-то время.

Я киваю, слыша слова, которые он не произносит громко и ясно.

Глубоко в горле Алекса вырывается стон, и я подхожу ближе к нему, переплетая свои пальцы с его в знак молчаливой поддержки.

— Стелла рассказала мне. Она сказала, что не должна была, но—

— Все в порядке, Себ.

— Черт, мне так чертовски жаль, Калли. — На этот раз он уступает своей потребности в объятиях и притягивает меня к своему телу. — Я знаю, как это чертовски больно, и я бы никому этого не пожелал. Если тебе что-нибудь понадобится, ты знаешь, где мы, да?

— Спасибо, — выдавливаю я.

— Все что угодно. — Он целует меня в макушку, прежде чем передать Алексу, который, не теряя времени, притягивает меня к своему телу, теперь, когда я полностью испачкана.

— Отдохни немного, — говорит Себ Алексу. — Мы вернемся к этому, когда взойдет солнце, хорошо?

— Да, чувак. Иди, найди свою девушку.

Печаль оmyвает лицо Себа, прежде чем он поворачивается и убегает, выбегая из дома на полной скорости, несмотря на то, что он не спал... долгое, блядь, время.

Алекс поворачивается ко мне, его избитая рука касается моей щеки.

Его губы приоткрываются, чтобы заговорить, но я опережаю его.

— Тебе тоже нужно пойти и отдохнуть. Ты выглядишь измученным.

— Черт, — выдыхает он, и в его глазах появляется обычный дерзкий огонек. — А я-то думал, что выгляжу сексуально и все такое дерьмо.

— Он думает, что он такой ловкий, — невозмутимо заявляет Джослин с другого конца комнаты.

— Я такой, и вы это знаете, мисс Джи.

Джослин сочувственно улыбается ему. — Моя девочка права, Александр, — говорит она, изогнув бровь.

— Я знаю, — соглашается он. — Хочешь одолжить мне свою кровать, малышка Си?

Компания ценится.

Какими бы неуместными ни были его слова, я не могу не быть благодарна за его попытку быть нормальным в такой удручающей ситуации.

— Вообще-то, — признаюсь, — я имела в виду кое-что другое.

— О? Расскажи. Я поддерживаю все твои безумные планы.

— Ты кошмар. Пошли. — Я тяну его за руку, готовая потащить к себе в подвал, но Джослин останавливает нас.

— Подожди. Возьми это. Похоже, тебе это нужно. Она передает две банки кока-колы, сэндвич, который можно использовать как подпорку для двери, он такой огромный, и пакет чипсов.

Алекс с готовностью забирает их все, прежде чем последовать за мной в подвал.

— Мне, наверное, стоит принять душ, прежде чем ты сделаешь со мной свой порочный путь, малышка Си. Не могу сказать, что я такой уж свежий.

В ту секунду, когда мы оба оказываемся в подвале, я поворачиваюсь к нему и вырываю все у него из рук — к большому его разочарованию, поскольку он наблюдает, как уходит бутерброд, как будто я только что украла его щенка — и откладываю все это в сторону, прежде чем обхватить его руками и крепко прижать к себе.

— Тебе не нужно делать это со мной.

— Делать что? — невинно спрашивает он, когда его руки отвечают на объятия.

— Притворяться, чтобы скрыть свою боль. — Меня поражает прямо здесь и сейчас, когда я слушаю, как колотится его сердце у меня под ухом, что на самом деле, в глубине души, Алекс и Деймон не так уж сильно отличаются. В то время как Деймон скрывает свою боль в своей темноте, отрезая себя от всех, Алекс использует свой юмор, чтобы замаскировать ее.

Поднимая голову с его груди, я смотрю на него и беру его щеки в свои ладони.

— Теперь мы в этом вместе. Впусти меня.

Его глаза закрываются, и мое сердце разбивается — не то чтобы я уверена, что оно было достаточно цельным, чтобы разбиться снова.

— Алекс, ты знаешь мои секреты. Доверь мне свои, — умоляю я.

— Мои секреты — не твое бремя, Калли. Ты взяла на себя бремя Деймона. Этого более чем достаточно для одного человека.

Я качаю головой. — Это чушь собачья, и ты это знаешь.

— Черт возьми, Калли, — выдыхает он, прижимаясь своим лбом к моему. Он смотрит мне в глаза, его боль смешивается с моей, но, как бы больно это ни было видеть, это придает мне немного сил. Я без сомнения знаю, что он будет рядом со мной во время всего этого, и, возможно, с моей стороны было бы эгоистично позволять ему это. Но прямо сейчас мне это нужно. Мне это чертовски нужно. — Это чертовски больно, и я знаю, что это ничто по сравнению с тем, через что ты проходишь и—

— Нет. не сравнивай. Мы не играем в эту игру.

— Но—

— Нет, Алекс. Я серьезно.

Он кивает и шепчет: «Хорошо».

Отпуская его, я заставляю себя сделать шаг назад.

— Итак, ты хотел принять душ или... — Я оглядываю свою комнату, пустота внутри меня становится только глубже, несмотря на то, что Алекс здесь.

— Или...

— Мы можем поехать к тебе домой? Я... — Я вздыхаю. — Мне нужно выбраться отсюда.

— Хочешь пойти поспать в моей кровати, малышка Си? — спрашивает Алекс с усталым блеском в глазах.

— Ты можешь сказать «нет», я просто...

— Заткнись, Кэл. Собери кое-какие вещи. Я же сказал тебе, все, что тебе нужно.

Он улыбается мне, но, хотя его губы могут изгибаться, это никогда не встречается с его глазами. Он пытается. Он действительно, блядь, пытается напустить на себя храбрый вид при всем этом, но он проигрывает битву. Я вижу, как появляются трещины. И я твердо намерена быть рядом, когда он, наконец, ослабит хватку. Он поймал меня, когда я падала, и я полна решимости сделать то же самое для него.

Я мечусь по своей комнате, хватая те немногие вещи, которые могут мне понадобиться, прежде чем снова подойти и остановиться перед ним.

Он с подозрением смотрит на мою сумку.

— Ты переезжаешь?

— Возможно. Все должно быть лучше, чем быть здесь сейчас.

— Я почти уверен, что где-то там есть оскорбление, но я слишком устал, чтобы найти его. Или заботиться об этом.

Наклоняясь, он поднимает мою сумку и перекидывает ее через плечо.

— Ты сможешь вести машину?

Мы заскакиваем на кухню, чтобы сообщить Джослин, куда мы направляемся. Она смотрит на меня обеспокоенным взглядом, но ничего не говорит, просто позволяет Алексу вывести меня из дома, ободряюще положив руку мне на поясницу.

Немного этого тепла придает мне сил, заставляет двигаться вперед, а не просто рассыпаться грудой на полу.

Поездка через весь город к дому парней проходит в тишине. Лицо Алекса застыло в каменной маске, его избитые руки крепко сжаты на коленях, и, несмотря на усталость, его нога беспокойно дрыгается.

Когда я спускаюсь на подземную парковку, до меня доходит, что он, вероятно, не возвращался сюда с тех пор, как все это произошло.

Я колеблюсь, прежде чем припарковаться, но, в конце концов, ставлю свою машину на то же место, что и всегда. Прямо между машинами Алекса и Деймона. Мотоцикл Деймона припаркован с другой стороны, и боль пронзает меня, когда я вспоминаю тот единственный раз, когда я каталась на нем с ним.

Я думала, что в том путешествии были одни из худших моментов в моей жизни. Если бы я только знала, что обрушится на меня всего несколько дней спустя. Возможно, я просто держалась бы чуть крепче.

— Это была ошибка? — спрашиваю я, заглушив двигатель и поворачиваясь, чтобы посмотреть на Алекса.

Он не сдвинулся с места. Ни на дюйм.

— Мы можем вернуться, если ты не—

— Все в порядке, Кэл. В конце концов, мне придется быть здесь. Может, лучше просто покончить с этим, верно?

— Черт, — выдыхаю я, запуская руки в волосы. — Это так чертовски сложно.

Я зажмуриваю глаза, отчаянно пытаюсь сдержать прилив слез, позволяя себе утонуть в реальности.

Я вздрагиваю, когда теплая рука ложится на мой живот, его большой палец нежно касается меня.

Мой пульс учащается, а глаза распахиваются.

— Пришло время показать миру ту силу, которую ты скрывала внутри себя все это время, малышка Си.

Его глаза по-прежнему прикованы к моему животу, интенсивность его взгляда заставляет все казаться слишком реальным.

— Я почти уверена, что все это был миф.

— Не-а. — Его глаза находят мои. — Это там. Я видел это снова и снова. Деймон тоже. — Его голос срывается, когда он произносит имя своего брата.

Я киваю, не в силах говорить из-за комка в горле.

— Давай, мне действительно нужно принять душ и вырубиться.

— Черт, да. — Подавляя свою боль, я сосредотачиваюсь на Алексе и на том, чтобы быть тем, в чем он нуждается прямо сейчас.

Он хватается за руку, когда обходит машину. Моя сумка перекинута через его плечо, и я крепко держусь за нее, когда мы заходим в лифт.

Его хватка усиливается с каждым этажом, на который мы поднимаемся, и я подхожу немного ближе, отчаянно желая придать ему немного силы.

Болезненный вздох срывается с его губ, когда двери открываются, открывая пустой коридор. Мы поворачиваем к их квартирам, мои конечности отяжелели от горя, когда мы приближаемся к двери Деймона.

Мысль о том, что он прячется за ней, заполняет мой разум, но как бы сильно я ни хотела, чтобы это было правдой, я знаю, что это не так. Он может быть холодным, безжалостным и темным. Но он бы не поступил так жестоко ни с одним из нас. Возможно, он не хочет, чтобы мир это видел, но ему не все равно. Действительно не все равно.

— Он сказал мне, что любит меня, — выпаливаю я. Наши шаги замедляются, пока мы не останавливаемся прямо у его квартиры.

— Он сделал это? — Спрашивает Алекс, глубоко нахмутив брови.

— На вечеринке, когда он загнал меня в угол в ванной.

— Ты рассказала ему о... — Его глаза опускаются, прямо вместе с моим сердцем.

Я качаю головой. — Нет. Тогда я не знала. Впервые я увидела этот результат... это было с тобой.

— Чертов ад.

Алекс проводит пальцами по грязным волосам, на его лице запечатлена мука. Он выглядит старше, мудрее. И не в хорошем смысле.

— Давай, тебе нужно помыться. — Его брови изогнуты. — Что? Я не думаю, что тебе нужно, чтобы я говорила тебе, что от тебя воняет.

— Нет, я в курсе. Я просто...

Он переводит взгляд с входной двери Деймона на свою, как будто не знает, какую из них хочет больше.

Принимая решение за него, я тащу его к его квартире.

Достаточно скоро нам придется иметь дело с тем, чтобы войти внутрь и оказаться в его окружении. Прямо сейчас ему просто нужно поспать.

У меня нет выбора, кроме как остановиться, чтобы он мог прижать руку к биометрическому сканеру, но в ту секунду, когда дверь распаивается, я продолжаю идти вперед, пока не оказываюсь посреди его спальни.

Я отпускаю его руку и просто смотрю вокруг.

— Что? — спрашивает он, колеблясь позади меня.

— Ничего. Это просто так... нормально.

Он издает лающий смешок, который немного облегчает мою душу. — Господи, Кэл. Чего ты ожидала?

— Я не знаю. Но, по крайней мере, зеркальный потолок.

— Какой образ ты нарисовала обо мне в своей голове, а?

— Тот, где ты проводишь большую часть своего времени, разговаривая о сексе. Здесь даже нет надувной куклы, — язвительно замечаю я.

— Ладно, теперь это оскорбительно. Мне не нужен надувной матрас, чтобы потрахаться.

— Это правда? — Бормочу я, подходя к окну, чтобы посмотреть на освещенный город под нами. — Когда ты в последний раз имел какое-либо действие?

Он усмехается позади меня, прежде чем начинает шуршать ткань, поскольку я предполагаю, что он начинает снимать свою отвратительную одежду.

— Мы действительно идем туда, малышка Си?

— Это был всего лишь простой вопрос, — выдыхаю я, теряясь в движущихся огнях машин и автобусов.

Мою кожу покалывает от осознания, когда он подходит ко мне сзади и прижимает ладони к стеклу, заключая меня в клетку.

— Тебе не нужно беспокоиться обо мне, — шепчет он, прежде чем поцеловать меня в щеку и исчезнуть так же быстро, как и появился.

Поворачиваясь, я мельком замечаю его голую задницу, когда он проскальзывает в ванную.

Он оставляет дверь открытой, и всего через несколько минут изнутри вырывается пар.

Скидывая кроссовки, я бросаю толстовку на стул в его комнате. Ну, я предполагаю, что там есть стул, и это не просто эпическая груда одежды, и я стягиваю леггинсы с ног, прежде чем подойти к его кровати и откинуть одеяло.

Прохладные простыни взывают ко мне, мое тело мгновенно умоляет меня свернуться калачиком и немного отдохнуть. Но движение в зеркале на стене рядом со мной привлекает мое внимание и останавливает меня от сползания вниз.

У меня перехватывает дыхание, когда я смотрю на Алекса в отражении. Его ладони прижаты к плиткам, голова обреченно свисает между ними, когда вода стекает ему на спину.

— Черт, — шиплю я, осознавая, как сильно он пытается держать себя в руках.

Прошлой ночью он не позволил мне упасть, и я хочу отплатить ему тем же.

Я в изножье кровати, мои ноги готовы отнести меня к нему, когда шум душа внезапно прекращается.

Он появляется мгновение спустя с полотенцем, обернутым вокруг талии, и водой, стекающей по его свежeweымытой коже. Но ничто из этого на самом деле не привлекает моего внимания. Кроме темноты в его глазах.

Что вместе с его мокрыми волосами, падающими на лоб, его челюсть покрыта щетиной, он больше похож на свою вторую половину, чем я когда-либо видела.

Он делает паузу, когда видит, что я, очевидно, направляюсь его спасать.

Его челюсти сжимаются, когда он изучает меня, но ни слова не слетает с его губ. Вместо этого он просто качает головой, отрывает от меня взгляд и идет к своим ящикам.

Я сижу, застыв, пока он снимает полотенце со своей талии и проводит им по телу, собирая остатки воды, прежде чем вытереть им волосы и уронить на пол. Выдвинув ящик, он натягивает боксеры и, наконец, поворачивается ко мне.

— Всегда пожалуйста, — язвит он, обнаружив, что я откровенно наблюдаю за шоу. Но в этих двух словах нет ничего от Алекса, которого я знаю и люблю. Они пусты, точно так же, как выражение его глаз.

— Я-я не—

— Я знаю. — Он откидывает покрывала со своей стороны кровати и проскальзывает внутрь.

— Тебе что-нибудь нужно? Ты голоден или—

С уже закрытыми глазами он тянется ко мне, обхватывает рукой мое предплечье и тащит меня к себе.

Я таю рядом с ним, кладу голову ему на грудь и слушаю ровное биение его сердца.

Он натягивает одеяло на нас обоих, когда я обнимаю его за талию и переплетаю наши ноги вместе.

— Скажи мне, что завтра будет легче, — умоляет он, боль в его голосе превращает воздух вокруг нас в лед и затрудняет вдох.

Я вздыхаю, обнимая его крепче, не в силах дать ему уверенность, которой он так отчаянно жаждет.

Он засыпает быстрее, чем я думала, это возможно.

Но сон не овладевает мной так быстро, и я лежу так, как мне кажется, часами, а ровное биение его сердца удерживает меня на земле, его крепкая хватка на мне, даже во сне, достаточно крепкая, чтобы удержать меня вместе.

Мысли о моем Бэтмене кружат у меня в голове, и я думаю обо всем, что я должна была ему сказать, обо всех признаниях, которые я должна была сделать, прежде чем все пошло так неправильно.

— Я люблю тебя, — шепчу я, испытывая потребность произнести эти слова в надежде, что он каким-то образом услышит их слишком сильна, чтобы отрицать.

Пальцы Алекса сжимаются на моей талии, и я все еще боюсь разбудить его.

— Он знает, — шепчет Алекс, заставляя мое сердце разбиться на миллион кусочков.

5

ДЕЙМОН

— Небольшой укол, — грохочет глубокий голос, пока я пробиваюсь из темноты, которая поглотила меня... черт знает сколько времени назад.

Осознание того, что я нахожусь в больнице, приносит некоторое облегчение, поскольку укол, о котором меня предупреждали, касается моего плеча, прежде чем поток холодной жидкости разливается по моим венам.

Все причиняет боль, каждая гребаная вещь.

Все, на что я могу надеяться, это то, что то, что только что вкололи в мое тело, было каким-то серьезным гребаным обезболивающим.

Вокруг меня происходит движение, и я снова начинаю засыпать, позволяя тьме, где не

существует боли, снова затянуть меня в свои объятия, прежде чем запах комнаты останавливает меня.

Я не заметил этого, когда впервые пришел в себя, но чем больше воздуха я втягиваю через нос, тем больше становится очевидным, что на самом деле я не в больнице.

Мое окружение не стерильно, и что-то подсказывает мне, что жидкость, которую мне только что ввели, мне не поможет.

Копая глубже, я собираю немного сил и двигаю рукой.

Это тяжело, каждая моя конечность тяжелая, но не моя усталость и не то, что течет по моим венам, не дает моей руке сдвинуться ни на дюйм. Это могли бы быть путы, приковывающие меня к кровати.

Громкий стон боли наполняет комнату, и я, наконец, приоткрываю один глаз.

Он почти не работает, и я должен предположить, что часть боли, с которой я борюсь, вызвана серьезным избиением.

Последнее, что я помню, был леденящий душу грохот, когда здание надо мной рухнуло с последним, сотрясающим землю взрывом.

Последнее, что я помню, о чем я думал, была она, и я возносил безмолвную молитву, чтобы Алекс позаботился о ней, если случится худшее.

Мысль о том, чтобы оставить ее, когда мы едва начали, разрушила меня, но я знал, что с ней все будет в порядке. Мне просто оставалось надеяться, что остальные тоже выбрались.

Девушки были в безопасности. Я убедился в этом сам, когда Калли побежала к машине, ожидавшей их, чтобы отвезти в безопасное место.

Но как насчет моего брата Тео, Нико—

Раздается еще один крик, и, сосредоточившись на темном грязном потолке надо мной, я смотрю направо.

У меня перехватывает дыхание, когда появляется фигура в тени, а зрение проясняется.

Треск.

Звук хлыста заставляет все мое тело вздрагивать, когда воспоминания захлестывают меня.

Без разрешения моего мозга мой глаз закрывается, и я погружаюсь во тьму прошлого.

Я всего лишь маленький мальчик в сарае своего дедушки. Место, где разворачиваются почти все мои кошмары.

Всхлип срывается с моих губ, когда я оглядываюсь на темное пространство.

Я понятия не имею, как долго я здесь на этот раз. Всегда плохо, когда он решает, что пришло время преподать нам урок, превратить нас в мужчин, в солдат, которыми мы были рождены быть. Но сегодня хуже, потому что я один.

Алекс на футбольном турнире с остальными. Папа тоже с ними, подбадривает их, поддерживают, все это время оставляя меня здесь «веселиться».

Мама на работе. Она обещала забрать меня, как только закончится ее смена, и все, что я могу сделать, сидя здесь в темноте, это надеяться, что эта смена скоро закончится. Или что в больнице слишком много персонала — маловероятно, я знаю, но мальчик может мечтать, верно? — и ее рано отправят домой. Этого не произойдет, я знаю это, но если у меня нет какой-то надежды, тогда что у меня есть?

Тяжелые шаги доносятся из-за пределов этого маленького кусочка ада, и все мое тело дрожит, пока я жду, чтобы узнать, насмехается ли он надо мной, или он действительно собирается вернуться и «обучить» меня.

Сегодня он даже не включил телевизор. Я начинаю задаваться вопросом, не потому ли это, что он понял, что мне начинает нравиться наблюдать за пытками, которыми он нас одаривает.

Алексу это не нравится. Он закрывает глаза и изо всех сил старается отвернуться. Не то чтобы страдальческие крики мужчин на видео не пронизывали все его тело, отравляя его так же, как и меня. Но он не теряется в них, как я.

Я использую их, чтобы разжечь свою жажду мести. Мое желание выпутаться из этих ситуаций и доказать, что я уже мужчина, солдат, каким дедушка хочет, чтобы я был.

Мне не нужно это... эта пытка.

Я вздрагиваю, когда снаружи раздается громкий хлопок, но не издаю ни звука — даже писка.

Я давным-давно усвоил, что если я покажу страх, это усугубит то, что должно произойти дальше.

Мне пришлось проглотить свою боль, свое отвращение, свою ненависть, иначе стало бы хуже. Всегда становилось хуже, если я проявлял какую-либо слабость.

Это то, чем он питается. И когда он видит это, он вонзает свой нож и крутит, пока не остается ничего, кроме боли.

Страх пробегает по моему позвоночнику, как ледяная вода, когда открывается дверь, позволяя теплу летнего дня снаружи ворваться внутрь, дразня меня тем, каким мог бы быть мой день. Если бы я увлекался футболом, я мог бы бегать с Алексом и нашими друзьями. Друзьями, с которыми я никогда не чувствовал, что вписываюсь.

Я другой. Я всегда был таким. Но это никогда не мешало им пытаться включить меня.

Иногда я потакаю им, потому что они так стараются, но я не могу избавиться от ощущения, что я круглый колышек, пытающийся пролезть в квадратное отверстие, когда я тусуюсь с ними.

Есть только один человек — не считая Алекса, — который заставляет меня чувствовать, что у меня действительно может быть место в этом мире. И она та, кого я действительно не должен запятнать своим видом тьмы. Но время от времени я сдаюсь. Точно так же, как когда она приглашает себя в мою комнату и заставляет меня делать с ней домашнее задание.

Я делаю вид, что это худшая пытка в мире. Я имею в виду, да, выполнение домашней работы почти такой же отстой, как это прямо сейчас, но быть с ней... оно того стоит.

Улыбка подергивается на моих губах, когда я думаю о ее гладких светлых волосах, ее светло-голубых глазах, которые сверкают каждый раз, когда она смотрит на меня. Ее беспристрастная улыбка и то, как загорается ее лицо каждый раз, когда я заставляю ее смеяться. Я понятия не имею, как мне это удастся. Я наименее забавный человек в мире — она, вероятно, просто потакает мне, жалеет меня. Но, черт возьми, это заставляет меня чувствовать себя королем мира каждый раз, когда она это делает.

Я стою спиной к двери, но сижу на стуле задом наперед, расставив ноги и обхватив руками спинку.

Это больно, и мне действительно неудобно сейчас, когда я нахожусь в таком положении... Я понятия не имею, как долго.

Я не могу видеть, что он делает, когда перемещается позади меня, и я отказываюсь даже пытаться посмотреть, несмотря на потребность знать, быть готовым, которая

сжигает меня насквозь.

— Ты произвел на меня впечатление сегодня, парень, — рычит он после долгого молчания.

Для многих — это может звучать как похвала. Я предполагаю, что в некотором смысле так оно и есть. Но я знаю, что не стоит воспринимать это, как любой ребенок должен воспринимать это от своего дедушки. Я знаю, что он еще не закончил.

У него есть я один, и это означает только одно.

Боль.

Много боли.

Резкий треск кожи рассекает воздух за секунду до того, как она соприкасается с моей спиной.

На мне толстовка, но она мало защищает мою кожу, и боль пронзает мои лопатки. Мои глаза слезятся, а крик боли застрекает в горле. Я борюсь с этим всем, что у меня есть, потому что я не могу выпустить это наружу.

Если я это сделаю, будет только хуже.

Треск.

***

В следующий раз, когда я просыпаюсь, я весь в холодном поту, и мое тело дрожит, затянувшиеся образы моего кошмара отказываются покидать мой мозг, боль от них смешивается с очень реальной агонией, которая все еще прожигает каждый дюйм моего тела.

Я понятия не имею, что случилось со мной за то время, пока я был без сознания, но более чем очевидно, что кто-то или несколько человек немного повеселились.

У меня есть хорошая подсказка относительно того, кто бы это мог быть. Но, честно говоря, за эти годы я применил свой безмолвный метод пыток к более чем нескольким достойным людям, так что на самом деле это могло быть несколько человек.

На этот раз в комнате воцаряется тишина, и я рискую открыть оба глаза в попытке оценить ситуацию.

Мне еще предстоит оказаться в месте, из которого я не смог сбежать. Но я не идиот, я знаю, что я не гребаный Гудини. В какой-то момент моей удаче придет конец, и как бы мне ни хотелось верить в то, что я сейчас жив, а не похоронен под этим зданием, как, я уверен, многие другие, это означает, что мне повезло, хотя я сомневаюсь, что мои пленители позволят мне долго так думать.

У меня кружится голова, когда я открываю глаза, от слепящего света они сразу же слезятся, так что все вокруг меня расплывается. Мой желудок переворачивается, желчь поднимается к горлу, делая мой рот еще более отвратительным, чем он уже был после того, как я так долго был без сознания.

Делая глубокий вдох, я снова на мгновение закрываю глаза, умоляя свое тело подчиниться. Мне это нужно, черт возьми, если мы собираемся найти выход из этого.

Калли.

Образ ее, сидящей на пляже в бикини, легкий ветерок развеивает ее темные волосы, а ее кожа сверкает под теплым солнцем, всплывает в моем воображении.

Нужда переполняет мои вены.

Черт. Мне нужно убираться отсюда и вернуться к моей девочке.

Мои глаза снова открываются, во мне горит решимость сделать то, что мне нужно.

Я осматриваю грязные стены. Их покрывают темные пятна, которые я узнаю, потому что я наносил подобные много-много раз за последние несколько лет. Зловоние тоже знакомое. Только обычно я не тот, кто гноится в запахе смерти, обычно я тот, кто ее вызывает.

О, как изменились обстоятельства, Николас Деймос.

Уничжительный тон моего дедушки наполняет мои уши, и дрожь страха пробегает по позвоночнику. Но я никогда не поддавался этому тогда, и, конечно, не собираюсь делать этого и сейчас.

Комнату освещает один-единственный прожектор, но он направлен не на меня. Вместо этого меня, к счастью, оставили в темном углу, пока все внимание сосредоточено на ком-то другом.

Мои мышцы ноют, когда я поднимаю голову с твердой поверхности, к которой меня привязали, чтобы выяснить, с кем я здесь нахожусь.

Мое сердце учащенно бьется, яд и необходимость сделать что-нибудь, чтобы защитить моих парней, переполняют меня, когда мои глаза сужаются при виде открывшегося передо мной зрелища.

С крюка в потолке свисает мужское тело, веревочные крепления врезаются в запястья, из-за чего по рукам стекает кровь.

Его тело покрыто рубцами, порезами и ушибами. Кто бы это ни был, они действительно устроили ему настоящий ад.

Тем не менее, он жив.

Его поверхностное дыхание заполняет тишину, и, если я действительно сосредоточусь на нем, я могу видеть, как поднимаются и опускаются его плечи, которые, как я могу только предположить, невыносимо болят из-за его травм.

Внезапно откуда-то позади меня раздается жужжание, и порыв ледяного воздуха обдувает мое скользкое от пота тело.

Сильная дрожь пробегает по моему позвоночнику, и когда я смотрю на себя, я обнаруживаю, что на мне только мои боксеры. Мое тело, хотя и лучше, чем у парня, висящего на потолке, знавало лучшие дни. Неудивительно, что все так чертовски болит.

Хотя нет ничего такого, с чем я не мог бы справиться. Я бы прошел через ад, если бы это вернуло меня к моей девушке. И что-то подсказывает мне, что выбраться из этого места будет сродни этому.

Боль в шее от того, что я держу голову высоко, в конце концов берет надо мной верх, и у меня нет выбора, кроме как откинуться назад, когда холод от вентилятора проникает сквозь мою кожу.

Через несколько минут запускается другой, но я не чувствую его.

Мой приятель по камере, конечно, знает, и я вздрагиваю, когда он внезапно кричит: «Вы, ублюдки. Вы умрете за это».

Его голос знаком, достаточно, чтобы понять, что он не принадлежит никому из моих парней, и я вздыхаю с облегчением, что это не один из них. Но этого недостаточно, чтобы мой переполненный наркотиками мозг осознал, кому он принадлежит.

— Эй, — шиплю я, одно невнятное слово разрывает мое пересохшее горло в клочья.

Но он не отвечает. Я понятия не имею, потому ли это, что он игнорирует меня, или он просто отключился. Судя по его состоянию, это вполне может быть и то, и другое.

КАЛЛИ

Несмотря на желание Алекса, чтобы на следующий день все наладилось, неудивительно, что, когда я открываю глаза, боль не уменьшается, и мир не кажется ярче, несмотря на утреннее солнце, льющееся через окно на другой стороне комнаты.

Вытягивая ноги, я обнаруживаю, что все еще очень сильно привязана к Алексу, и жар приливает к моим щекам от того, как интимно мы лжем.

Мы уже несколько раз спали вместе. Я не раз просыпалась в его объятиях. Но не так. Не с ним, цепляющимся за меня, как будто я единственное, что не дает ему утонуть, как будто я единственный луч света в его темной жизни.

Поднимая голову, я отрываю щеку от его груди, моя кожа влажная, надеюсь, от пота, а не от слюней, но после того, как я так крепко выпалась, я не могу исключить последнее.

Отпуская его талию, я подношу руку ко рту, молясь, чтобы не обнаружить маленькую струйку слюны, текущую из уголка моих губ.

К счастью, я этого не делаю, и я вздыхаю с небольшим облегчением.

Поднимая глаза, я не нахожу Алекса спящим, как я думала, а вместо этого он смотрит на меня сверху вниз, глубоко задумавшись.

Одна сторона его рта приподнимается в улыбке, когда наши взгляды встречаются, и я не могу не одарить его грустной улыбкой в ответ.

— Привет, — выдыхает он хриплым со сна голосом.

— Прости, я тебя разбудила?

— Нет, я уже некоторое время не сплю.

— Ты смотрел, как я сплю, как подонок?

У него вырывается грустный смех. — Виновен. Ты что-то говорила.

— Я разговаривала во сне? — Мой румянец с момента первого пробуждения усиливается.

— Да. Ты звала его по имени.

Я судорожно сглатываю, когда реальность обрушивается на меня в полную силу.

Я пожимаю плечами. — Я скучаю по нему.

— То же самое, малышка Си.

Мы замолкаем, наши умы перебирают все, что мы потеряли за последние несколько дней.

Его пальцы дергаются, и я вспоминаю нашу текущую ситуацию.

— Ты в курсе, что твоя рука на моей заднице, верно?

— Конечно. Я всегда лучше сплю, когда у меня есть что подержать в руках.

— Держу пари, парням нравится, когда ты с ними спишь.

Он откидывает голову назад и залиvisto смеется.

— Я все еще дышу. Никто из них еще не поймал меня.

— Ладно, хорошо. Мне нужно пописать, так что, если бы ты мог отпустить, это было бы здорово.

— Боже, с тобой совсем не весело.

— Это не то, что говорит твой брат. — Слова слетают с моего языка прежде, чем я включаю свой мозг, и я сильно съеживаюсь, когда слышу их.

Алекс вздрагивает подо мной, и я заставляю себя сесть и опустить голову.

— Мне жаль. Я—

— Не извиняйся за то, что говоришь о нем, Кэл. Последнее, чего я хочу прямо сейчас, это забыть его.

— Черт. Это так чертовски сложно.

Его рука опускается мне на спину в знак поддержки.

— Я рад, что ты здесь. Что мы можем сделать это вместе.

Я сжимаю его бедро, чертовски надеюсь, что от моего прикосновения он получает такую же силу, как и я от его.

Я позволяю себе утонуть в своей боли на несколько тихих мгновений, прежде чем моя потребность в ванной, наконец, берет надо мной верх, и я соскальзываю с кровати и направляюсь в ванную.

— Видишь, — бормочет Алекс позади меня. — Это хорошая задница. Я был бы дураком, если бы не воспользовался этим по максимуму.

— Ты дурак, — смеюсь я, закрывая дверь пинком.

— Да, и ты любишь меня за это.

— Я люблю, — шепчу я. Возможно, это не так, как то, от чего замирает сердце, слабеют колени, всепоглощающе, как я люблю его брата. Но я действительно люблю его, и то, что он сейчас рядом со мной, и возможность сделать то же самое для него — это все для меня.

Я писаю, затем ополаскиваю лицо водой, надеюсь, что этого будет достаточно, чтобы смыть горе, ввевшееся в мою кожу, прежде чем открыть шкафчик в ванной Алекса в надежде найти запасную зубную щетку.

Но прежде чем я закончу, мой взгляд падает на огромную — и я имею в виду массивную — коробку презервативов.

— Господи, — бормочу я, не уверенная, напугана я или впечатлена количеством действий, которые он ожидает, прежде чем они устареют.

Но когда мое веселье проходит, я все еще смотрю на них как ненормальная, и моя рука опускается к животу.

Возможно, Деймону стоило позаимствовать их.

Я ковьялю назад, пока мои ноги снова не находят туалет.

Мое сердце учащенно бьется, а голова идет кругом, когда реальность моей ситуации обрушивается на меня со всей силой.

У меня действительно не было возможности подумать об этом с тех пор, как мы с Алексом несколько дней назад увидели положительный результат теста.

Но реальность существует в виде другого долбаного человека, растущего внутри меня.

Черт возьми.

Я прижимаю руку к груди, поскольку мое сердце продолжает биться так сильно, что я с трудом перевожу дыхание.

Все вокруг меня начинает расплываться. Единственное, на чем я могу сосредоточиться, это на том, что моя жизнь вот-вот выйдет из-под контроля.

Грохот где-то рядом со мной едва слышен, прежде чем дверь распаивается, открывая Алекса с выражением паники на лице.

— Калли, что случилось?

Но я не могу ответить, моя паническая атака слишком сильна, чтобы вырваться из нее.

— Черт. Черт. Все в порядке, Кэл. Все будет хорошо.

Он опускается передо мной на колени и обхватывает руками мои бедра, глядя мне в

глаза.

— Дыши, Калли. Вдох. — Он делает глубокий вдох вместе со мной, имитируя то, что он хочет, чтобы я сделала. — Выдох... вдох... выдох... вдох...

В конце концов, когда его голос звучит в моих ушах, а тепло его рук успокаивает меня, все начинает возвращаться в норму. Мое сердце перестает биться опасно быстро, и комната возвращается ко мне.

— Черт, — выдыхаю я, моя грудь все еще вздымается, как будто я только что пробежала марафон. — Прости.

— Нет, Калли. Тебе не за что извиняться.

Я киваю, но стыд все еще сжигает меня из-за того, чему он только что стал свидетелем.

— Что тебе нужно? — спрашивает он, его глаза, наконец, отводятся от моих в сторону шкафа, который я оставила открытым.

— Зубная щетка, — шепчу я.

Поднявшись на ноги, он наклоняется вперед и прижимается губами к моему лбу.

— Я все сделаю, Калли. — Его рука обвивается вокруг моей шеи, и я растворяюсь в нем, впитывая его силу.

— Я не заслуживаю тебя прямо сейчас.

— Ты заслуживаешь всего, что я могу тебе дать, и даже больше. Но сначала... зубную щетку. Вероятно, это хорошая идея, у тебя отвратительный запах изо рта.

— Эй, — возражаю я, когда он отпускает меня и отступает назад. — Ты тоже сейчас не такой свежий.

Он посмеивается, открывая нижний шкафчик, который я не заметила, и всего через несколько секунд у него в руке новая зубная щетка, и он предлагает ее мне.

— Спасибо, — говорю я, поднимаясь, а затем беру каплю зубной пасты, которую он выдавливает.

Мы стоим бок о бок, чистя зубы, как пожилая супружеская пара. Это странно успокаивает.

— Должна ли я волноваться из-за того, что прошлой ночью спала в постели секс-маньяка? — Спрашиваю я после того, как кладу щетку в держатель, мой взгляд снова падает на коробку с презервативами.

Алекс заливается смехом.

— Это то, что вызвало у тебя приступ паники? — спрашивает он в замешательстве, вытаскивая коробку из шкафа и поднимая ее.

— Ну, не совсем они. Просто к чему привело их отсутствие.

Он смотрит на меня, его глаза мягкие и сострадательные. Это заставляет что-то разбиться внутри меня так же сильно, как и помогает восстановить некоторые сломанные кусочки.

Не желая разрыдаться и снова обрушиться на него менее чем через десять минут, я опускаю взгляд на коробку. Или, точнее, на ленту, которая удерживает крышку закрытой.

— Подожди... ты даже не открыл их, — выдыхаю я.

— Это был подарок Нико на новоселье, — признается Алекс, бросает их обратно в шкаф и направляется к туалету, засовывая руку в трусы, чтобы отлить.

Иисус. У парня нет стыда.

— Я просто собираюсь... — Я выбегаю из комнаты, чтобы дать ему немного уединения, в то время как звук его смеха преследует меня.

— Ты слишком милая, Кэл, — кричит он, когда я прохожу через спальню в поисках выхода.

— Ты не такой, — кричу я в ответ.

— Я знаю. Я слишком сексуален, чтобы быть милым.

— Дай мне сил, — бормочу я, поворачиваясь к кухне, или, точнее, к кофеварке.

Когда Алекс присоединяется ко мне, он натягивает пару спортивных штанов и несет одну из своих толстовок и мою сумку.

— Вот, — предлагает он, когда я стою, прислонившись спиной к стойке, в одной майке и трусиках.

— Спасибо, — бормочу я, натягивая ее через голову и прикрываясь. — Кофе?

— Черт возьми, да. Но иди сядь, я могу это сделать.

Мои губы приоткрываются, чтобы возразить, но он тянется к буфету за двумя кружками, и мои слова пропадают в пользу отступления к его дивану.

Я сворачиваюсь калачиком в углу, когда аромат кофе наполняет воздух вокруг меня, отчего у меня текут слюнки, и достаю телефон. Я получила сообщения от Эмми, Стеллы, Джоди и Джерома, которые проверяют связь. Но мое сердце падает, когда я обнаруживаю, что от Анта по-прежнему ничего нет. И когда я смотрю на наш чат, становится только хуже, когда я понимаю, что он даже не читал это.

Пожалуйста, ради любви к Богу, не допусти, чтобы он тоже оказался где-то посреди всех этих развалин.

— Вот, — говорит он, передавая дымящуюся кружку, отрывая меня от моих мрачных мыслей. — Это тоже нашел, на случай, если ты голодна.

Он кладет новую пачку песочного печенья на подушку рядом со мной, прежде чем опуститься на диван напротив меня.

Мне не слишком нравится его отстраненность, но я не обращаю на это внимания. Последнее, что мне сейчас нужно, это попасть в зависимость от брата-близнеца Деймона.

Так или иначе, и когда-нибудь скоро, мне придется выяснить, как стоять на собственных ногах и принять то, как будет выглядеть мое будущее. Просто... пока нет. Нам нужно выбраться из этого дерьмового шоу, прежде чем кто-либо из нас сможет думать о завтрашнем дне.

— К-как ты себя чувствуешь? — спрашивает Алекс. — Насчет... — он замолкает, давая мне понять, куда он клонит этот разговор, когда его глаза опускаются.

— Ребенка? — спрашиваю я, слово звучит чужеродно на моем языке. Это первый раз, когда я говорю что-либо о его существовании вслух, и я должна сказать, это не сильно помогает моей затянувшейся панике.

— Да. Я знаю, что это безумие, н-но ты собираешься...

— Сохранить его?

— Черт. Мне жаль. Это совершенно неправильный вопрос, который нужно задавать прямо сейчас, и совершенно необдуманый.

— Все в порядке, — торопливо говорю я, ненавидя то, как он внутренне ругает себя за этот вопрос. — И да. Какой бы испорченной ни была моя жизнь, я никак не могу положить этому конец. У судьбы, очевидно, был план для меня, так что...

— Ты веришь во всю эту чушь? — спрашивает он, между его бровями образуется глубокая складка.

— Прямо сейчас я почти ни во что не верю.

— Я понимаю это, — говорит он со вздохом, изучая меня. Я понятия не имею, что он пытается найти в моих глазах, но я почти уверена, что ему не удастся то, чего он хотел. — Я понятия не имею ни о чем из этого дерьма, Кэл. Тебе нужно обратиться к врачу? Сделать что-нибудь, чтобы он был здоров?

— Он? — Спрашиваю я, и на моих губах появляется улыбка.

Он разводит руками. — Я, блядь, не знаю. Мои знания об этом дерьме заканчиваются на том, как сделать все возможное, чтобы это не происходило, на что мой брат явно никогда не обращал никакого гребаного внимания.

— Я виновата не меньше.

— Но ты ведь принимаешь таблетки, верно?

— Господи, откуда вы все знаете интимные подробности моей жизни? — Бормочу я. — Только не говори мне, что и ты вытащил мои медицинские записи?

Глаза Алекса расширяются от удивления. — Э-э... нет. Я видел их в твоей косметичке.

— Ладно, хорошо. Это менее странно и собственнически.

— Я хочу быть здесь ради тебя, ради этого, если... если случится худшее, — тихо признается он.

— Алекс, — вздыхаю я, мое сердце переполняется сочувствием к самоотверженному парню передо мной. — Я не могу просить тебя об этом. Ты за меня не отвечаешь.

— Ты не несешь ответственности, Кэл. Ты одна из моих лучших друзей, и ты носишь р-ребенка моего б-бр— Он проглатывает слово, поскольку эмоции переполняют его.

— Даже сейчас. У тебя своя жизнь, Алекс. Ты не можешь давать такого рода обещания. — *Особенно когда ты раздавлен горем и печалью.* Хотя я не произношу этих слов вслух.

Эмоции сейчас накалены, и мы все чувствуем вещи острее, чем обычно, думаем иначе, чем обычно. Я отказываюсь позволять ему давать такие судьбоносные обещания, когда он измотан и тонет. Этого просто не произойдет.

— Но я хочу, — умоляет он.

— Я знаю, что хочешь, и ты понятия не имеешь, как много это значит для меня, Алекс. Но прямо сейчас нам нужно делать шаг за шагом. Жизнь больше не будет нормальной в течение—

— Никогда. Это уже никогда не будет прежним.

Я смотрю на него, и его глаза наполняются слезами. Он смаргивает их, борясь с ними, и я делаю то же самое рядом с ним.

— Что происходит сегодня? Ты возвращаешься на поиски?

Он кивает, мрачное выражение появляется на его лице.

— Тео придет и заберет меня. Эмми и Стелла придут потусоваться с тобой.

— Я рассказала им о нас с Деймоном, — выпаливаю я. Хотя он, конечно, понял это, когда я коротко поговорила с Себом.

— Что они сказали?

— Честно говоря, я думаю, что они были слишком измотаны и бредили, чтобы по-настоящему осознать что-либо из этого.

— Я понимаю это, — соглашается он, поднимая поцарапанную и покрытую синяками руку, чтобы откинуть волосы со лба. — Я, блядь, изо всех сил пытаюсь что-либо осознать прямо сейчас.

— Расскажи мне об этом, — бормочу я, когда у него в кармане звонит телефон.

Он вытаскивает его, хмурясь на то, что смотрит на него в ответ.

— Они спускаются, — вздыхает он, наклоняясь вперед, кладет локти на колени и опускает голову.

— Возможно, ты найдешь его. — В моем голосе звучит надежда, которую я на самом деле не чувствую.

Он поднимает взгляд, его темные глаза встречаются с моими.

— Я— Он сглатывает, не желая произносить слова, которые вертятся у него на кончике языка. — Мы не вытаскивали живых в течение... д-дней.

— Я знаю. Черт возьми, я знаю. Но шанс все еще есть, верно? Когда подобные вещи показывают в новостях, они находят людей несколько дней спустя, шокируя всех.

— Иногда, да, — признается Алекс. — Но шансы невелики.

— Что, если он выбрался? — спрашиваю я, зная, что это глупо и вселяет надежду, но я не могу остановить свое непостоянное сердце от выдумывания этих диких сценариев, где все могло бы быть хорошо.

Я потеряла отца. Я знаю это, и, хотя это кажется нереальным, я знаю, что в какой-то момент в ближайшие дни это полностью поразит меня, но я не готова терять надежду. Я не могу.

Он заслуживает того, чтобы мы больше верили в него. После всего, через что он прошел, всего, что он вынес за свою короткую жизнь, он нуждается в нас, чтобы сохранять надежду. Верить в него. Верить в немыслимое.

— Калли, — вздыхает Алекс, в его глазах разгорается конфликт.

— Но шанс есть. Шанс есть всегда, верно?

— Я думаю. Но, пожалуйста... не тешь себя надеждами, потому что этот шанс—

— Маленький, я знаю. Но он нужен мне, Алекс. — Моя рука скользит к моему плоскому животу, когда мои внутренности завязываются узлом.

Я в ужасе. Чертовски цепенею при мысли о том, что придется делать это в одиночку.

Моя рука дрожит, когда Алекс садится на край дивана.

— Я сделаю все, что смогу, Калли. Но мне нужно, чтобы ты была реалисткой.

— Я такая. Мне просто также нужна надежда прямо сейчас, потому что иначе я понятия не имею, как, черт возьми, мне жить дальше.

— Я знаю. Но у тебя есть мы. Все мы здесь, чтобы держать тебя вместе, да?

— Я не рассказала им о... о ребенке, и я бы предпочла, чтобы это...

— Все, что ты захочешь, — обещает он.

— Только на некоторое время. Пока у меня не будет шанса смириться с этим, и я продвинусь дальше.

— Тебе не обязательно объясняться со мной. Ты хочешь, чтобы это было только между нами, тогда так и будет.

— Брианна купила для меня тест. Скоро она потребует ответов. Но ей можно доверять.

— Просто скажи мне, что тебе нужно, чтобы я сделал.

В дверь стучат за секунду до того, как замки открываются и до нас доносятся голоса.

— Я попросил Тео предоставить тебе доступ ко всему в этом здании, чтобы ты мог приходить и уходить отсюда, когда пожелаешь. Ты можешь оставаться здесь столько, сколько захочешь.

Мое сердце подскакивает к горлу от его щедрости, но затем в голову приходят мысли о

другой квартире в этом здании, и мой взгляд устремляется к стене, которая разделяет их.

— М-можно мне туда войти? — Шепчу я, когда шаги и голоса приближаются.

— Да.

— Калли, — выдыхает Тео, обегая диван и притягивая меня к себе, чтобы заключить в свои объятия.

— Привет, кузен, как дела? — бормочу я ему в грудь.

— Гребаное дерьмо. Мне так чертовски жаль.

— Это не твоя вина.

— Деймон знал, что это произойдет. — Мое тело напрягается при упоминании его имени, но Тео никак не реагирует. Я могу только предположить, что Эмми рассказала ему и что он в курсе ситуации. — Он, блядь, предупреждал нас, что это глупый поступок, но мы поддержали моего отца, дядю Эвана и пошли прямо в эту засаду.

— Ты не мог знать, — уверяю я его, отстраняясь. — Твой отец и мой спланировали все как можно лучше. Они были бы убеждены, что рассмотрели все углы. Но как бы нам ни хотелось желать, чтобы они это сделали, они не являются — они не — Боги. Такого рода вещи сопряжены с риском всякий раз, когда вы, ребята, выходите за пределы дома. — Я ненавижу говорить это, быть такой откровенной, когда все, чего я действительно хочу, — это рухнуть, но это правда. Правда, с которой мы жили всю нашу жизнь.

— Я должен был расспросить их подробнее, как это сделал Деймон. Он мог это видеть. И посмотри, к чему это привело.

Рыдания пронизывают меня, когда я думаю о нем под всеми этими обломками. Мне просто остается надеяться, что он держится, что он слышит, как парни пытаются добраться до него, не бросая его.

— Все будет хорошо, Калли. Мы доберемся до него. Мы вернем его тебе.

— Чтобы ты мог убить его сам?

— Что-то в этом роде, — бормочет он, глядя на меня сверху вниз с большим пониманием в глазах, чем, думаю, я когда-либо видела.

Эмми сделала это. Она смягчила его. Показала ему, что в жизни есть нечто большее, чем просто быть холодным, отстраненным солдатом, будущим боссом.

— Мы пройдем через это, Калли. Все мы. — Он снова притягивает меня к своей груди и целует в макушку.

— Ты говорил с Нико? — Спрашиваю я, когда он снова отпускает меня.

— Нет. Он не отвечает на звонки. — Что-то темное мелькает в глазах Тео при упоминании моего брата, что заставляет мои внутренности скручиваться в болезненный узел.

— Что ты мне не договариваешь? Клянусь Богом, если ты все еще скрываешь от меня это дерьмо, тогда —

— Я не скрываю, Кэл. Я ничего не знаю. Я просто беспокоюсь о нем. С тех пор, как мы обнаружили твоего отца, внутри него как будто что-то просто... сломалось.

7

ДЕЙМОН

Я понятия не имею, сколько прошло времени. Каждый раз, когда я закрываю глаза, я не могу избавиться от ощущения, что мир проносится мимо за пределами этих четырех стен. И это пугает меня.

Как справляется Калли? С ней все в порядке? Заботятся ли о ней Алекс и девочки?

Все выбрались из того здания?

Все рухнуло так сильно и быстро, что мне трудно поверить, что все выбрались. Мысль о потере кого-либо из членов Семьи заставляет мою грудь болеть, но страх потерять одного из парней, девочек или любого из наших родителей превращает мою кровь в лед.

Имей веру, тихий голос звучит у меня в ухе.

Но пока я остаюсь здесь, привязанный к какой бы то ни было плите подо мной, мне становится все труднее и труднее за что-либо держаться.

Они все могли быть там, ища меня, или... они все могли умирать в этих руинах.

Лязгают замки на двери в эту камеру, и мое тело на мгновение напрягается, прежде чем свет снова заливает комнату.

В какой-то момент я проснулся и обнаружил, что прожектор был выключен, погрузив нас в полную темноту, вместо этого через скрытые динамики подавался белый шум.

Все, что я мог разглядеть, это очертания его тела. Но все равно он ничего не сказал и продолжал висеть там, принимая свою судьбу.

И пока я смотрел, отчаянно пытаюсь разобраться во всем этом своим затуманенным наркотиками умом, все, о чем я мог думать, это почему он был там, а не я.

— Доброе утро, отдыхающие, — произносит глубокий голос, когда он и двое итальянцев входят в комнату.

Я прищуриваюсь, пытаюсь сосредоточиться на них, но все расплывается, и мне трудно сосредоточиться на чем-либо, поскольку комната и люди в ней вращаются.

Цепи, свисающие с потолка, гремят, когда парень, висящий там, сражается, доказывая мне, что он на самом деле жив.

— Ну, ну, малыш. Так не приветствуют твоих хозяев, не так ли? — рычит другой из них, когда парень пытается отбиться от него ногами.

— Думал, ты уже проиграл свою битву.

— Пошел ты, — рычит тот, кто это говорит. И снова проблеск фамильярности пронизывает меня при звуке его голоса.

— Похоже, у нас есть еще кое-какая работа.

Громкий стон боли наполняет воздух, когда один из парней, которые держат нас здесь, бьет кулаком по ребрам своей жертвы. И, клянусь Богом, это так сильно, что я слышу треск, прежде чем его вопль боли эхом отражается от бетонных стен вокруг нас.

Атака жестокая, и у меня нет выбора, кроме как наблюдать за каждым ударом, который они наносят по его телу.

Это сюрреалистично. Проведя больше часов, чем я, вероятно, когда-либо должен был признать в их положении, причиняя боль нашим врагам, мучая их, пока они не заговорят, можно подумать, что избиение на меня не подействует.

Но незнание того, кто это, не знание того, заслуживает он этого или нет, заставляет что-то переворачиваться внутри меня.

Все, кого я когда-либо пытал, заслужили это. Они причиняли нам зло, работали против нас, играли с нами.

Это то, что сделал тот парень?

Я не знаю. И мне не нравится это ощущение.

Все думают, что я всего лишь хладнокровный монстр, и в большинстве случаев я буду носить этот значок с гордостью. Это то, за что я заслуживаю уважения, причина, по которой

любой, у кого есть хоть капля мозгов, боится меня в этом городе. Хотя что-то подсказывает мне, что этим итальянцам действительно насрать. А почему они должны? Пока я привязан к кровати, я вряд ли представляю для них гребаную угрозу. Тем более, что я понятия не имею, знает ли кто-нибудь вообще, что я здесь.

Они все могли бы быть дома, оплакивая — возможно — потерю меня. И все же я здесь, отчаянно нуждаюсь в том, чтобы они сражались за меня.

Они могут в любую минуту выломать дверь, ворваться сюда, захватить наших похитителей и вытащить нас. Я не сомневаюсь, что они могли бы это сделать.

Но сначала им нужно узнать. И пока я здесь, у меня нет ни малейшего гребаного понятия о том, как я могу убедиться, что они знают, что я жив, что они знают, что нужно идти и искать меня где угодно, но не среди всех этих развалин.

— Ах. — Боль в его крике вызывает дрожь у меня по спине и ускоряет пульс.

По боли, которая пронизывает каждый дюйм моего тела, и по крови, покрывающей мою кожу, очевидно, что они немного повеселились со мной. Но это, должно быть, было детской забавой по сравнению с тем, что они делают с тем парнем.

Я вздрагиваю, когда один из мужчин поднимает биту, которая стояла в углу, и бьет ею парня по ребрам, не оставляя у меня сомнений в том, что прямо сейчас сломалось не мало костей.

Хруст вызывает тошноту, и он действует на меня так, как я никогда раньше не испытывал. Желчь поднимается к моему горлу, обжигая, пока отвратительный вкус не заполняет рот.

У меня нет выбора, кроме как выложить это, и в тот момент, когда я это делаю, все взгляды обращаются на меня.

Я все еще чувствую тяжесть невысказанных угроз в их глазах. Но я отказываюсь съезживаться, умолять их оставить меня в покое.

Во-первых, я знаю, что этого никогда не случится. Эти люди — солдаты, и их послали сюда с одной миссией. Ничто не помешает им выполнять приказы. Я должен знать — я один из них.

— Похоже, твой друг только что снял тебя с крючка, — язвительно замечает один из них, глядя избитому и сломленному парню прямо в глаза.

Единственный звук, который он издает, — это болезненное хныканье, когда двое мужчин протягивают руки и отцепляют его от потолка.

Я могу только представить, как сильно болят его руки и плечи прямо сейчас. Насколько я знаю, он был там с тех пор, как нас впервые привели сюда... часы... дни... черт знает сколько времени назад.

Он пытается бороться с болью, я чувствую это глубоко в своей душе, но, когда один из мужчин опускает его руки перед собой, растягивая мышцы в противоположную сторону от того, как они, вероятно, срослись, а это бесполезно, и его крик агонии разрывает воздух.

Я вздрагиваю, чувствуя это почти так же остро, как и он.

Я понятия не имею, кто он такой, но между ними есть какая-то глубоко укоренившаяся связь. Связь, которую я даже не могу объяснить. Но, тем не менее, она есть.

И всего несколько секунд спустя я узнаю почему.

Двое мужчин, держащих его, наконец поворачивают его ко мне.

У меня пересыхает во рту, и все мое тело напрягается от осознания.

Черт возьми.

Мои глаза сканируют его лицо, его едва узнаваемое лицо, и мое сердце уходит в пятки.

Нет.

Его страдальческий взгляд встречается с моим. Но я не вижу никакого шока, который пошатнул бы мои обычно очень прочные устои.

Он знал, что я здесь.

Мои глаза следят за их движениями, удерживая его крепко в надежде, что он найдет что-то, что придаст ему немного силы в моих глазах. Черт знает, что ему это чертовски нужно прямо сейчас.

Они швыряют его в угол комнаты, и он приземляется со стоном боли, прежде чем свернуться в клубок.

К моему удивлению, они позволяют ему это сделать, но не раньше, чем хватаются за цепи, прикрепленные к стене, и надевают наручники на его запястья и лодыжки, чтобы он никуда не ходил.

Мое сердце учащенно бьется, когда я наблюдаю за каждым их движением, потому что я знаю, что произойдет дальше.

Они идут за мной.

Они сломали одну из своих маленьких игрушек. Теперь пришло время взяться за другую. Как будто они могут слышать мои мысли, все трое обмениваются взглядами, прежде чем повернуться ко мне.

Я даже не вздрагиваю, когда они смотрят на меня с чистой ненавистью.

Я прищуриваюсь, глядя на них.

Давайте, ублюдки.

Потребуется намного больше, чтобы сломить меня. И я безумно взволнован, понаблюдать за их попытками.

— Деймон Деймос, — насмехается один из них, когда они приближаются ко мне. — Собственное страшилище Семьи Чирилло. Разве нам не повезло?

Я насмехаюсь над ним, отчего трещина на моей губе открывается.

Мои кандалы сняты, и я поднят на ноги. Если они ожидают, что я буду сражаться, то они будут разочарованы. Я более расчетлив, чем это.

Когда я наброшусь на них и выебу их, они, блядь, не поймут, как это произошло.

Конечно, прямо сейчас я понятия не имею, как это произойдет.

Но это произойдет. По крайней мере, я так сильно верю в себя.

Даже если я никогда больше не увижу дневной свет после этого испытания, я чертовски уверен, что заберу этих ублюдков с собой в ад.

— Послушный маленький засранец, не так ли? — указывает старший из мужчин, на его губах играет ухмылка.

— И вот мы были здесь, думая, что завели себе идеального маленького питомца.

Мои руки заломлены над головой, связаны веревкой, и я подвешен, как кусок гребаного мяса, готовый отправиться на убой.

Они окружают меня, словно львы, готовые расправиться со своей добычей. Но никто из них не делает ни единого движения.

Отказываясь показывать какой-либо страх, я смотрю каждому из них в глаза по очереди.

Очевидно, что они знакомы с моей репутацией, и мне бы не хотелось разочаровывать их, показывая им что-либо иное, кроме холодного, отстраненного ублюдка, которым они все меня считают.

— У тебя там несколько симпатичных маленьких шрамов, парень, — снова издевается тот, что постарше.

Он достает нож из носка и приставляет острое к самой верхней части моего самого длинного шрама.

— Может быть, нам следует снова открыть тебя. Посмотри, чем они заменили твое сердце, когда ты был всего лишь малышом, а? Ходят слухи, что твой дедушка продал твою душу дьяволу задолго до твоего рождения, и вместо нее у тебя остался лишь холодный, гниющий кусок мяса. — Упоминание о моем дерьмовом дедушке почти заставляет меня отреагировать, но я запикиваю его прямо в сейф, который храню внутри для всего этого дерьма.

Он сильнее прижимает нож к моему шраму, его острота легко рассекает мою кожу.

Бросив взгляд вниз, я вижу, как кровь немедленно собирается вокруг лезвия.

— Я действительно думал, что у тебя пойдет черная кровь, — бормочет парень, у которого уродливый шрам поперек щеки, похожий на медаль.

Я понятия не имею, кто эти ублюдки — во всяком случае, не в лицо. Но с другой стороны, итальянцы умеют хорошо прятать свое секретное оружие. Однако, если бы кто-то из них назвал свое имя, я не сомневаюсь, что знал бы о них все до мельчайших подробностей из информации, которую слышал за эти годы.

— Разочарован, — соглашается третий, тряся жидкой бородкой, в то время как тот, что с ножом, продолжает кромсать мою грудь.

На самом деле это не так глубоко, но, черт возьми, это чертовски больно. Не то чтобы я собирался позволить им увидеть это.

Кровь стекает по моему прессу, прежде чем впитаться в пояс моих боксеров.

Борода наблюдает, и его глаза вспыхивают от возбуждения, подсказывая мне, что будет дальше.

Его покрытые шрамами пальцы впиваются в резинку, и он дергает достаточно сильно, чтобы разорвать ткань, из-за чего я раскачиваюсь, мои пальцы едва касаются грубого пола подо мной.

— Я, блядь, не закончил, — жалуется старый, глядя на мой наполовину разрезанный шрам.

С ухмылками, играющими на их губах, и волнением в глазах, они наблюдают за мной, пока я снова не замираю, прежде чем они продолжают, делая каждое прикосновение, удар и порез на моей коже более болезненным, чем предыдущее.

Мой гнев и жажда возмездия раскаляются докрасна во мне, когда я наблюдаю за ними, изучаю их слабости и пытаюсь каким-то образом одержать верх, все это время свисая избитым, окровавленным и голым с гребаного потолка.

К тому времени, когда они решают сдать, темнота этой жалкой ситуации начинает брать верх надо мной.

— Выруби его, — инструктирует Шрам, и всего секунду спустя знакомое ощущение наркотиков, проникающих в мой организм, поражает меня, прежде чем все потемнеет, и я буду вынужден войти в совершенно другой вид ада.

8

КАЛЛИ

Ребята уходят вскоре после того, как Эмми и Стелла устраиваются поудобнее на диване

Алекса.

Каждая из нас получает по поцелую перед тем, как исчезнуть, хотя тот, который я получаю от Алекса, гораздо более трогательный, чем тот, который они обе получают от своих парней.

Эмми и Стелла обе цепляются за них так, как будто никогда не хотят выпускать из виду. Но мы все знаем, что им нужно уйти. И они ни за что не остановили бы ни одного из них от того, что им нужно было сделать.

В ту секунду, когда закрывается входная дверь, они обе обращают на меня свои сочувствующие, но заинтригованные глаза.

— Не надо, — выдыхаю я, точно зная, что они собираются сказать. Я крепче прижимаю свою теплую кружку и делаю глоток.

— Зона, свободная от осуждения, малышка Си. Ты делаешь все, что тебе нужно, прямо сейчас, чтобы помочь себе. Но просто знай—

— Нам нужны подробности, — заканчивает Эмми, как будто они один долбаный человек.

— Я люблю вас двоих, вы знаете это, верно? — Спрашиваю я, чувствуя их поддержку, даже если она проявляется в их собственном стиле поддразнивания и ебанутости.

— Мы тоже тебя любим, Калли, — говорят они оба в унисон.

— Итак... насколько удобна кровать Алекса? — Эмми добавляет с ухмылкой.

Грустный смех срывается с моих губ. — Это то, что мне было нужно. Он... черт, — вздыхаю я, опуская кружку. — Он просто самый милый, самый поддерживающий человек, которого, я думаю, я когда-либо встречала.

— Грубо, — слегка ворчит Стелла.

— Я знаю, что он делает это из-за всей этой истории со мной и Деймоном, и, если бы этого не произошло, я уверена, что сейчас все было бы совсем по-другому. Находясь с ним, я чувствую себя ближе к Деймону, и я вроде как думаю, что он чувствует то же самое.

— Ты действительно милая маленькая девочка, не так ли? — Спрашивает Эмми с улыбкой.

— А потом... что?

— Не обращай на нее внимания. Она просто дразнится. — Я свирепо смотрю на них двоих. — Она предполагает, что ты спишь с ними обоими.

— Э-э... — Выражения моего лица, очевидно, достаточно, чтобы дать им ответ, который они уже знали, потому что они обе смеются надо мной. — С Алексом ничего подобного не было.

— Мы знаем. Мы просто дразним.

— Я так рада, что он тот, кто тебе нужен.

— Я просто надеюсь, что возвращаю должок, потому что я даже представить не могу, через что он сейчас проходит.

— Он что-нибудь сказал? — Спрашивает Эмми, внезапно становясь серьезной.

— Например, что?

Она пожимает плечами. — Я не знаю, но ты все время слышишь эти истории о близнецах. О том, что они чувствуют боль за другого, знают, когда тот болен, и все такое странное дерьмо. Я просто подумала, не...

— Я не думаю, что они *такие* близнецы, — говорю я печально. — Хотя он и сказал, что не чувствует, что его больше нет. Но что это вообще значит? — Вероятно, это просто

говорит *надежда*.

— Возможно, этого и не будет. Доказано, что близнецы разбираются в таких вещах. Алекс может что-то заподозрить.

Как бы мне ни хотелось ухватиться за этот ход мыслей и следовать ему, пока это все, о чем я могу думать, я знаю, что не могу. Надеяться прямо сейчас опасно. Мне нужно держать голову наготове.

— Я не могу позволить себе поверить в это.

— Я понимаю это, Кэл. Действительно понимаю.

Наступает тишина, когда мы погружаемся в собственные мысли.

— Я думала, ты обещала мне кофе и завтрак, — в конце концов произносит Эмми.

— Ты такая же плохая, как и парни, — бормочет Стелла.

— Мы сделаем заказ, да? — Спрашиваю я в спешке. Сила страха, который накатывает на меня при одной мысли о том, чтобы выйти за пределы этого здания и столкнуться с миром, почти парализует.

Видя, как это поглощает меня, Стелла бросается ко мне, обнимает за плечи и берет мою свободную руку в свою.

— Все, что тебе нужно, Калли, — шепчет она.

— Я... я просто не готова—

— Тсс. Тебе не нужно нам ничего объяснять, хорошо? Мы счастливы следовать твоему примеру и просто быть теми, кто тебе нужен.

Что мне сейчас нужно, так это оказаться в объятиях Деймона или моего отца.

Но ни того, ни другого не произойдет.

Осознание этого вызывает рыдание, вырывающееся из моего горла, когда волна горя захлестывает меня настолько сильно, что у меня нет шансов побороть ее, поэтому я просто позволяю себе утонуть в ее темноте.

Кружку забирают у меня из рук, прежде чем тепло Эмми распространяется по другой моей стороне, оставляя меня зажатой между ними двумя.

Я теряюсь в своем горе и рыдаю на плече Стеллы, промокая ее толстовку и цепляясь за них обоих, как будто они смогут не дать мне утонуть.

В какой-то момент мои рыдания стихают, и наступает истощение.

Я засыпаю, а они все еще обнимают меня, и мои предательские сны уносят меня обратно в дом бабушки и дедушки Деймона, где палит солнце, а мой мальчик валяется рядом со мной без рубашки и с широкой улыбкой на лице.

Я понятия не имею, как долго я без сознания, и не понимаю, что меня перенесли, потому что я лежу на диване, укрывшись одеялом Алекса. Его запах окружает меня, помогая успокоиться и придавая мне немного сил.

— Я ненавижу чувствовать себя такой беспомощной. Должно быть что-то, что мы можем сделать, — говорит Эмми, ее голос приглушен где-то в комнате.

— Нам просто нужно быть здесь. Или, если ты хочешь пойти и еще немного покопаться, я могу остаться, — предлагает Стелла.

— Ты действительно думаешь, что они найдут кого-нибудь еще живым? Тео сказал, что прошло уже несколько дней.

— Я знаю. Я просто... мы не можем терять надежду.

Нет никакого движения, но я чувствую на себе их взгляды. Мою кожу покалывает, кровь кипит.

Но я не открываю глаза и не даю им понять, что я не сплю.

— Я беспокоюсь о ней, — шепчет Стелла.

— С ней все будет в порядке. Она намного сильнее, чем все думают.

— Что ж, ей удалось приручить дьявола, — язвит Стелла, пытаюсь разрядить обстановку.

— Знаешь, в этом есть большой смысл. То, как Алекс бесстыдно флиртовал с ней.... все это было сделано для того, чтобы вывести его из себя.

— Но это не сработало, не так ли? Этот упрямый ублюдок со своими эмоциями как скала.

Я не могу не позволить своему сердцу воспарить, когда Стелла говорит о нем так, как будто он все еще здесь. Это питает ту частичку надежды, которую я пытаюсь подавить.

— Что-то подсказывает мне, что он с ней совсем другой.

— Черт возьми, я хочу получить шанс увидеть это.

— Да, — вздыхает Эмми. — Ты действительно думаешь, что есть шанс?

Стелла отвечает молчанием, и это разрушает то, что она сказала раньше.

— Она этого не заслуживает. Потерять Эвана достаточно плохо. Но если она потеряет и его тоже...

— Я знаю. Но с ней все будет в порядке. У нее есть мы, Алекс, все остальные.

— Удалось ли Тео поговорить с Нико этим утром?

— Нет. Его телефон по-прежнему переключался на голосовую почту.

— Черт, — шипит Стелла. — Что, черт возьми, теперь будет? Он следующий в очереди на место Эвана, верно?

— Думаю, да.

— Но отдали бы они это ему? Он такой молодой и—

— Глупый? — Предлагаю я, наконец давая им понять, что я проснулась.

Эмми заливается смехом.

— Я собиралась проявить больше сочувствия и сказать «неопытный», но, думаю, если обувь подойдет... — добавляет Стелла.

Спускаю ноги с дивана, сажусь, прижимая к себе пуховое одеяло, как будто это комфортное объятие.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашивает Эмми, они обе изучают меня так, как будто я вот-вот разлечусь на миллион кусочков прямо у них на глазах.

— Сонной, — бормочу я, игнорируя непрекращающуюся боль в груди.

— Ты пропустила кофе и завтрак, — указывает Стелла, и я бросаю взгляд на пустые обертки перед ними.

— Пропустила? Прошло несколько часов, я снова проголодалась.

Мы обе с изумлением смотрим на Эмми.

— Конечно, ты такая. Что тебе хочется, Калли?

— Э-э... — Я колеблюсь. Понятия не имею, когда я ела в последний раз, но сейчас это самое далекое, о чем я думаю. Вероятно, я должна умирать с голоду, но я не чувствую ничего, кроме боли.

— Китайская еда? — предлагает Эмми, зная, что это моя любимая кухня, но я не уверена, что смогу это переварить.

Я качаю головой, пытаюсь придумать что-нибудь, что я могла бы съесть. Мне нужно поесть, черт знает, что мне это нужно. Каким-то образом я должна найти способ преодолеть

все это горе и невзгоды и дать своему телу необходимое топливо.

Чувство вины скручивает мой желудок, когда я думаю об огромном секрете, который я скрываю от своих самых близких друзей. Но я знаю, что поступаю правильно.

Мне нужен секрет прямо сейчас. Мне нужна эта небольшая связь с Деймоном, с которой знает только Алекс. Каким-то образом это помогает сохранить ему жизнь.

— Начос, — выпаливаю я. — Я могла бы съесть начос.

— По-моему, мексиканская кухня — победитель. — Эмми достает свой телефон сбоку, чтобы найти, где заказать. — Маргариту? — спрашивает она, и улыбка озаряет ее лицо.

Черт.

— Вы двое можете. Я не уверена, что выпивка — хорошая идея для меня прямо сейчас, — говорю я, молясь, чтобы они не поняли моего заявления.

— Ты уверена? Это может помочь снять напряжение, — спрашивает Стелла.

— Я уверена. Я просто возьму воды или еще чего-нибудь в холодильнике Алекса, — говорю я, поднимаясь с дивана и направляясь в его комнату, чтобы воспользоваться ванной.

Я писаю, прежде чем встать перед раковиной и посмотреть на себя в зеркало.

Мое лицо бледное, настолько бледное, что граничит с серым, а кожа под глазами такая темная, что кажется, будто меня ударили. Но от разбитости в моем обычно ярком взгляде у меня перехватывает дыхание.

— Возьми себя в руки, Каллиста. Всем нужно, чтобы ты была сильной. Твоему ребенку нужно, чтобы ты была сильной.

Слезы наполняют мои глаза, когда я шепчу эти слова про себя.

Это так сюрреалистично. Как будто я прямо сейчас живу чьей-то другой жизнью.

К сожалению, это очень похоже на реальность.

Мне нужно что-то сделать с этим положительным тестом. Записаться на прием к врачу. Погуглить, что, черт возьми, я должна делать. Что-нибудь. Что угодно. Но перспектива думать о будущем, в котором его может не быть, где этому ребенку может не хватать не только дедушки, но и отца?

Черт.

Я наклоняюсь, боль пронзает меня слишком сильно, чтобы выносить, когда я думаю о том, что могло бы быть.

Я даю себе две минуты на то, чтобы понежиться, прежде чем ополоснуть лицо, еще раз почистить зубы, попытаться расправить плечи и высоко держать голову.

Это тяжело. Действительно чертовски тяжело.

Но я должна это сделать.

Ради папы.

Ради Деймона.

Ради маленького зернышка, которое растет внутри меня.

Моя рука лежит на моем плоском животе.

Что бы ни случилось, этот малыш — их наследие. Он пойдет по их стопам и будет гордиться тем, откуда он пришел.

Подавляя комок эмоций, который снова подступает к моему горлу, я распахиваю дверь и выхожу.

И Эмми, и Стелла обеспокоенно смотрят на меня, пока я продолжаю сражаться со слезами, наворачивающимися на глаза. Но, по крайней мере, когда вся моя жизнь разваливается на части вокруг меня, у них нет причин спрашивать, для чего нужны эти

конкретные слезы.

— Чувак в пяти минутах езды. На этот раз ты можешь спуститься за едой, — говорит Стелла Эмми, проверив телефон, который лежит между ними.

— Я пойду, — выпаливаю я.

— Нет, все в порядке.

— Я серьезно, — говорю я, делая шаг к входной двери. Моя потребность в глотке свежего воздуха слишком велика, чтобы отрицать ее.

— Э-э, хорошо. Ты хочешь, чтобы мы пошли с тобой?

Я смотрю на них обеих, ненавидя то, как сильно они борются с тем, как помочь мне прямо сейчас.

— Я в порядке. Я просто хочу подышать свежим воздухом. Я захвачу еду и сразу вернусь наверх.

— Тебе, наверное, стоит надеть еще что-нибудь, — предлагает Эмми, глядя вниз на мои голые ноги, которые выглядывают из-под толстовки Алекса.

— Я всего на минутку, — говорю я, одергивая подол и направляясь к двери.

— Возьми это. На всякий случай, — призывает Стелла, протягивая мне мой телефон.

— Конечно, мам, — поддразниваю я. Она пожимает плечами, ничуть не заботясь о том, что ведет себя немного властно. И, честно говоря, я тоже.

— Люблю тебя, Калли.

— Я тоже тебя люблю, — говорю я, мое сердце сжимается от слов, которые я хотела бы сказать Деймону субботней ночью.

Со вздохом я оставляю их позади в поисках всего лишь нескольких минут одиночества.

Как я и ожидала, в коридорах гробовая тишина, и всего через несколько секунд я стою перед лифтом, ожидая, пока он поднимется.

Но пока я стою там, воспоминания начинают всплывать в моей голове.

Ночь, когда я сбежала от него — ночь, когда я накачала его наркотиками, — возвращается ко мне, и я прислоняюсь спиной к стене, когда тяжесть этого опрометчивого решения обрушивается на меня со всей силой.

Я могла убить его в тот день. Я понятия не имела, что делала, когда добавляла те таблетки в его напиток.

— Деймон, — выдыхаю я, еще сильнее ощущая его потерю за эти несколько минут.

Но, несмотря на угрозу очередной панической атаки, мне удается восстановить дыхание, прежде чем оно сбивается. И вместо того, чтобы запереться в металлическом ящике без достаточного количества воздуха, я направляюсь к лестнице.

В ту секунду, когда я прохожу через двойные двери на входе, я делаю глубокий вдох и поднимаю лицо к солнцу, позволяя ему согреть мою кожу в течение нескольких минут.

Я хочу сказать, что это заставляет меня чувствовать себя лучше, но прямо сейчас я не уверена, что что-либо способно на это.

Звук приближающегося мопеда возвращает меня к реальности, и когда я опускаю голову, я обнаруживаю, что он остановился передо мной.

— Для Эмми? — спрашивает он, бросая любопытный взгляд на мой наряд, но быстро берет себя в руки и открывает маленький рюкзак, чтобы достать нашу огромную сумку с едой. Мои глаза расширяются при виде этого, но я не могу отрицать урчание в животе при одной мысли о том, что внутри.

Я бормочу слова благодарности, прежде чем направиться обратно в здание, и на этот

раз нажимаю кнопку лифта, не желая подниматься пешком до предпоследнего этажа.

Голоса звучат у меня в ушах за мгновение до того, как открываются двери, не давая мне шанса убежать — не то чтобы мне действительно нужно больше убежать от кого-либо в этом здании, но у меня все еще встают дыбом волосы. До тех пор, пока два человека внутри грустно не улыбнутся мне и не отступят, позволяя мне присоединиться к ним.

Я улыбаюсь Джоди, но по-настоящему мое внимание привлекает Бри. Ее сжигает любопытство. И я понимаю почему. Прошло несколько дней с тех пор, как она дала мне этот тест, и она все еще не знает результата. Это, должно быть, убивает ее.

— Как у тебя дела?

— Да, вы знаете, — бормочу я, присоединяясь к ним.

— Я знаю, — бормочет Джоди. И тот факт, что она действительно знает после всего, через что недавно прошла, дает мне связь с ней, которую я никогда раньше не чувствовала. — Я знаю, сейчас это кажется безнадежным, но все наладится. Я обещаю тебе это.

— Спасибо. Я тусуюсь в квартире Алекса с Эмми и Стеллой. У нас есть мексиканская кухня, — говорю я, поднимая сумку. — Ребята, хотите присоединиться?

— Великие умы, да? — Говорит Бри, поднимая соответствующую сумку.

— Звучит заманчиво для нас, — с улыбкой говорит Джоди.

Никто больше ничего не говорит, пока двери снова не открываются и Джоди выходит первой, оставляя меня плестись за Бри, но она замедляет шаг, чтобы увеличить расстояние между нами.

— Как Нико? — спрашивает она, в ее глазах искренняя озабоченность, которая согревает что-то внутри меня.

Я знала, что ей не все равно, но, когда они проводят большую часть времени, вцепившись друг другу в глотки, об этом легко забыть.

— Честно говоря, я понятия не имею. Я почти не разговаривала с ним, но ребята обеспокоены.

— Ты... как ты думаешь, он бы увидел меня, если бы я попыталась поговорить с ним?

— Есть только один способ выяснить.

— Ты думаешь, он вернется сюда сегодня вечером? Он переночевал у твоих родителей прошлой ночью, верно?

Я пожимаю плечами. Я понятия не имею, что сейчас происходит в голове моего брата, и, честно говоря, мне бы не хотелось даже пытаться в этом разобраться.

— Я уверена, ребята дадут нам знать.

Она кивает, оглядываясь через плечо, чтобы убедиться, что Джоди отошла достаточно далеко.

— Как ты держишься на самом деле? — спрашивает она.

— Я в беспорядке. — Это вырывается неловким смехом, который просто заставляет меня съежиться.

Она понимающе кивает. — Как бы то ни было, я думаю, он удивит вас всех и однажды появится как ни в чем не бывало. Возможно, с одной-двумя итальянскими головами в качестве приза.

— Мы можем только надеяться, верно? — Печально бормочу я, еще раз желая, чтобы я могла зацепиться за эту надежду.

— Калли, что было... какой результат?

Я вздыхаю, на мгновение отводя от нее глаза.

— Он был положительный, Брай.

Она ахает от моего признания. — О, черт.

— В значительной степени подводит итог. Но послушай, только Алекс и ты имеешь хоть какое-то представление об этом, и я бы действительно хотела, чтобы—

— Твой секрет в безопасности со мной, Калли. И если тебе что-нибудь понадобится, друг, чтобы навестить врачей, с кем-нибудь поговорить. Что угодно. Я рядом, хорошо? — Она тянется к моей руке и нежно сжимает ее. Кажется, что это движение имеет прямое отношение к моим слезным протокам. Прежде чем я понимаю, что происходит, я заливаюсь слезами и снова разваливаюсь на части.

9

ДЕЙМОН

— Ублюдок. — Громкий стон боли вытаскивает меня из темноты, в которую я погрузился.

Даже здесь, с наркотиками, которыми меня продолжают накачивать, я не могу отдохнуть.

Каждый раз, когда я закрываю глаза, я вижу только ее.

Одна.

И это чертовски разрушает меня.

Я знаю, что это неправда. Я знаю, что все остальные будут поддерживать ее, но это не останавливает мой страх.

Я понятия не имею, сколько времени — сколько дней — могло пройти с тех пор, как мы были здесь. Но с каждой проходящей секундой и тем коротким промежутком времени, пока наркотики покидают мое тело, мои воспоминания о той ночи начинают проясняться. Всплывают события, которые привели меня сюда, и им помогает парень, стонущий от боли, прикованный цепью в противоположном углу комнаты.

— Черт. Дерьмо.

Мой взгляд перемещается на моего сокамерника. На этот раз мое представление о нем ясно, поскольку тот, кто был здесь, когда я в последний раз терял сознание, оставил нам немного еды и воды — и включил свет.

Было бы легко подумать, что кто-то из них может быть мягок с нами. Но я знаю, что на самом деле это просто способ продлить их время с нами. Они пока не хотят, чтобы мы умирали, и заплесневелый хлеб и чуть теплая вода помогут в этом.

Его глаза встречаются с моими, и я вижу боль, которую чувствую каждым дюймом своего тела, когда смотрю на него в ответ.

Все мои страхи по поводу того, что он неискренен, что ему наплевать на Калли или что он солгал мне в тот день, когда рисковал своей жизнью, чтобы сказать мне, что она в беде, были стерты.

Потому что с того момента, как я узнал, кем был мой сокамерник, я не видел ничего, кроме искренней преданности ей — нам, — что в лучшем случае является полной чушью, но я не совсем в том состоянии, когда хочу погружаться в это слишком глубоко.

Но одно я знаю наверняка: Антонио Санторо — верный, но тупой ублюдок.

Он не должен был оказаться здесь. Он мог уйти от разрушения той ночью, когда это сделали остальные Мариано. Но это тупое дерьмо решило, что ему нужно выполнить

обещание, которое он, по-видимому, дал Калли, когда она убегала, и попытался выгадать меня за несколько секунд до того, как на нас обоих обрушилась крыша.

Возможно, он и добился успеха, но мы наткнулись напрямиком на его дядю. И этот ублюдок был недоволен, хотя он также не мог скрыть удовлетворения от того, что в его руках оказался Чирилло, который сверкал в его глазах.

Последнее, что я помню, была ослепляющая боль, взорвавшаяся сбоку от моей головы, прежде чем мир вокруг меня погрузился во тьму.

— Ты говоришь так, как будто это причиняет боль, — бормочу я хриплым голосом, боль разрывает горло от недостатка воды.

— Пошел ты, чувак, — ворчит он в ответ, но не сдаётся. Он продолжает наказывать себя, пока ему наконец не удастся сесть прямо на холодный бетонный пол.

Он делает долгий медленный вдох, его глаза плотно закрыты, пока он борется с болью.

Мы толком не разговаривали. Это один из немногих случаев, когда он был в сознании или достаточно трезв, чтобы сказать что-то, что имеет хоть какой-то смысл.

После, должно быть, добрых нескольких минут молчания он наконец снова открывает глаза.

— Я ненавижу тебя, ты знаешь.

Улыбка появляется в уголке моего рта, раскалывая губу и наполняя рот кровью.

— Да, чувство взаимно.

Его плечи вздрагивают один раз, прежде чем ребра, должно быть, начинают болеть так сильно, что он быстро снова успокаивается.

— Зачем ты это сделал?

— Ты знаешь почему, — заявляет он.

— Ты настоящий тупой ублюдок, ты это знаешь, верно?

— Я обещал ей, чувак.

— Но они твоя семья. Твоя преданность должна быть с ними.

— С моим продажным, кровожадным дядей, ты имеешь в виду? Не, я, черт возьми, в порядке.

— Тебе повезло, что ты все еще жив, — бормочу я, не то чтобы это действительно нужно было говорить.

— Правда? Что-то подсказывает мне, что сейчас быть мертвым было бы легче.

В его глазах темнеет от боли, но это не только из-за его физических травм, и это выворачивает меня изнутри.

— Она тебе действительно безразлична, не так ли?

— Имеет ли это значение?

— Нет, она моя, — яростно говорю я.

— Я знаю. Это было прямо там, в ту секунду, когда я увидел вас двоих вместе. Ты единственный счастливый ублюдок в этой комнате.

— Совершенно уверен, что мы оба терпим неудачу в жизни прямо сейчас. Итак, ты хотел последний кусок зеленого хлеба или можно мне его? — невозмутимо спрашиваю я.

Вытянув ногу, я пинаю поднос в его сторону носком ботинка.

Это был риторический вопрос. Судя по его виду, ясно, что ему это нужно больше, чем мне.

Эти парни могут быть жестоки со мной. Но это ничто по сравнению с тем, как они обращаются с ним.

Я враг. Но Ант хуже. Он предатель.

— Вкуснятина... моя любимая, — бормочет он, не споря со мной по этому поводу и протягивая руку вперед, хотя и медленно.

Каждое жевание кажется болезненным, но я сижу и смотрю, мой мозг работает так быстро, как только способен прямо сейчас, пытаюсь придумать способ выпутаться из этого. Но в бетонной коробке, в которой мы были заперты, не так уж много гребаных вариантов.

— Нам придется выйти через дверь, — говорит Ант, как будто может прочесть мои мысли.

— Да, я не думал о том, чтобы копать гребаную яму.

— Нам просто нужно быть терпеливыми. — Я свирепо смотрю на него, серьезно не впечатленный этим предложением. — В какой-то момент мой дядя пришлет других парней.

— Как это поможет? Я не могу представить, как они просто открывают гребаную дверь и желают нам всего наилучшего.

— Ну, нет. Это никогда не будет так просто, но шанс будет.

Я изучаю его, пытаюсь прочесть его невысказанные слова.

— У тебя уже есть план побега, не так ли?

— И да, и нет. Но, как тебе должно быть хорошо известно, когда ты танцуешь с дьяволом, тебе нужен способ убраться к черту подальше от него как можно быстрее.

Я киваю, видя Антонио Санторо с совершенно новой стороны.

***

Время идет, но, кроме болезненных визитов наших похитителей и случайной доставки еды, ничего не меняется.

Наши раны никогда не заживают, потому что они наносят все более мучительные удары, гарантируя, что боль никогда не уменьшится.

Они никогда ни словом не обмолвятся о своих планах в отношении нас, если и когда они планируют убить нас или как долго они хотят продолжать мучить нас.

Чем дольше это продолжается, тем больше у них шансов быть обнаруженными — при условии, конечно, что все не просто предположили, что я мертв.

Черт возьми, они все могли бы быть на моих похоронах прямо сейчас.

Мысль о Калли, стоящей там и оплакивающей меня, скручивает мои внутренности и заставляет мое сердце болеть.

Мне ненавистна мысль о том, что она страдает из-за этих итальянских ублюдков.

Но если они где-то там ищут меня, то с каждым днем они все ближе к тому, чтобы найти меня.

Прямо сейчас это большое «если», но это все, что у меня есть. Это наряду с надеждой на то, что что бы там ни планировал Ант, подробности о котором он отказывается мне сообщать.

Я вздыхаю, откидываю голову на стену и закрываю глаза.

Единственное, за что, я думаю, я могу быть благодарен прямо сейчас, это за то, что никого из нас не подвесили к потолку, как я полагаю, на несколько дней, вместо этого оставили прикованными в наших углах. По крайней мере, мы можем пошевелить нашими ноющими конечностями, хотя найти какой-либо комфорт невозможно.

У меня громко урчит в животе, но, как и в любой другой раз, когда это случалось, я

игнорирую это, используя боль, чтобы придать мне сил.

Мои мысли переключаются на мою девочку, на наше время, проведенное вместе в доме моих бабушки и дедушки. Я думаю о ее улыбке, ее смехе, ее нежных прикосновениях и остроумии.

Я тону в своих воспоминаниях, в легкости, которую она привносит в мою жизнь.

Но вскоре мои воспоминания меняются, и парень, к которому она прикасается, целует, улыбается так, словно он буквально вся ее жизнь, — это не я.

Это Алекс.

Боль разрывает мою грудь.

Я заставил его пообещать мне, что он присмотрит за ней. И я не сомневаюсь, что он так и сделает.

Он любит ее. Может быть, не совсем так, как я, но его чувства к ней достаточно сильны, чтобы он поступил с ней правильно.

Но как далеко это заведет...

Я видел, как она смотрит на него. Я имею в виду, мы идентичные близнецы, было бы странно, если бы ее к нему не тянуло, верно?

По мере того, как мое тело изнемогает от изнеможения, образы их двоих продолжают проигрываться в моем сознании, их отношения растут, их связь крепнет, пока от меня не останется ничего, кроме воспоминания. Все разыгрывается в моем воображении: они вместе, целуются, трахаются, он надевает ей на палец гребаное кольцо, а ее живот раздувается от его ребенка.

— НЕТ, — кричу я, садясь так быстро, что боль пронзает каждый дюйм моего тела.

Я обнаруживаю, что Ант смотрит на меня широко раскрытыми глазами, прежде чем замок на двери щелкает, петли скрипят под его весом, когда она открывается.

Еще больший ужас проникает в мои кости, пока я жду неизбежного. Такое чувство, что прошло много времени с тех пор, как они вселились с нами, хотя все это может быть просто плодом моего воображения и галлюцинациями, от которых я страдаю из-за того наркотика, которым они любят нас пичкать.

Старик и Шрам входят в комнату, но третий парень другой.

Он моложе, менее... страшный. Не то чтобы я на самом деле боялся этих ублюдков.

Я бросаю взгляд на Анта, который лежит на своей половине комнаты, притворяясь, что его так же не беспокоит их прибытие, как и меня, все это время молча надеясь, что этот новый парень — часть его плана.

Я более чем, блядь, готов выбраться из этой дыры и найти свою девушку.

— Поднимите его, — рявкает Старик, указывая на меня, и мое сердце замирает, хотя я не могу отрицать, что обещание новой боли заставляет что-то вспыхнуть внутри меня.

В ту секунду, когда новичок поворачивается ко мне, в глубине моего сознания мелькает узнавание.

Я знаю его.

Он друг Анта. Двоюродный брат.

Черт. *Черт.*

Это все? Это начало его плана побега?

— Так, так, так, слухи чертовски правдивы, — бормочет Энзо, его глаза пробегают по каждому разбитому, покрытому синяками и грязью дюйму моего обнаженного тела. — Мы сами поймали страшилище Чирилло.

Моя челюсть сводит от раздражения, когда он смотрит на меня так, как будто я ничто. Все это время все, что я могу делать, это надеяться и, блядь, молиться, чтобы все это было игрой.

Он подходит ближе ко мне и опускается на корточки.

— Как падают могущественные, а, Деймос? Я думаю, это то, что они называют кармой. — Его верхняя губа приподнимается, когда он демонстративно нюхает воздух вокруг меня.

Да, придурок, я знаю, что воняю, как полуразложившийся труп. Мне приходится жить со зловонием каждую секунду каждого гребаного дня.

— Я слышал, что ты сделал с нашими парнями. Я слышал, какую боль ты причинил, какие пытки ты устроил. Кажется справедливым, что мы получаем расплату в виде крови и сломанных костей, верно? — Отрывая его ногу от земли, я проглатываю стон агонии, когда она сталкивается с моими и без того ушибленными ребрами.

— Блядь. Греческая. Блядь. Пизда, — рычит он с каждым нанесенным мне ударом.

Черт. Если это игра, то он чертовски убедителен. Его глаза темные и полны злобы, ничего, кроме ненависти и потребности свести счеты, запечатленных в каждой его черте.

Когда он заканчивает, он забирает ключ от моих кандалов у Старика, и Шрам держит меня, если я буду настолько глуп, чтобы попытаться сопротивляться, меня поднимают на ноги, мои запястья снова связывают веревкой, а руки заламывают над головой, чтобы я мог вернуться к крюку в потолке.

Как всегда, я не говорю ни гребаного слова.

Я держу все свои угрозы об их долгой и мучительной смерти под замком. Я подожду, чтобы сказать свое слово, когда они будут у меня привязаны к гребаному стулу, мои собственные ампулы, полные галлюциногенных препаратов, и любое оружие, которое попадется мне в руки, чтобы причинить как можно больше физической боли.

И именно эти мрачные мысли помогают мне выбраться из этой дерьмовой, безнадежной ситуации.

— Хорошо, теперь твой маленький друг вон там, — инструктирует Старик, обращая ненависть Энзо на парня, которого он раньше называл другом.

— Он мне не друг, — выплевывает Энзо. В его голосе столько горечи и недоверия, что я начинаю задаваться вопросом, не имеет ли он никакого отношения к плану Анта.

Но он должен быть, верно?

Избиение Анта еще более жестокое, чем мое, и когда его наконец подвешивают к потолку так, что его спина прижимается к моей, я почти уверен, что он отключился.

— Этот все еще в сознании, — говорит Старик, прежде чем захватить меня кулаком. Удар такой сильный, что все мгновенно погружается во тьму.

10

КАЛЛИ

Я вздыхаю, когда пара рук обнимает меня за талию. Руки обвиваются вокруг меня, крепко прижимая к себе.

Я не предвидела его приближения, несмотря на то, что стояла перед зеркалом и серьезно обсуждала сама с собой, хватит ли мне сил справиться с сегодняшним днем.

Он утыкается лицом в изгиб моей шеи и вдыхает мой аромат.

— Как ты держишься? — Шепчет Алекс, от его порыва воздуха у меня мурашки бегут по

коже.

— Плохо, — признаюсь я.

— В любое время, когда ты захочешь выбраться оттуда, все, что тебе нужно сделать, это сказать слово.

Я киваю в знак согласия. Он не в первый раз дает мне такие обещания, но я знаю, что это не то, на что я могу положиться.

— Я должна быть там, Алекс. Я нужна Нико. — Мои мысли ненадолго возвращаются к маме. Я должна чувствовать себя виноватой за то короткое время, что я видела ее с тех пор, как мы потеряли папу. Но я просто не хочу. В моем сердце слишком много боли и горя, чтобы позволить что-либо женщине, которой, очевидно, наплевать на то, как у меня идут дела.

За последние несколько дней я возвращалась сюда пару раз, в основном потому, что мне нужно было забрать кое-какие вещи. В основном, школьная работа, в надежде, что это могло бы как-то отвлечься, но, хотя я могла сидеть и пялиться в свои учебники, реальность заключалась в том, что ничего не выходило. Слова просто крутились передо мной, оставляя меня в не лучшем положении, чем, когда я начинала.

Единственное, что я смогла прочитать и по-настоящему впитать, — это статьи о ранней беременности, которые мы с Алексом читали вместе.

Бабочки порхают у меня в животе, когда я вспоминаю, каким милым он был, лежа со мной, пока я читала вслух, чего ожидать в первые недели, чтобы он мог учиться вместе со мной.

— Он справится. Но у него есть все мы. И Бри придет, верно?

— Да, хотя я не уверена, что он будет так уж впечатлен, когда узнает об этом.

Как она и обещала, Бри пыталась увидеться с Нико с тех пор, как мы поговорили на днях, но каждый раз он наотрез отказывался. Сначала у него было оправдание, что он все еще занят поисками выживших в развалинах, но поскольку власти прекратили поиски, а затем у дяди Дэмиена не было другого выбора, кроме как сделать то же самое после того, как он не нашел никого, ни живого, ни мертвого, в течение нескольких дней у него не было опоры.

Сейчас он просто ведет себя как придурок.

Я имею в виду, я понимаю. Я тоже не хочу открываться миру прямо сейчас. Я бы с радостью навсегда спряталась в квартире Алекса, если бы это означало, что мне никогда не придется столкнуться со своей новой реальностью.

Поскольку среди развалин загородного клуба нет никаких признаков Деймона и никаких других намеков на то, что могло произойти какое-то чудо и он мог выбраться — чем все любят меня дразнить и вселять ложную надежду, — единственный серьезный вывод из всего этого заключается в том, что он был похоронен слишком глубоко и что мы никогда его не найдем. Перспектива этого, необходимости наблюдать, как растет мой живот, иметь нашего ребенка, жить без него разрывает меня надвое. Это своего рода глубоко укоренившаяся боль, от которой я не уверена, что когда-нибудь избавлюсь.

— По крайней мере, это даст ему еще о чем подумать, — легкомысленно бормочет Алекс.

Он поднимает голову, кладет подбородок мне на плечо, изучает меня в зеркале. Мое черное платье облегает меня, как вторая кожа, и его глаза темнеют, когда он оценивает это.

— Ты выглядишь сексуально, малышка Си.

— Не совсем тот вид, в котором я собиралась присутствовать на похоронах моего отца.

— Нет, я знаю. Но ты все равно должна быть способна чувствовать себя хорошо, пока все разваливается.

— Не уверена, что это возможно.

Убирая с меня руки, он кладет обе свои огромные ладони мне на живот.

— Ты должна сосредоточиться на хорошем, — шепчет он. — Они оба будут так гордиться тобой, и даже если их здесь нет, ты просто знаешь, что они будут очень сильно любить этого малыша.

— Прадва? — спрашиваю я, когда мои глаза наполняются слезами. Моя тушь, может быть, и водостойкая, но я не думаю, что даже самая дорогая марка в мире способна выдержать подобные слова, когда Алекс произносит их.

— Ты знаешь, что это правда.

Когда его глаза снова поднимаются на мои, его собственное горе сияет так же ярко, как и мое.

Извиваясь в его объятиях, я обнимаю его за плечи и крепко прижимаю к себе.

— Спасибо тебе, — шепчу я ему на ухо. — Я бы ничего из этого не смогла сделать без тебя.

— Конечно, ты справилась бы, Кэл. Ты Чирилло, ты можешь справиться с чем угодно.

У меня в животе тяжестью сидит страх перед тем, с чем мне придется столкнуться сегодня.

Раздается стук в дверь наверху лестницы, прежде чем она открывается. Мы с Алексом расстаемся, когда Джослин зовет нас вниз. — Машины приехали.

— Мы будем через минуту, — отвечает Алекс, очевидно, понимая, что у меня нет ни малейшего шанса выдавить слова из гигантского, беспорядочного комка эмоций в моем горле.

Он отступает от меня, берет мои щеки в ладони и удерживает мой взгляд.

— У тебя все получится, Калли. Выйди с высоко поднятой головой и дай всем понять, каким крутым ублюдком был твой отец.

Я киваю, это единственный ответ, который я могу дать, поскольку горе угрожает поглотить меня и никогда не выплюнет обратно.

Алекс берет меня за руку и тянет к лестнице.

Джослин одаривает меня мягкой, сочувствующей улыбкой, когда мы проходим мимо нее. Она одета так же безупречно, как всегда, но ее белая рубашка была заменена черной, поскольку она скорбит вместе с нами.

Голоса доносятся из официальной гостиной, и когда мы появляемся в дверях, все взгляды обращены на нас.

Мама сидит в центре дивана с тетей Селеной и Айрис по обе стороны от нее. Но не похоже, что она нуждается в их поддержке. Ее макияж и прическа безупречны, а дизайнерское платье кричит о деньгах и притворстве.

Ее глаза находят мои, и что-то похожее на ненависть вспыхивает между нами.

Мы сказали друг другу едва ли десять слов с тех пор, как узнали, что папа умер, но мне их было достаточно, чтобы понять, что она не одобряет тот факт, что я фактически переехала к Алексу. Я имею в виду, ничего официального не произошло или что-то в этом роде, но он был моей опорой на этой неделе. И последнее место, где я хотела бы быть, даже если оно окружено утешительными воспоминаниями о моем отце, — это здесь, с ней.

Она, конечно, опустошена. Но... Я не знаю. Что-то в ее поведении мне просто не нравится. Хотя, я, вероятно, могла бы сказать это о том, как она вела себя большую часть моей жизни, так что на самом деле там не так много нового.

— Привет, — говорит Эмми, подходя ко мне и снимая странное напряжение между мной и моей матерью.

— Привет, спасибо, что пришли.

— О, тише. Ты знаешь, что сейчас мы были бы только там, где могли бы поддержать тебя. — Я смотрю через ее плечо и вижу стоящего там Тео, а затем дядю Дэмиена, стоящего с Кростосом. Джером лежит на другом диване, неловко вытянув перед собой ногу.

Последние несколько дней он уверял меня, что с ним все в порядке, но потребуется некоторое время, чтобы снова быть в состоянии использовать ее должным образом.

Я улыбаюсь ему, желая, чтобы он знал, что я ценю его поддержку.

— Мы все готовы идти? — Спрашивает дядя Дэмиен необычно грубым голосом, делая шаг к своей жене и протягивая ей руку. Она улыбается ему, глядя прямо в глаза, и я уверена, что в глубине его души она видит гораздо больше боли, чем он когда-либо позволит нам увидеть.

— Да, — говорит мама, поднимаясь на ноги. Мое внимание привлекает вспышка белого, и я обнаруживаю, что она сжимает в пальцах белый носовой платок. Кажется, немного бессмысленным, когда нет никаких доказательств того, что она пролила сегодня хоть одну слезинку, но неважно. У меня сейчас достаточно своих проблем, чтобы беспокоиться о ней.

Ее проводят к двери между Айрис и Кростосом, а остальные из нас идут на шаг позади.

— Где, черт возьми, Нико? — Я шепчу Эмми в надежде, что она что-то подслушала.

— Понятия не имею. Он не ответил, когда мы постучали к нему. Он не отвечает на звонки. Но он должен быть здесь.

Вид черных похоронных машин, припаркованных на нашей подъездной дорожке, потрясает меня до глубины души, но это ничто по сравнению с моментом, когда мой взгляд останавливается на гробе в задней части катафалка, а затем на цветах перед ним, которые напоминают о папе.

— Боже мой. Это происходит на самом деле, не так ли?

Все мое тело дрожит, когда горе вскипает во мне, отчаянно пытаюсь найти выход.

— Ты можешь это сделать, Калли. Мы будем прямо за тобой, хорошо?

Алекс целует меня в висок, рука обвивается вокруг моего плеча, и меня притягивают к другому телу.

— Он прав, малышка Си. Мы с тобой, — обещает Тео, ведя меня вперед к машине прямо за катафалком, где дядя Дэмиен и тетя Селена как раз проскальзывают внутрь.

Делая глубокий вдох, я отрываю взгляд от папиного черного с медью гроба и сосредотачиваюсь на том, чтобы ставить одну ногу перед другой.

***

Похороны, а затем поминки, которые, к счастью, организовали дядя Дэмиен и тетя Селена, чтобы избавить маму от необходимости поднимать идеально наманикюренный палец, были самой изматывающей вещью, которую я когда-либо испытывала.

Эмоции, слезы, боль... все это было совершенно истощающим. Не говоря уже о беспокойстве за Нико.

Он появился. К счастью. Но в самую последнюю минуту.

Нас всех проводили в церковь на начало службы, когда его машина ворвалась на автостоянку. Он вышел в своем черном костюме, выглядя таким же учтивым, как и остальные парни, но я едва обратила на это внимание, потому что мрачный взгляд его глаз напугал меня.

Он не справляется, это более чем очевидно. Я волновалась раньше, но вид его боли, истекающей кровью, только ранил мое сердце еще сильнее, чем это уже было.

Я хочу помочь ему, обнять его, попытаться убедить его, что однажды все будет хорошо. Но он воздвиг вокруг себя барьер такой высоты, что я даже не уверена, что смогу его преодолеть.

Прежде чем у меня появился шанс приблизиться к нему, Джослин обхватила меня за плечо, и у меня не было выбора, кроме как войти в церковь, оставив Нико, дядю Дэмиена, Харона, Галена, Стефаноса, Кростоса и Майкла нести папин гроб внутрь.

— Калли, — произносит мягкий голос, вытаскивая меня из объятий сна, прежде чем большая теплая рука опускается на мое бедро. Я сказала себе, что буду держать глаза открытыми, пока мы не вернемся и я не смогу переодеться, но в ту секунду, когда Алекс отъехал от отеля, мои веки превратились во что-то похожее на свинцовые гири, и я немедленно проиграла битву. — Мы дома.

Дом...

Комок подступает к моему горлу, когда я думаю о двух мужчинах в моей жизни, которые были для меня такими.

Мой папа, тихая сила в нашем доме. Его успокаивающий характер был тем тонизирующим средством, в котором нуждалась мама, и без него я понятия не имею, что может произойти.

И Деймон. Каждая деталь в моем темном мальчике означала для меня дом. В ту секунду, когда он обнял меня, что-то внутри меня успокоилось. Я расслабилась, зная, что нашла свое место. Обнаружила, где я должна была быть все это время.

Но теперь, когда их обоих больше нет, я не уверена, что когда-нибудь смогу заменить все, что они мне дали.

Алекс делает все возможное. Как и Тео, девочки и Джослин. Но это не то же самое. И этого никогда не будет.

— Д-да, хорошо, — шепчу я, мой голос срывается от эмоций.

Он грустно улыбается мне, но, не в силах подобрать слов, которые могли бы хоть сколько-нибудь приблизить меня к тому, чтобы я почувствовала себя лучше прямо сейчас, он заглушает двигатель и открывает дверь.

Я двигаюсь со скоростью улитки, все мое тело отяжелело от усталости, и к тому времени, как я берусь за ручку, дверь открывается, и я вижу, что Алекс смотрит на меня сверху вниз.

— Давай, малышка Си.

Вложив свою руку в его, я позволяю ему поднять меня на ноги, притянуть к себе и обнять меня.

Я погружаюсь в его тепло, в его поддержку, пока мое тело движется без указаний моего мозга.

Всего через несколько секунд мы внутри лифта и направляемся на его этаж.

Точно так же, как каждый раз, когда я иду по коридору к его квартире, мой взгляд

задерживается на двери Деймона. Несмотря на то, что я знаю, что могу войти в любое время, когда захочу, я еще не сделала этого. Желание сделать это есть, но мысль о том, чтобы быть окруженной его запахом, им самим, была слишком ужасающей, чтобы даже по-настоящему рассматривать ее.

Но прямо сейчас... все по-другому.

Мне это нужно.

Он.

Мои шаги замедляются, заставляя Алекса остановиться рядом со мной.

— Ты хочешь... — Его слова замолкают, указывая мне на тот факт, что он тоже откладывал заход внутрь. Мы не говорили об этом. Но это был слон в комнате в течение нескольких дней.

— Д-да. Я думаю... Я думаю, что мне это нужно. После сегодняшнего мне нужно чувствовать себя ближе к нему. Это нормально? Ты можешь... — Я нервно сглатываю, ненавидя мысль о том, что ему кажется, будто он должен сделать это со мной, если он не готов.

— Д-да, все в полном порядке. Все, что тебе нужно.

— Это не только обо мне, Алекс.

— Прямо сейчас это так. То, что ты сделала сегодня... Черт возьми, Калли. Я не знаю, как ты все это выдержала. Я в гробаном восторге от твоей силы.

— Прямо сейчас я не чувствую себя такой сильной, — признаюсь я.

— Я знаю. Я знаю, какую боль ты скрываешь. Твой отец бы так чертовски гордился тобой сегодня. Ты свирепа, Кэл.

На моих губах появляется улыбка.

Все, чего я хотела всю свою жизнь, — это прорваться сквозь образ идеальной, хорошенькой маленькой принцессы, которой меня все рисовали. И я не могу избавиться от ощущения, что, возможно, наконец-то у меня это получится.

Я хочу, чтобы меня считали сильной женщиной, которая может стоять на своих ногах. Которая может справиться со всем дерьмом, которое бросает на нее эта жизнь, и пройти через все это с высоко поднятой головой. Я хочу, чтобы на меня смотрели так же, как на Стеллу и Эмми.

Я хочу быть жестокой.

Я Каллиста Чирилло, дочь Эвана Чирилло. Это дерьмо буквально течет по моим венам, и я хочу владеть им. Встать и заявить о своем месте как о чем-то большем, чем просто принцесса-наследница. Ладно, это может показаться немного ироничным, учитывая, что я стою здесь и выращиваю хребет прямо сейчас, но все же.

Не имея возможности ответить на этот комментарий, я подношу руку к биометрическому сканеру и жду, когда загорится зеленый.

В ту же секунду, как это происходит, я поворачиваю ручку и открываю дверь.

Все мое тело сотрясается, и я едва переступаю порог, как его запах окружает меня, делая совершенно бесполезной.

Возможно, это была действительно, действительно плохая идея.

Вспоминания о времени, проведенном с ним, захлестывают меня, когда я стою, застыв, окружение размыто, и единственное, на чем я могу сосредоточиться, — это он и все, что я потеряла.

— Калли? — Голос Алекса прорывается сквозь мою боль. — Ты уверена, что хочешь это

сделать?

— Д-да, — говорю я, делая неуверенный шаг вперед.

Скидывая туфли рядом с парой кроссовок, которые Деймон оставил рядом со шкафом в прихожей, я кладу свою сумку сверху, прежде чем отправиться в гостиную.

Образы из последнего и единственного раза, когда я была здесь, прокручиваются в моем сознании.

Я вижу себя взгромоздившейся на кухонный стол, когда он готовил нам завтрак, сидящей у него на коленях за столом, когда он кормил меня, разложенной сверху, когда он ел меня.

Мои щеки горят, когда я представляю, как мы выглядели.

Так много произошло между нами за такой короткий промежуток времени. И все же никто не знал. Это насмешка, что я ни с кем не могла поделиться всем этим. Теперь этому прекрасно раскрывшемуся секрету суждено стать только нашим.

Поднимая руку к груди, я прижимаю ладонь к сердцу, надеясь подавить боль, которая поселилась там.

— Это место подходит тебе, ты знаешь, — тихо говорит Алекс где-то позади меня.

— Я была так потрясена этим местом, когда впервые увидела его. Это так —

— Нормально? — спрашивает он с удивлением.

— Да. Я ожидала, что это будет похоже на «Дом ужасов» Тео.

— Я думаю, ты не хуже меня знаешь, что Деймон не такой, не совсем. Да, он темный, замученный и полный боли, с которой он не знает, что делать, но в глубине души он просто хочет быть нормальным. И это все. Вот где он может это сделать.

— Мне это нравится. Это так по-домашнему, так успокаивает.

— Да, — соглашается он. — И это его. Здесь никто не сможет причинить ему вреда.

— Я сделала это, — выпаливаю я.

— Ты не в счет, Кэл. Ты никогда не смогла бы по-настоящему навредить ему, не так, как другие.

— Слава Богу за это, — бормочу я. — Ты думаешь, он будет возражать, если я позаимствую какую-нибудь одежду?

Алекс посмеивается, обходя меня. — Я думаю, ему бы это понравилось.

Кивнув, я направляюсь в его спальню, мне нужно снять платье и оказаться в окружении только мальчика, которого я так и не смогла оставить для себя.

— Поможешь? — спрашиваю я, осознавая, что Алекс последовал за мной сюда.

Убирая волосы с шеи, я даю ему доступ к молнии, спускающейся по моей спине.

Дрожь пробегает по моей спине, когда его пальцы касаются моей кожи, и мурашки покрывают каждый дюйм моего тела.

Это неправильно. Я знаю, что это так. Но его прикосновение заставляет меня чувствовать себя живой, чего я так давно не чувствовала. В нем содержится обещание чего-то большего, чем боль и скорбь, и прямо сейчас мне нужно сбежать от этого больше, чем сделать следующий вдох.

Мое сердце начинает учащенно биться, когда костяшки его пальцев касаются моей поясницы, задевая верх моего нижнего белья, прежде чем он убирает руку.

Глубоко вздыхая, я пытаюсь выбросить все из головы, поворачиваюсь и нахожу его глаза.

Они темные, говорят мне, что этот простой поступок повлиял и на него тоже.

Мое дыхание учащается, когда мы встречаемся взглядами. Что-то, чего обычно нет — ладно, может быть, оно и есть, но никогда не бывает таким интенсивным, как сейчас, — потрескивает между нами.

Желание, которого я не испытывала с тех пор, как была в ванной с Деймоном в загородном клубе, тяжелым грузом оседает у меня внизу живота. Но как бы я ни пыталась убедить себя, что это то же самое, это не так. Он полон отчаяния, и не в стиле «если-я-не-доберусь-до-тебя-сейчас-я-могу-умереть», а в стиле «если-ты-не-вытащишь-меня-из-этой-ямы-страданий-заставив-меня-почувствовать-что-то-еще-тогда-я-могу-утонуть». Это намного менее сексуально, но в данный момент кажется столь же необходимым.

Я делаю небольшой шаг вперед, давая Алексу достаточно подсказок о том, где сейчас находится моя голова.

Не слишком ли рано обвинять мое либидо в беременности?

— Калли, не смотри на меня так, — предупреждает Алекс, его голос грубый от его собственных не совсем чистых мыслей.

— Почему? — Я вздыхаю, более чем готовая толкнуть его прямо сейчас, если это приведет к тому, что я уберусь из собственной головы. Черт знает, что я не могу прибегнуть к алкоголю, чтобы сделать это, поэтому мне нужна следующая лучшая вещь.

— Ты знаешь почему. Мы не можем переступить эту черту, Кэл. Это все изменит и—

— Это не обязательно так. — Идя на огромный риск, я позволяю платью упасть с плеч. Оно стекает к моим ногам, оставляя меня стоять в одном лифчике без бретелек и кружевных трусиках.

Ему больно это делать, я вижу это по его глазам, но он не опускает взгляд и качает головой.

— Ты сейчас не можешь ясно мыслить. — Он делает шаг вперед, когда гнев захлестывает меня. Я протягиваю руку и обхватываю пальцами его предплечье, не давая ему добраться до шкафа.

— Не говори мне, как я сейчас себя чувствую. Ты понятия не имеешь, что я чувствую или что мне нужно.

Мой злобный тон заставляет его задержать дыхание, прежде чем ответить.

— Ты права. Мне жаль. Я понятия не имею, через что ты проходишь. Но я точно знаю, что это, — говорит он, бросая взгляд вниз, туда, где я прикасаюсь к нему, — не ответ.

Я стою там в нижнем белье, чувствуя себя раздетой догола, пока мои разбитые эмоции борются внутри меня.

— Т-ты меня не хочешь? — Я не хочу показаться маленькой плаксой, но я ничего не могу с собой поделать.

В голове полный кавардак, и я не знаю, как поступить. Но я точно знаю, что, когда он прикасается ко мне, все кажется более возможным.

— Калли, — говорит он, снова становясь передо мной и наклоняя голову, пока наши брови не соприкасаются. — Что я когда-либо делал, чтобы заставить тебя думать, что я тебя не хочу? Ты красивая, сексуальная, умная, сильная. Ты намного больше, чем все остальные видят, и я в полном восторге от тебя. Но это не то, чего я хочу. Это о том, что тебе нужно, и это не я.

Я смотрю ему в глаза, наше дыхание смешивается, когда жар его тела проникает в мою кожу.

— Но его здесь нет. То, что мне нужно, ушло, Алекс. И я не знаю, что я должна сделать,

чтобы прогнать эту боль.

Он грустно улыбается мне. — Могу заверить тебя, трахаться со мной не поможет. Ты нужна мне так же сильно, как, я думаю, я нужен тебе прямо сейчас, — признается он, обхватывая мою щеку и посылая тепло вниз по моей шее. — И я не могу потерять и это, Калли. Я бы никогда себе этого не простил.

Он поворачивает голову, вместо этого прижимается к ней губами и притягивает меня в объятия.

В ту секунду, когда он отпускает меня, я жажду его прикосновений еще больше. Но у меня было время остудить свое либидо, и я знаю, что он прав.

Позволить чему-то случиться было бы безрассудно, и это поставило бы под угрозу все, что мы построили за последние несколько дней.

— Вот, — говорит он, протягивая мне одну из черных толстовок Деймона, чтобы я надела.

Я не решаюсь взять ее, не уверенная, что это будет слишком. Но, в конце концов, мои пальцы обхватывают мягкую ткань, и я притягиваю ее ближе, поднося к носу, чтобы вдохнуть его.

— Я оставляю тебя с этим. Ты хочешь, чтобы я заказал какую-нибудь еду или—

— Нет, я в порядке, спасибо, — шепчу я, утопая во всем, что связано с мальчиком, который украл мое сердце и забрал его с собой, когда бросил меня.

***

К тому времени, как я присоединяюсь к нему, на мне надеты только толстовка Деймона и мое нижнее белье, мне нравится, как гладкий флис внутри ощущается на моей коже.

— Тебе больше идет его одежда, — бормочет Алекс, отрывая взгляд от того, что он смотрит по телевизору, и переводя его на мои ноги. — Подойди и сядь, ты выглядишь обессиленной.

Не в силах спорить, я подхожу к дивану, на котором он сидит, опускаюсь рядом с ним и прижимаюсь к нему.

Между нами не сказано ни слова, когда наше горе снова захлестывает нас. Они не нужны. Наша боль говорит сама за себя.

Через несколько минут он ложится и тацит меня за собой.

Прижимаясь к нему спиной, он обнимает меня за талию и крепко прижимает к себе, его ладонь собственнически лежит на моем животе.

— Расслабься, Калли. Я никуда не собираюсь.

Его большой палец скользит взад-вперед по моему животу, а его неглубокое дыхание у моего уха, и вскоре я погружаюсь в прерывистый сон.

Некоторое время спустя я вздрагиваю, когда по квартире разносится громкий хлопок.

Мои глаза распахиваются, ожидая увидеть Алекса на кухне, что-то ломающего, но быстро становится очевидно, что он все еще позади меня и все еще держит меня.

Раздается еще один глухой звук, прежде чем я уверена, что где-то рядом раздаются шаги, но это невозможно, потому что доступ есть только у нас двоих. Алекс позаботился об этом несколько дней назад.

Мои брови сходятся на переносице, когда учащается сердцебиение и приближаются шаркающие шаги.

Появляется тень, и мои губы приоткрываются, чтобы закричать, чтобы разбудить

Алекса, когда человек, которому принадлежит тень, спотыкаясь, выходит из-за угла.

11

ДЕЙМОН

Дверь нашей камеры захлопывается, и я откидываюсь в угол комнаты, когда боль пронзает мое слабое, избитое тело.

Я никогда не подчинюсь этим засранцам. Я никогда не сломаюсь и не дам им никакой информации о моей семье, о моих братьях. Но черт возьми, если идея не заманчива.

Ант снова повис на крюке, кровь сочится из его ран, когда он борется с болью, прерывисто дыша.

Честно говоря, я не знаю, сколько времени ему осталось. Его тело искалечено. И хотя я мог бы попытаться спасти его после того, что он сделал для меня, для Калли, прямо сейчас я чертовски бесполезен, чтобы делать что-либо, кроме как погрязнуть в жалости к самому себе.

Его глаза закрываются, когда он проигрывает битву со своим телом, а мои тяжелеют, угроза тьмы накрывает меня.

Я борюсь с этим, не желая кошмаров, ярких образов моего прошлого ада и обещаний будущего, которое никогда не будет моим.

— Привет, это ты? — Зовет Калли, ее мягкий голос проникает в меня и мгновенно заставляет расслабиться.

Моя девочка.

Моя, черт возьми, девочка.

Я мчусь на ее голос, едва замечая окружающее. Я слишком сосредоточен на том, чтобы снова увидеть ее лицо, крепко прижать ее к себе, почувствовать мягкость ее губ на своих.

Но когда я добираюсь до нее, я вижу, как она идет прямо в объятия другого.

Алекс.

Мое сердце начинает учащенно биться, кровь бежит по венам с пугающей скоростью, когда я наблюдаю за ними двумя.

Он держит ее так, как будто она самая драгоценная вещь в мире — что, конечно, так и есть. Но она моя драгоценная вещь. Не его.

Боль пронзает мою грудь, когда он утыкается носом в ее шею, впитывая ее сладкий аромат, утопая в нем, прежде чем отстранился, чтобы посмотреть на нее.

Все вокруг меня расплывается. Я сосредотачиваюсь только на них, когда Алекс смотрит в ее светло-голубые глаза.

Почему они меня не видят?

— Калли? — Я пытаюсь позвать, но с моих губ не слетает ни звука.

— Калли? — Я пытаюсь снова, только на этот раз громче. Но снова. Я нем.

Рука Алекса обхватывает ее щеки, его большие пальцы касаются ее нежной кожи, и он наклоняет голову.

— Нет, — кричу я, видя, что он собирается сделать, но это бессмысленно.

Они меня не слышат, они меня не видят.

Как будто... как будто меня здесь вообще нет.

Но я такой.

Боль слишком реальна. То, как мое сердце обливается кровью из-за нее, мое тело ноет

из-за нее, это должно быть по-настоящему.

— Нет, — выдыхаю я, весь мой мир уходит из-под ног, когда его губы встречаются с ее.

Она с головой погружается в поцелуй, точно так же, как и он, и я вынужден стоять там и смотреть, как он крадет то, что принадлежит мне.

Я пытаюсь пошевелиться, но мои ноги не слушаются. Я пытаюсь закричать, остановить их, но из меня не выходит ни звука.

Единственное, что я могу сделать, это стоять там и смотреть, как мой мир рушится вокруг меня, и я теряю единственное хорошее в своей жизни.

Так и должно быть. Я знал это очень, очень давно.

Алекс был бы лучше для нее. Добрее, милее, романтичнее. Он верный и честный, умный. Все, чем я не являюсь, и—

Мое тело вздрагивает, когда сквозь меня раздается взрыв, и я открываю глаза, инстинктивно забиваясь в угол.

Мое дыхание прерывается, когда образ, который только что так ярко разыгрывался в моем сознании, остается.

Я сказал ему присматривать за ней. Я доверял ему убедиться, что она сможет уйти от меня, если я не смогу когда-либо вернуться к ней.

Но, черт возьми. Увидев их вместе, даже если это было вымышлено, я, блядь, чуть не сломался.

Мне требуется несколько секунд, чтобы оторваться от своих мучений и осознать, что никто не входил в дверь. Что этим итальянским ублюдкам не скучно сидеть там, и они решили, что сегодня тот день, когда они нанесут своим пленникам слишком много жестоких ударов и положат конец всему этому дерьму.

— Ч-что происходит—

— Тебе нужно снять меня, — произносит слабый голос с расстояния в несколько футов.

— Э-э...

— Д-Деймон. — Он делает паузу, как будто просто разговор причиняет ему такую сильную боль, что он едва может это пережить. — О-они не придут. Это б-был сигнал.

— С-с-с-сигнал? — Я заикаюсь, ненавидя себя за это, но слишком слабый, чтобы пытаться бороться с этим.

— Энзо. Он—

— Черт, — весь воздух вырывается из моих легких.

— Он помогает нам.

Первый проблеск настоящей надежды, который я почувствовал за... то, что кажется целой жизнью, которую мы провели здесь взаперти, разливается по моим венам.

— Ну, он мог бы относиться к этому немного лучше, — бормочу я, трогательно перекатываясь на четвереньки и переводя дыхание от агонии, которая разрывает мое тело. Цепи, прикрепленные к моим лодыжкам, зловеще гремят, указывая на один серьезный недостаток в его плане. — Как именно это будет работать? — Спрашиваю я, глядя на сверхпрочные замки, удерживающие меня прикрепленным к стене.

Я абсолютно уверен, что смог бы сломать их, если бы смог найти что-нибудь полезное, но в этой бетонной камере нет ничего, кроме пола, стен и потолка.

— У меня есть ключи. Просто... опусти меня.

Мои ноги дрожат, когда я поднимаюсь на ноги, серая, унылая комната вокруг меня

кружится, пока я пытаюсь обрести равновесие.

Мои ребра ноют, мышцы горят, а голова раскалывается. Но я не могу позволить этому остановить меня. Если Ант прав и у нас есть хоть какой-то шанс, то мы должны им воспользоваться.

— К-как я... я-я... — Мысль о том, чтобы взвалить на себя его тяжесть, вызывает у меня мурашки страха по спине. Но я знаю, что у меня нет выбора.

Я шаркаю вперед, мои ноги начинают чувствовать себя немного более полезными по мере того, как проходят секунды, пока моя цепь не натягивается туго.

— Где ключ? — спрашиваю я, вздрагивая. Мы оба все еще голые. Конечно, есть всего несколько вариантов того, где он может быть спрятан.

— Затянутый в веревку, — хрипит Ант, и мой взгляд устремляется к его связанным запястьям.

Я знаю, что это бесполезно, но я все равно протягиваю руку, чтобы посмотреть, смогу ли я добраться до него. Кончики моих пальцев далеко, но я могу дотянуться до его тела. И если я смогу поднять его, тогда я смогу отцепить его, и мы сможем это сделать.

Мое сердце учащенно бьется в груди, когда надежда и страх сливаются воедино. Если нас поймают, это будет концом для нас обоих. Но если мы выберемся...

— Тебе нужно... тебе нужно поднять меня, — говорит он, и в его глазах уже светится страх.

В ту секунду, когда я обниму его, будет чертовски больно, потому что не может быть, чтобы у него не было сломано больше нескольких ребер.

Я киваю, пытаюсь откуда-то почерпнуть немного внутренней силы.

Мое тело слабее, чем я когда-либо знал. Неоднократные избиения, нехватка еды и воды, все это серьезно сказывается. Но я не могу позволить им победить. Я отказываюсь.

У нас есть шанс — у меня есть шанс вернуться к моей девочке — и нет ни малейшего гребаного шанса, что я не воспользуюсь им наилучшим образом. Даже если это закончится тем, что мы оба умрем от рук этих ублюдков. По крайней мере, я буду знать, что пытался.

— Ты уверен насчет этого? — спрашиваю я, нуждаясь в уверенности, что Энцо действительно на нашей стороне.

— Он мой лучший друг, чувак. Он просто... он где-то там пытается доказать, что это не так.

Я киваю, понимая, что сделал бы то же самое для Алекса или любого другого из парней.

Это всего лишь средство для достижения цели. И у меня нет другого выбора, кроме как верить всему, что он говорит. Черт возьми, ему еще предстоит доказать, что он не заслуживает доверия.

— Хорошо. Тогда тебе нужно попытаться подойти немного ближе.

Он делает глубокий вдох, который заставляет его морщиться от боли, но что-то подсказывает мне, что это только верхушка айсберга, когда речь заходит о том, чем закончится сегодняшняя ночь, как бы она ни сложилась.

Ему удается набрать обороты, и в ту секунду, когда он оказывается достаточно близко, я протягиваю руки, обнимая его.

Воздух прорезает крик боли, когда я раздавливаю его сломанные ребра, но в остальном он держит себя в руках, пока я заставляю свое тело поднять его.

Мои мышцы напрягаются и дрожат от напряжения, которое я на них накладываю.

Я не чувствую, что добиваюсь чего-то другого, кроме как снимаю с него вес его тела и,

вероятно, причиняю ему больше боли, чем он когда-либо испытывал в своей жизни. Но через несколько секунд его вес становится тяжелее, и мы вдвоем рушимся на неумолимый пол в куче дрожащих конечностей и болезненных стонов.

— Черт, — ворчу я, перекатывая тело Анта поверх своего так нежно, как только могу, в то время как мое бедро болит от того места, где я на него приземлился.

Его стон разрывает воздух.

— Ты в порядке, чувак?

Его глаза открываются, удерживая мои, пока он медленно вдыхает и выдыхает.

— Ты ведь сможешь пройти через это, верно? — Мысль о том, чтобы довести этот план до конца без него, вызывает во мне волну паники. Я не оставлю его после всего этого.

Он медленно кивает. — Да. Я справлюсь.

Подползая к тому месту, где его связанные руки покоятся на животе, я быстро развязываю их и вытаскиваю два серебряных ключа оттуда, где они были зажаты между его кожей и веревкой.

Мое сердце учащенно бьется при виде этого.

Итак, многое могло пойти не так. Если бы они вернулись, развязали его и обнаружили, что...

Я содрогаюсь. Мысль об этом невыносима.

Я держу эти два ключа в руке, как будто они самые драгоценные вещи в мире. Это не так, но они могут привести меня к человеку, который таковым является.

Я быстро освобождаюсь от пут одним из ключей, прежде чем отбросить цепь в угол.

Еще через несколько секунд Анту наконец удастся оттолкнуться от пола, и с моей помощью он встает на ноги. Хотя, он выглядит чертовски шатким.

— Что теперь?

— Там есть запасной выход. Ведет в деревья. У меня есть... — Подняв руку, он прижимает ее к ребрам. — Спрятанная машина.

— Машина? — Спрашиваю я, впечатленный уровнем его планирования. Но как бы мне ни хотелось обсудить, что именно он задумал, я осознаю, что у нас нет всего времени в мире.

Он кивает. — Все, что нам нужно.

— Единственное, что мне нужно, это моя девушка, не буду врать, — бормочу я. — Значит, мы просто откроем эту дверь и выйдем?

— В значительной степени, — соглашается он.

Все это кажется слишком простым, и я не могу отрицать, что подозрение течет по моим венам. Он итальянец, во мне укоренилось недоверие к нему.

Но он защитил Калли.

Он спас меня от неминуемой смерти в том здании.

Я должен доверять ему.

— Энзо позаботится о том, чтобы они держались подальше.

— Тогда какого черта мы ждем?

Выбрав один из ключей, я вставляю его в замок.

Мое сердце замирает, когда он не подходит. Но прежде чем я позволю себе думать о худшем, я попробую другой.

— Да, — шиплю я, когда все начинается идеально.

Лязг замка пронзает меня так же, как и каждый раз, когда они приходили за нами. Но на этот раз за звуком следует надежда, а не просто леденящий кровь страх.

Моя рука дрожит, когда я открываю дверь и прислушиваюсь к голосам, к чему угодно, с другой стороны.

— Чисто? — Ант шепчет у меня за спиной.

— Да. Давай, пока мы не упустили наш шанс.

Мы выскальзываем за дверь, и я закрываю ее, быстро запирая за нами, прежде чем последовать за Антом через заднюю часть здания. Он опирается на стену для поддержки, и я клянусь, каждый его шаг медленнее предыдущего, но не успеваю я опомниться, как мы вываливаемся наружу и погружаемся во тьму, которая соперничает с той, где мы застряли в этой камере.

Я щурюсь, когда дождь заливает мне глаза ледяной изморозью, и сильная дрожь пробегает по моему позвоночнику.

— В какую сторону? — Спрашиваю я, ничего не видя.

К счастью, Ант, кажется, лучше понимает, где мы находимся, прежде чем взлететь, его ноги хрустят по сухим листьям и палкам под нами.

— Деймон, — шипит он в ту секунду, когда понимает, что я не иду, и я быстро — ну, настолько быстро, насколько кто-либо из нас действительно способен двигаться — следуя за ним.

Каждый шаг причиняет боль. Палки и камни впиваются в подошвы моих ног каждый раз, когда я опускаю их, но от холодного, пронизывающего ветра каждая из моих травм болит еще сильнее, чем внутри.

— Черт, — рывкаю я, когда Ант обо что-то спотыкается, прежде чем рухнуть на землю передо мной.

Мне требуется все, что у меня есть, чтобы помочь ему встать на ноги.

Я едва могу разглядеть его черты, здесь так темно, но это не значит, что я не вижу боли в его глазах.

— Сколько еще? — Спрашиваю я, мое тело быстро сдается, и последнее, что нам нужно, это отключиться здесь. Мы так близко к безопасности.

Я так близок к Калли.

— По ту сторону леса, — говорит он глубоким от агонии и истощения голосом.

Обнимая его за талию, я не оставляю ему выбора, кроме как идти вперед.

— Мы выберемся отсюда сегодня вечером, — обещаю я ему.

Мы продвигаемся еще на несколько футов, прежде чем он снова падает.

— Я не могу. Мои ноги... мое тело...

— Ублюдок, — ворчу я, глядя на него сверху вниз. — Я, блядь, не оставлю тебя здесь.

— Просто иди, — шепчет он. — Иди и забери свою девушку.

— Не, к черту это, чувак. Не после всего.

С мыслями о Калли, заполняющими мою голову, я направляю каждую унцию силы и решимости, которые у меня есть, и поднимаю его.

Я едва могу двигаться с его весом, нависающим над моим плечом, но другого способа покончить с этим нет.

Мы выбираемся из этого вместе.

Несмотря на холод и дождь, когда я наконец пробираюсь сквозь заросли деревьев и замечаю старую черную машину, припаркованную в конце гравийной дорожки, по моей спине струится пот. Каждый вдох — это агония.

— Мы сделали это, — говорю я Анту, но ответа нет. — Ант?

Ничего.

— Черт.

Если бы ситуация была другой, я мог бы вздохнуть с облегчением, когда наконец опускаю его на заднее сиденье машины, но сейчас он без сознания, его грудная клетка едва двигается, а все тело дрожит.

Он впадает в шок.

— Черт. Черт.

Я делаю шаг назад, отчаянно пытаюсь думать, но в голове чертовски мутно. Моя кожа горит, а сердце бешено колотится.

Он спланировал это, говорю я себе. Он сказал, что все было здесь.

Шаркая ногами по багажнику, я открываю его и чуть не рыдаю при виде лежащей там спортивной сумки.

В спешке я расстегиваю ее, обнаруживая целую кучу одежды и одеял.

Схватив две пары спортивных штанов и одеяла, я возвращаюсь к Анту, ставя его нужды на первое место.

Пытаться натянуть брюки на его ноги труднее, чем я ожидал, но вскоре я его укутываю, и, надеюсь, что ему немного теплее. Но ему нужна помощь. И она нужна ему быстро.

Натягивая вторую пару спортивных штанов, я открываю водительскую дверь и начинаю поиски ключа, который в конце концов нахожу в маленьком закутке под вентиляционным отверстием.

— Мы выбираемся отсюда, Ант. Я собираюсь помочь тебе. А потом мы вернемся и убьем этих ублюдков за то, что они с нами сделали.

Дождевая вода, пот и кровь стекают с моей кожи, пропитывая пояс позаимствованных брюк, но я не придаю этому значения.

Я сосредоточен на парне сзади, который прямо сейчас заслуживает моей помощи, и на моей девушке.

Я иду, Калли. Я, блядь, иду.

12

КАЛЛИ

— Деймон, — выдыхаю я, едва способная поверить в то, что я вижу.

Мое сердце бьется о ребра, когда я просто смотрю на него, мое тело движется само по себе, когда я убираю руку Алекса со своей талии и ставлю ноги на пол.

— Ангел—

Все происходит так быстро. В одну минуту он стоит там, весь в крови и выглядит так, словно его вытащили из ада, а затем он тянется к чему-то, к чему угодно, прежде чем рухнуть на пол.

— ДЕЙМОН, — кричу я, бросаясь вперед. Я перепрыгиваю через кофейный столик и падаю на колени рядом с ним. — Деймон, Деймон. Проснись. — Я обхватываю его лицо дрожащими руками, мои глаза отслеживают каждый порез и ушиб.

— Что происходит? — Сонно бормочет Алекс с дивана передо мной.

— Алекс, вставай. Ты нужен ему, — кричу я, паника наполняет все мое тело, когда Деймон остается пугающе неподвижным передо мной.

— Ему? Кому, что нужно?

— АЛЕКС.

Наконец, чистый ужас в моем теле прорывается сквозь дымку его сна.

— Черт возьми, что за— Деймон, братан. Какого хрена, чувак? — он лает, опускаясь рядом со мной и уставившись на своего близнеца с полным недоверием.

— Он просто... он просто вошел. Я проснулась, а он стоял там. Я не знаю... Я... Что с ним не так?

— Иисус, блядь, Христос. Я собираюсь позвонить маме, потом нам нужно уложить его в постель. Проверь, что он все еще дышит, — требует Алекс, выглядя таким же спокойным, как всегда, когда достает телефон из кармана.

— Ч-что? — выпаливаю я, и на меня накатывает новая волна паники.

— Просто сделай это. Мама попросит.

— Срань господня. Да. Ладно. Блядь.

Все мое тело дрожит, когда я наклоняюсь к обнаженной груди Деймона и прикладываю ухо прямо к его губам.

Щекотание его неглубокого дыхания, возможно, лучшее, что я когда-либо чувствовала в своей жизни.

— Да, он дышит.

— Тебе нужно немедленно приехать на квартиру Деймона, — рывкает он, как только раздастся звонок. — Он... он здесь, и он в полном беспорядке, мам. Тебе нужно поторопиться.

Алекс несколько секунд ходит взад-вперед, прежде чем остановиться и пристально посмотреть на своего брата.

— Я не знаю. Он потерял сознание. Повсюду кровь и синяки, но он поднялся сюда, так что все не может быть так плохо, верно?

Он некоторое время прислушивается, пока мои глаза ищут все раны. Кровоточащие порезы на его груди и животе, темные кровоподтеки вокруг ребер. Трудно разглядеть все из-за количества засохшей крови и грязи, которые прилипли к каждому дюйму его тела.

— На полу в гостиной. Да. Да. Хорошо. Скоро увидимся.

— Что она сказала? — спрашиваю я в спешке, как только он вешает трубку.

— Пока мы не думаем, что у него что-то слишком серьезное, мы должны затащить его в постель.

— Он стоял там, Алекс. Он вошел. Не может быть, чтобы что-то слишком— Мои слова прерываются, когда рыдание вырывается из моего горла.

Алекс делает глубокий вдох, глядя на Деймона сверху вниз, как будто не может поверить, что он действительно здесь.

— Это не сон, не так ли?

Я шмыгаю носом, когда слезы тихо текут по моим щекам, капая с подбородка.

— Он здесь, Алекс. Он здесь. Он... — Я хочу сказать, что с ним все в порядке. Что явнс не так. Но он жив. — Черт.

Нежно положив одну руку на живот Деймона, я опускаю голову на другую и рыдаю большими, жирными, уродливыми слезами облегчения.

Он здесь. Он...

Рука Алекса опускается мне на спину, когда меня захлестывает еще больше эмоций.

— Давай, ты нужна ему, Кэл. Сейчас не время ломаться.

Я шмыгаю носом и пытаюсь взять себя в руки.

— Иди откинь простыни, я возьму его.

— Ты в справишься— Но прежде чем я успеваю заговорить, Алекс подхватывает Деймона на руки и, пошатываясь, направляется ко мне. — Калли, — ворчит он, когда вес Деймона берет верх над ним.

— Черт, да.

Я бросаюсь вперед, откидываю одеяло и быстро взбиваю подушку, прежде чем Алекс опустит его.

— Что нам теперь делать? — спрашиваю я, звуча и чувствуя себя совершенно бесполезной.

— Посиди с ним. Возьми его за руку. Дай ему знать, что ты с ним. Ты будешь нужна ему, — твердо говорит он, прежде чем выбежать из комнаты.

Мои губы приоткрываются, чтобы позвать его, но ни звука не выходит из моего горла.

Вместо этого я возвращаюсь к сломленному мальчику передо мной.

Я проглатываю очередной всхлип, когда разглядываю его.

— Где ты был, дьявольский мальчик? — шепчу я, нежно проводя кончиками пальцев по его щеке. — Я действительно надеюсь, что ты устроил им ад.

Звук того, как Алекс мечется где-то в другом месте квартиры, а затем его голос, когда он должно быть снова разговаривает с кем-то по телефону, помогает мне оставаться на земле, когда я классифицирую каждую из ран Деймона.

Мне нужно встать и найти чем их почистить. Большинство, я надеюсь, поверхностные и заживут после нескольких дней отдыха. Но другие, такие как свежие порезы на его груди и глубокий порез на бицепсе с постоянным кровотечением, выглядят немного серьезнее. Но что-то подсказывает мне, что все эти травмы ничто по сравнению с болью внутри.

Деймон не оставался бы в стороне так долго, если бы у него не было выбора. Он бы не позволил нам поверить, что он мертв. Он просто не позволил бы. Что бы это ни было. Это серьезно. И от этой мысли у меня скручивает живот, пока мне не становится трудно дышать.

— Вот. — Голос Алекса пугает меня, прежде чем он обходит кровать с подносом, полным припасов. — Должно хватить, чтобы мы начали.

Я изучаю миску с водой и средства первой помощи, которые он принес. — Разве мы не должны подождать твою маму? — спрашиваю я.

— Я латал его достаточно раз, чтобы быть в состоянии зачистить несколько порезов, Кэл.

— Значит, тебя не тошнит от его крови? — спрашиваю я.

— К счастью, нет, иначе ему был бы пиздец все эти годы из-за того, сколько раз он возвращался домой с таким видом, будто провел десять раундов с дьяволом.

— Как ты думаешь, что с ним случилось? — тихо спрашиваю я.

— У меня есть несколько идей.

Между нами воцаряется тишина, пока Алекс опускает ватный тампон в теплую воду и начинает вытирать разбитое лицо Деймона.

Мое тело дрожит, когда я пытаюсь сдержать рыдания, которые хотят сотрясти меня при виде них.

— Ты можешь помочь. Я почти уверен, что он в любом случае предпочел бы, чтобы это делала ты, а не я.

Нерешительно я протягиваю руку над ним и беру ватный тампон.

Я провожу им по его скуле так легко, что это почти ничего не дает. Но мысль о том, чтобы причинить ему боль больше, чем уже есть, приводит меня в ужас.

— Он не сломается, Калли. Что бы ты ни сделала с ним сейчас, это не причинит ему вреда, я клянусь тебе.

Я киваю и надавливаю чуть сильнее, чтобы смыть кровь.

Слишком быстро ватный тампон пачкается как старой, так и свежей кровью, и я тянусь за следующим, когда начинает звонить телефон Алекса.

— Это мама, — объясняет он, поднимаясь с кровати, чтобы ответить. — Я собираюсь пойти открыть ей дверь, — объясняет он, прежде чем исчезнуть.

Звук его шагов становится тише, и я снова остаюсь наедине с моим мальчиком.

Мне кажется, что мое сердце весит в груди десять тонн, пока я продолжаю работать. Я так счастлива, что он вернулся, но я изо всех сил пытаюсь это почувствовать, поскольку страх за то, что ему пришлось вынести, поглощает все.

— КАЛЛИ. — Тон крика Алекса вызывает дрожь у меня по спине. — КАЛЛИ, тебе нужно подойти сюда прямо сейчас.

— Черт. Я сейчас вернусь, — шепчу я Демону, и что-то в голосе Алекса подсказывает мне, что его слова не были предложением.

— КАЛЛИ, — снова гремит он, заставляя меня двигаться быстрее.

Я оглядываюсь через плечо, прежде чем выскользнуть из комнаты, ненавидя то, что меня уводят от него, когда я только что вернула его.

Я бросаюсь к входной двери, но резко останавливаюсь, когда заворачиваю за угол, мой взгляд натывается на другое тело.

Мой шокированный вздох пререзает воздух, когда я поднимаю руку, чтобы прикрыть разинутый рот.

— Ант? — Я дышу, едва в состоянии узнать его из-за состояния его лица. Но это он, я знаю, что это он.

Алекс смотрит на меня, стоя на коленях рядом с безжизненным телом Анта, прижимая пальцы к его шее.

— С-скажи мне, о-он—

— У него есть пульс, — подтверждает Алекс.

— Какого черта он... — Я оглядываюсь через плечо, хотя отсюда не вижу Демона. — Они были вместе. — Это не вопрос, это факт.

— *Я вытащу их, всех их. Я, блядь, обещаю тебе.*

Его слова из той ночи возвращаются ко мне.

Во мне воюет смятение.

Что все это значит?

Как они вообще попали сюда, в это здание?

Вопрос за вопросом проносятся в моей голове, пока я стою и смотрю.

— Что происходит прямо сейчас?

Я отступаю на несколько шагов, разрываясь между желанием вернуться к Демону и остаться с Антом, потому что, как бы плохо сейчас ни выглядел Демон, Ант выглядит намного хуже.

— Приготовь гостевую комнату, Калли. Похоже, она нам понадобится.

Я киваю, радуясь, что мне дали работу, которая не даст мне утонуть во всех вопросах и страхах, роящихся в моей голове.

Движением, идентичным тому, когда он поднял Демона, Алекс поднимает Анта с пола, и я поворачиваюсь, готовая бежать к коридору, но голос Джанны пререзает воздух.

— Это не мой сын, — говорит она, и когда я поднимаю глаза, то вижу, что она смотрит на Анта сверху вниз, в замешательстве нахмутив брови.

— Его зовут Антонио, — говорю я.

— Он Мариано, — продолжает Алекс.

— Деймон в своей комнате, — говорю я. — Пошли.

Еще раз взглянув на Анта, я поворачиваюсь и направляюсь в гостевую комнату, проходя мимо, заглядываю к Деймону, чтобы убедиться, что он все еще там. Я не совсем верю, что сейчас все это реально, поэтому мне нужны все гарантии, которые я могу получить.

Потрясенный вздох Джанны, когда ее взгляд останавливается на ее сыне, не улучшает ситуацию, но я заставляю свои ноги продолжать двигаться. Деймон не единственный, кто нуждается во мне прямо сейчас.

Я повторяю свои действия ранее, прежде чем появляется Алекс и укладывает Анта на кровать.

Он стонет от боли, приземляясь на мягкий матрас, но его глаза остаются закрытыми, и он не подает никаких других признаков того, что приходит в себя.

— Уйди с дороги, — требует Джанна, физически отталкивая Алекса в сторону, чтобы осмотреть своего пациента.

— Деймон? — спрашивает он, наблюдая, как она быстро пробегает глазами по Анту. На нем не так много крови, но синяки обширны. Я даже представить не могу, как ему, должно быть, больно.

Гнев захлестывает меня, когда я пробегаю глазами по его ребрам.

Я не осознаю, что издаю звук, пока Алекс не обнимает меня за плечи и не притягивает к себе.

— Все в порядке, Кэл. Они у нас. С ними все будет в порядке.

Его мама поднимает глаза и встречается взглядом со своим сыном, но я не могу прочитать в них невысказанные слова, как он.

— Давай оставим маму и пойдем посидим с Деймоном.

— С ним все в порядке? — спрашиваю я Джанну, пока Алекс пытается вывести меня из комнаты.

— На первый взгляд, все это поверхностно.

Мне приходится прикусить язык, чтобы не выплюнуть ответ о том, что любая рана на Деймоне всегда более чем поверхностна.

Она уже знает, я вижу это в глубине ее глаз. Я вижу ее беспокойство, ее страх за своего сына. Но прямо сейчас она в режиме медсестры, и нужно быть идиотом, чтобы не видеть, что Ант нуждается в ней больше.

— Продолжай давить на порез на его руке, хорошо?

— Что-нибудь еще? — спрашиваю я.

— Просто продолжай приводить его в порядок. Я закончу через минуту или две.

Алекс выводит меня из комнаты, и через мгновение мы стоим в дверях комнаты Деймона, уставившись на другого человека, который, должно быть, прибыл с Джанной.

— Моя милая девочка, — выдыхает Джослин, ее глаза полны непролитых слез, когда она прижимает комок к руке Деймона. — Ты нужна ему. — Она кивает в сторону бинтов, поощряя меня взять это на себя. — Я пойду сварю кофе, — говорит она, выбегая из комнаты.

Я смотрю, как она уходит в полном оцепенении.

— Кто мог это сделать, Алекс? Кто мог причинить им такую боль? — шепчу я.

— Тебе действительно нужно, чтобы я ответил на это? — спрашивает он, подтаскивая стул к своему брату, принимая давление на руку Деймона и позволяя мне забраться к нему на кровать.

— Это моя вина, — признаюсь я, глядя на покрытое синяками и опухшее лицо Деймона.

— Не говори ерунды, Кэл. Это не имеет к тебе никакого отношения.

Я свирепо смотрю на него. — Это имеет прямое отношение ко мне. Если бы я не пыталась сбежать из моей уединенной жизни и нарушить все правила с Антом, то мы никогда бы так не закончили.

— Какое это имеет отношение к чему-либо?

Я вздыхаю, убирая волосы с лица.

— После того, как Деймон вывел нас из загородного клуба, я столкнулся с Антом. Он...

— Все в порядке, Кэл.

— Он пообещал мне, что сделает все возможное, чтобы вытащить их для меня. Он сделал это. Он... он спас Деймона для меня, и его поймали. Мариано отвернулись от него. Ант — предатель, а Деймон — враг.

— Черт. Ты действительно думаешь —

— Ант — хороший парень, Алекс. Он бы сделал это.

— Ну, если он это сделал, мы, блядь, обязаны ему всем.

Все, что я могу сделать, это кивнуть, когда тянусь за другим ватным тампоном и продолжаю вытирать лицо моего разбитого мальчика.

Я работаю в тишине, мою кожу покалывает, когда глаза Алекса перебегают с меня на его брата.

Джослин возвращается с кофе и стаканами воды, прежде чем снова умчаться.

Только когда Джанна присоединяется к нам, я отступаю, а Алекс отодвигается в угол комнаты, чтобы дать ей немного пространства.

— И что теперь? — Нетерпеливо спрашивает Алекс, когда его мама закончила и отступила от Деймона.

— Пока они не проснутся, трудно сказать.

— Ну, тогда разбуди их, — требует он.

— Алекс, — выдыхаю я, кладя руку ему на плечо.

— Я не могу. Их тела истощены. Они проснутся, когда будут готовы.

Я смотрю на трубку, которую Джанна провела на тыльной стороне ладони Деймона, и прослеживаю ее вплоть до пакетика с жидкостью, который она к нему прикрепила.

— Он обезвожен, — объясняет она на случай, если это не было очевидно. — Я не чувствую никаких явных переломов, но это не значит, что их нет. Возможно, утром нам придется отвезти их обоих в больницу.

— Нет, — рявкает Алекс. — Нет, — повторяет он, немного мягче, когда его мама вздрагивает от его свирепого тона. — Никто не должен знать, что они здесь. Они сбежали и —

Его слова обрываются, не желая догадываться, через что они прошли.

— Тогда, возможно, вы захотите избавиться от машины, брошенной посреди автостоянки, — предлагает Джанна.

— Черт. Мне нужно позвонить Тео. У босса будет чертовски напряженный день из-за этого.

Еще раз взглянув на Деймона и поцеловав меня в висок, Алекс направляется к двери. Нс

звук голоса его матери останавливает его в дверном проеме.

— Убедитесь, что они заплатят за это. Никто не причинит вреда ни одному из моих мальчиков и это сойдет им с рук.

— Так и будет. Каждый, кто посмел прикоснуться к нему хоть пальцем, все равно что мертв.

Волна решимости проходит через комнату, и я не могу не пожелать, чтобы Деймон проснулся, чтобы увидеть это, почувствовать, как те, кто любит его, сражаются за него.

Алекс уходит, звук его голоса грохочет в гостиной, поскольку Тео должен ответить на звонок, несмотря на середину ночи.

— Который час? — спрашиваю я.

— Э-э... почти два часа ночи.

Я киваю, ерзаю, стоя в углу комнаты, как запасная часть.

— Калли, ты можешь подойти ближе. Ты можешь лечь с ним, — мягко поощряет она. — Он, вероятно, будет знать о твоём присутствии.

— Я... э-э... — Я смотрю на них обоих, мой желудок сжимается от беспокойства, страха и такого огромного облегчения, что я не знаю, что с собой делать.

— Он здесь, Калли. Он вернулся к тебе. Он боролся, чтобы вернуться к тебе.

Мои рыдания разрывают воздух, когда я придвигаюсь ближе к кровати.

Я пробегаю по нему взглядом, и яростное желание защитить, которое течет по моим венам, потрясает мои устои. — Я хочу выйти туда и причинить боль людям, Джанна. Я хочу пойти и сделать то, чего ни один человек не должен хотеть делать другому, — тихо признаюсь я.

— Милая, ты не единственная.

— Он заслуживает гораздо лучшего, чем это.

— Это то, за что он борется. За лучшее. За тебя.

От ее слов льется еще больше слез.

— Ты знаешь, — шмыгаю я носом. — Ты действительно не помогаешь этой ситуации, — говорю я, указывая на свое лицо.

Джанна посмеивается, поднимаясь со стула.

— Ляг с ним. Поговори с ним. Я собираюсь проведать Анта и посмотреть, как дела у Алекса. Если тебе что-нибудь понадобится, просто крикни. Мы с Джослин здесь для тебя. Для всех вас.

— Спасибо, — шепчу я, снова забираясь на кровать, стараясь не укачивать его, прежде чем лечь рядом, придвинувшись как можно ближе. — И спасибо, что позвонила Джослин.

Джанна некоторое время наблюдает за нами из дверного проема, но я не обращаю на нее никакого внимания. Я слишком сосредоточена на Деймоне, лежащем рядом со мной, чтобы думать о чем-то еще.

В ту секунду, когда она уходит, я кладу свою руку поверх его.

— Ты вернулся, — шепчу я. — Ты вернулся за нами.

13

ДЕЙМОН

— Калли, — стон Алекса разрывает воздух, когда я смотрю, как он заводит ее в свою спальню, утыкается лицом в ее шею, пробуя на вкус все, что я хочу, все, что мне нужно.

Моя кровь превращается в лаву, когда Алекс обхватывает пальцами низ платья Калли и

стягивает его с ее тела, оставляя ее в одном кружевном нижнем белье.

— О Боже, — выдыхает она, когда его голова опускается к ее груди. — Да.

Ярость, ревность и отчаяние сжигают меня, когда я наблюдаю за ними.

Если это и есть смерть, то я могу только предположить, что меня отправили прямоком в ад, потому что даже после всего, через что я прошел, смотреть, как Алекс забирает мою девушку, — худший вид пытки. После всего плохого, что я натворил в своей жизни, я думаю, это именно то, чего я заслуживаю.

Затем он снимает рубашку, затем джинсы, когда он дразнит ее через нижнее белье. Прикасается к ней так, как будто она самая драгоценная вещь в мире, заводит ее, пока она не начинает умолять его взять ее.

Мой член болит, но я не могу дотянуться до него.

Я не могу пошевелиться, мои руки свинцом повисли по бокам, что только делает пытку еще более невыносимой.

У меня перехватывает дыхание, когда он отрывает ее от пола, обхватывая ее ноги вокруг своей талии.

Воздух прорезает вздох, и только когда реальность возвращается ко мне и мои глаза распахиваются, я понимаю, что это исходило от меня.

Я смотрю на идеально белый потолок, и мои брови хмурятся, когда на меня накатывает замешательство.

Мое сердце бешено колотится, и, несмотря ни на что, желание все еще растекается по моим венам от вида моей девушки в таком виде, даже если все это было у меня в голове.

Я пару раз моргаю, отчаянно пытаюсь прояснить свой мозг.

Образы бега по лесу, воспоминание о том, как я перекинул Анта через плечо, и мое изнеможение до костей всплывают в моем сознании и заставляют мои мышцы болеть.

Мы сбежали. Мы...

Я поднимаю голову от того, на чем отдыхаю, и оглядываюсь вокруг.

Комната кружится и расплывается, но узнавание все еще поражает меня.

Я...

Я дома.

Вздох облегчения вырывается из моего горла, и моя голова откидывается на подушку.

Внезапно все начинает обретать смысл.

Мягкая кровать, на которой я лежу. Тот факт, что воздух вокруг меня не пахнет смертью. Вместо этого, он пахнет—

Я поворачиваю голову в сторону, и у меня перехватывает дыхание, когда я нахожу моего ангела, свернувшегося калачиком рядом со мной, крепко спящим.

Я смотрю на нее в полном благоговении, не в силах ничего сделать, кроме как упиваться видом ее прекрасного лица.

Ее веки подрагивают, когда она видит сны. Ее щеки покрыты нежно-розовым румянцем, а полные губы приоткрыты и слишком соблазнительны после того, как я был заперт без каких-либо нежных прикосновений бог знает сколько времени.

Мне больно. Каждый дюйм меня жаждет ее прикосновений, ее поцелуя, ее... ее чего угодно.

Движение позади нее привлекает мое внимание, и когда я отрываю от нее взгляд, я нахожу Алекса, прижатого к ней сзади, мы трое снова в одной постели.

Он стонет во сне, прижимается к Калли и обнимает ее за талию, крепко прижимая к

себе.

Ревность угрожает поглотить меня, и мне требуются все силы, чтобы бороться с ней.

Глубоко вдыхая свежий воздух, я убираю руку от своего бока, но, когда щемящая боль пронзает мою руку, у меня нет выбора, кроме как оглянуться.

Я обнаруживаю канюлю, исчезающую на тыльной стороне моей ладони, и когда я иду за маленькой пластиковой трубкой, я нахожу почти пустой пакет с жидкостью, висящий на маленьком крючке на моем прикроватном столике.

Мама здесь.

Желание вырваться на свободу и бороться с обращением, которое, я не сомневаюсь, она попытается применить ко мне, сжигает меня, но я воздерживаюсь. Что-то подсказывает мне, что если я не буду делать в точности то, что мне говорят, я разочарую девушку рядом со мной, а я больше никогда в жизни не хочу этого делать.

Поворачиваясь к ней, я делаю глубокий вдох и пытаюсь перевернуться на бок.

Все болит, но это не так плохо, как я помню, поэтому я могу только предположить, что мама уже накачала меня обезболивающими.

Не в силах удержаться от прикосновения к ней, я протягиваю руку и провожу грязными, окровавленными костяшками пальцев по ее щеке.

Начнем с того, что она не реагирует на мои прикосновения, в то время как мягкость и тепло ее кожи посылают электрические искры по моей руке.

Возможность сделать это, снова быть рядом с ней — единственное, о чем я мог думать с тех пор, как проснулся запертым в камере итальянцев.

И теперь она здесь.

Я чертовски уверен, что никогда больше не упущу ее из виду. Никогда.

Мои глаза изучают каждый дюйм ее лица, и мое сердце замирает, когда я замечаю стойкий темный макияж, который выглядит так, будто его смыли слезами.

— Прости, — шепчу я. — Прости, что напугал тебя. Прости, что я не вернулся к тебе. Прости, что причинил тебе боль. Я говорил тебе, что я недостоин тебя, Ангел. — Мой голос хриплый, и каждое слово обжигает мне горло, как будто я пытаюсь проглотить ржавые гвозди, но каждое нужно сказать. Я даже представить не могу, через что она могла пройти за последние несколько дней — черт возьми, недель.

Я кладу руку ей на щеку и обхватываю пальцами ее тонкую шею, и она наконец пробуждается ото сна.

Когда ее веки открываются, меня охватывает легкое чувство вины, но затем на меня обрушивается ее грусть, и я забываю обо всем, а мое сердце колотится так, словно его только что запустили.

Она ахает, как только понимает, что я смотрю на нее в ответ.

— Привет, — выдавливаю я. Кажется, что впервые за целую вечность на моих губах появляется улыбка.

— Деймон, — всхлипывает она, ее глаза наполняются слезами. — Ты действительно здесь. — Ее нижняя губа дрожит, когда ее рука поднимается, чтобы накрыть мою там, где я ее держу.

— Я бы перевернул небеса и землю, чтобы вернуться к тебе, Красавица.

— М-мы... мы думали... — Она на мгновение зажмуривает глаза, прежде чем они снова распахиваются, как будто сожалеет, что не может видеть меня. — Мы думали, ты мертв.

— Потребуется нечто большее, чтобы оторвать меня от тебя, Калли. — Мои пальцы

сжимаются на ее шее, надеюсь, подчеркивая силу моих слов. — Ты — все, о чем я думал. Ты снова в моих объятиях. Это единственное, что меня поддерживало, — признаюсь я, заставляя ее расплакаться. — Прости. Я не хочу заставлять тебя плакать.

— Все в порядке, — говорит она надтреснутым от эмоций голосом. — Ты здесь, ты можешь делать все, пока остаешься.

— Я никуда не уйду.

Между нами повисает тишина, мы просто смотрим друг на друга, едва способные поверить, что это происходит.

— Я люблю тебя, Калли.

— О Боже, — всхлипывает она. — Я тоже тебя люблю.

Она бросается вперед и обнимает меня, прижимаясь ко мне, как будто боится, что я могу превратиться в пыль, если она отпустит меня.

С моих губ срывается стон, когда боль пронзает мое тело, но этого недостаточно, чтобы заставить меня остановить ее.

— Черт, прости. Я не хочу—

— Не смей отпускать меня, Ангел, — предупреждаю я твердым голосом, не оставляя ей выбора, кроме как следовать приказам.

— Никогда. Я больше никогда тебя не отпущу.

Мы лежим, обнимая друг друга, впитывая тепло, силу, любовь друг друга. И это, блядь, все.

Непривычная темнота сна начинает окутывать меня, когда она снова заговаривает.

— Ты... с тобой все в порядке? — нерешительно спрашивает она, кончик ее носа касается моего, когда она смотрит мне в глаза.

— Да, Ангел. Теперь я в порядке.

Она наклоняется вперед и касается своими губами моих. Это самый легкий, но самый необходимый поцелуй за всю мою жизнь.

Я отчаянно хочу вернуть его, но проигрываю битву с собственным телом и вместо этого снова погружаюсь в тиски сна.

***

В следующий раз, когда я просыпаюсь, вдалеке раздаются голоса, которые заставляют меня мгновенно расслабиться. Голоса мамы и Алекса доносятся до моих ушей и окутывают меня, как теплое одеяло. Я не могу разобрать их слов, но мне и не нужно.

Я действительно дома.

Рядом со мной раздается тихий храп, и я переворачиваюсь, чтобы посмотреть, как она спит. Двигаться теперь легче, и когда я поднимаю взгляд, я обнаруживаю, что пакет с жидкостью снова полон.

Подложив руку без канюли под щеку, я просто лежу и наблюдаю за ней, впитывая ее присутствие и позволяя себе вспоминать хорошие времена, все время веря, что у нас действительно может быть что-то еще.

Голоса продолжают за дверью, но никто не входит, чтобы проверить нас, пока идут секунды и минуты.

Это самое умиротворяющее чувство, которое я испытывал с тех пор, как мы были в пляжном домике моих бабушки и дедушки, и я ценю каждую гребаную секунду.

В конце концов, Калли начинает шевелиться, и в ту секунду, когда она открывает глаза,

широкая, сияющая улыбка расплывается на ее лице, когда она находит меня здесь.

— Это было по-настоящему, — шепчет она хриплым со сна голосом. — Ты действительно вернулся.

— Всегда.

— Как ты себя чувствуешь?

— Лучше не бывает.

Ее лоб морщится. — Не лги мне, Николас, — предупреждает она, грубость ее голоса заставляет мою кровь кипеть.

— Черт, я так чертовски сильно скучал по тебе, — рычу я, наклоняясь вперед и касаясь своими губами ее губ, наконец-то заявляя о том поцелуе, которому я был слишком измотан, чтобы позволить себе потакать прошлой ночью.

— Ладно, дети. Хватит об этом, — отчитывает мама, ее голос внезапно становится совсем рядом. — Ему нужно многое вылечить. На... это не хватает энергии.

— Мама, — стону я, в то время как щеки Калли горят ярко-красным.

— Прости, Джанна, — бормочет она.

— Не обращай на нее внимания, она просто дергает тебя за цепь.

— Алекс, — говорю я, заставляя себя сесть. Мой взгляд падает на него, и еще одна из моих выбитых фигур встает на место, когда наши взгляды встречаются. — Черт. Я так —

— Заткнись нахуй, хорошо? — говорит он, его голос срывается с каждым словом, прежде чем он бросается на меня, отбрасывая меня обратно на кровать с криком боли. — И никогда, черт возьми, больше так с нами не поступай.

Я едва могу дышать под его весом на мне, и это чертовски больно, но я никак не могу заставить его двигаться.

— Скучал по тебе, братан, — ворчу я ему на ухо.

— Чертовски люблю тебя, чувак.

— Как бы это ни было мило, — говорит Калли, — ты делаешь ему больно, Алекс.

— Черт, прости. Я просто... скучал.

Когда Алекс отстраняется, его лицо мокрое от слез, которые он быстро смахивает, как будто их никогда не было.

— Малыш, — выдыхает мама, самоотверженно ожидая до последнего, чтобы поприветствовать меня. — Ты здорово напугал нас там, сынок.

— Не могу сказать, что это было намеренно, — бормочу я, когда она обхватывает ладонями мое лицо.

— Как ты себя чувствуешь?

— Я хор —

— Честно, — предупреждает она. — Если ты подумаешь о том, чтобы солгать мне о чем-либо из этого, я отправлю тебя в больницу.

Я киваю, чертовски хорошо зная, что она не лжет.

— Все болит, но я думаю, что со мной все в порядке.

— Что они с тобой сделали? — спрашивает Алекс, в его тоне ясно слышны гнев и обещание возмездия.

Мои глаза находят Калли, которая сейчас сидит рядом со мной, ее рука в моей, и я проглатываю слова. Ей не нужно слышать правду, холодную, жестокую правду о том, что я пережил в прошлом —

— Какой сегодня день?

— Вторник, — предлагает мама.

Я выдыхаю. — О.

— Что такое? — спрашивает Калли, подходя ближе и сжимая мою руку в знак поддержки.

— Прошло всего два дня.

— Э-э...

— Нет, братан. Прошла неделя и два дня. Мы все должны были вернуться в школу еще вчера.

Я смотрю на них троих, не вижу в их глазах ничего, кроме правды, и киваю. — Верно, да. Это имеет больше смысла.

Мы все замолкаем, когда тяжесть всего, что произошло, давит на нас подобно физической силе.

— Что они с тобой сделали? — Алекс спрашивает снова, его потребность в правде сжигает его изнутри.

Я понимаю. Я был бы таким же, если бы ситуация была обратной, и он был бы на моем месте.

Я качаю головой. — Сейчас это не имеет значения. Они не сделали ничего такого, от чего я не мог бы исцелиться или избавиться с помощью детоксикации.

— Детоксикации? — выпаливает Калли.

— Я в порядке, Ангел. Я обещаю тебе.

Ее нижняя губа снова дрожит, но она больше ничего не говорит.

— Ты знаешь, что они тебе дали? — спрашивает мама.

— Нет, но прошло некоторое время с момента моей последней дозы. Все уже кажется яснее.

— Я брала кровь, — говорит она. — Позже я должна получить результаты для вас обоих.

— Нас обоих, — выдыхаю я, мои глаза расширяются. — Где он? С ним все в порядке? Не говори мне, что ты отправила его обратно к ним.

Они все смотрят на меня так, как будто я сошел с ума.

Когда ответ, который мне нужен, приходит недостаточно быстро...

— Клянусь Богом, если ты—

— Все в порядке. Он в комнате для гостей.

— Черт. — Весь воздух из моих легких вырывается наружу. — Так должно оставаться. Он не может вернуться. Они убьют его.

Мама и Алекс придвигаются ближе, прежде чем опуститься на край кровати.

— Он вытащил меня из того здания прямо перед тем, как оно упало мне на голову. Я бы умер там, если бы не он, я это знаю.

Алекс опускает голову на руки, как будто просто слышать, как я произношу эти слова, слишком больно, чтобы иметь с этим дело.

— Он обещал мне, что будет охранять тебя.

— Что ж, он сделал это, Ангел. И он прошел через ад ради этого.

— Он не в хорошем состоянии, — признается мама.

— Я знаю. То, как они его... — Дрожь пробегает у меня по спине, когда я вспоминаю некоторые из его наиболее жестоких избиений. Тот факт, что мне удалось доставить его сюда еще живым, — это гребаное чудо. — Нам нужно сделать все возможное, чтобы держать

его подалее от них, пока мы не исправим это дерьмо.

— Босс хочет прийти поговорить с тобой, — говорит Алекс, его глаза встречаются с моими. — Я сказал ему подождать, пока ты не станешь сильнее, но—

— Пусть он придет. Это слишком важно, чтобы сидеть сложа руки.

— Ладно, понял. Остальные тоже отчаянно хотят тебя увидеть.

— Может быть, завтра, хорошо? Я просто хочу побыть со всеми вами немного.

— Все, что тебе нужно, чувак.

Поднимая руку Калли, я прижимаюсь губами к тыльной стороне ее ладони.

— У меня есть все, что мне нужно, прямо здесь.

— Ты голоден? — спрашивает Алекс, глядя на нас двоих с счастьем, наполняющим его глаза. И если бы я не знал его так хорошо, как знаю сейчас, тогда я мог бы пропустить ревность, которая тоже присутствует.

— Изголодавшийся по чему угодно, кроме чертового заплесневелого хлеба.

— Это то, что они тебе дали?

— Да, Ангел. Они не поселили нас в пятизвездочном отеле, — язвительно замечаю я.

— Есть какие-нибудь особые пожелания? — спрашивает мама.

— Что угодно.

Я предполагаю, что она ускользает, чтобы что-нибудь заказать, потому что я не могу представить, что на моей кухне есть что-нибудь съедобное после недельного отсутствия.

Черт.

Я знал, что это было давно. Но прошло больше недели.

Я недоверчиво качаю головой.

— Ты в порядке, чувак? — спрашивает Алекс, его рука опускается на мою ногу под одеялом.

— Да. Это просто слишком много, чтобы переварить.

— Поверь, мы, блядь, понимаем, — говорит он, заставляя себя немного посмеяться.

— Спасибо тебе, — говорю я, пресекая его попытку поднять настроение. — Спасибо тебе за то, что заботился о ней. За то, что был рядом с ней, когда я не мог. — Я смотрю на Калли, и в моем горле образуется огромный комок от слишком реального страха, с которым я жил последнюю неделю, что я, возможно, никогда больше не смогу взглянуть на нее, прикоснуться к ней.

— Я дал тебе обещание, и ты знаешь, что я всегда выполняю свои обещания.

— Я ценю это. Знание того, что вы были друг у друга, пока я был там, делало это более терпимым.

— Алекс был потрясающим, — говорит Калли, глядя на моего брата с такой любовью, что у меня сжимается сердце. Но не ревниво, потому что, несмотря на мои худшие опасения и кошмары, которые мучили меня, пока я был взаперти, она не любит его так, как любит меня. Я вижу это каждый раз, когда она просто смотрит в его сторону.

— Ты сама была довольно крута. Твоя девочка свирепая, Ди, такая чертовски свирепая.

— Я знаю, — соглашаюсь я, и широкая улыбка расплывается на моем лице. — Она, черт возьми, такая.

Он переводит взгляд с нас двоих, печаль все еще сохраняется в его чертах.

— Вам двоим, наверное, нужно поговорить, — говорит он, поднимаясь с кровати.

— Я позвоню боссу. Ты не против, если папа придет с ним?

— Да, Тео тоже, — говорю я, зная, что он не слишком благосклонно отнесется к тому,

что его исключили. — Но это все до завтра.

— Договорились. — Алекс кивает мне, прежде чем посмотреть на Калли с ободряющей улыбкой, прежде чем закрыть дверь и оставить нас одних.

14

КАЛЛИ

Мое сердце колотится, а кровь приливает к ушам, когда я смотрю на Деймона.

Мне так много нужно ему сказать. Но... как мне это сделать?

Он только что прошел через... черт возьми, я даже не знаю, через что он прошел.

— Т-тебе что-нибудь нужно? — спрашиваю я вместо того, чтобы выпалить какую-либо из своих истин.

— Э-э, да. Я бы действительно не отказался отлить.

— Хорошо, да. Конечно.

Через мгновение я откидываю одеяло и поднимаюсь с кровати.

— Я могу попросить маму помочь, если—

— Я справлюсь. Я буду лучшей медсестрой, которая у тебя когда-либо была.

Когда я обхожу кровать, его взгляд падает на мои голые ноги, которые торчат из-под его толстовки, которую я все еще ношу.

— Ты, кажется, неподходяще одета для этого.

Я закатываю глаза, глядя на него, когда стаскиваю с него одеяло. У меня перехватывает дыхание при виде его ран. Джанна обработала самые сильные порезы на его груди и животе, но синяки выглядят зловещими и болезненными.

— Ты в порядке, чтобы идти? — спрашиваю я, когда он нерешительно опускает ноги на пол.

— Ангел, все проще, чем то, что я испытал на прошлой неделе. — Я киваю ему, наблюдая, как он опирается на прикроватный столик, чтобы помочь себе подняться. — Я обещаю, что не собираюсь ломаться.

— Я-я знаю, я просто... Я хочу все исправить.

— Я вернусь к полной работоспособности через несколько дней, как только немного отдохну и прилично поем.

— Деймон, — я вздыхаю, когда волна горя и облегчения захлестывает меня.

— Я здесь, Красавица. И я никуда не уйду, хорошо?

Он, пошатываясь, идет вперед, и я спешу схватить капельницу, чтобы в конце концов не вырвать ее у него из руки.

Его движения медленные, но упрямый засранец не принимает никакой помощи.

Я зависаю в дверном проеме, пока он пользуется туалетом, не желая вторгаться, пока он делает свое дело, но в равной степени не желая отводить от него глаз ни на секунду.

Когда в туалете наконец спускается вода, я снова заглядываю внутрь. Я нахожу его стоящим у раковины и смотрящим в зеркало, висящее перед ней.

После паузы его глаза находят мои в отражении.

— Я выгляжу немного неряшливо, да? — бормочет он.

— Для меня ты выглядишь таким же горячим, как всегда. — Я подхожу ближе, связь между нами туго натягивается.

— Как бы я это ни ценил, у меня есть глаза, Ангел.

— Как ты и сказал, через несколько дней ты будешь как новенький.

— От некоторых из них останутся шрамы, — бормочет он, изучая свое тело.

— Каждая отметина на твоём теле рассказывает историю твоей силы, Деймон. Ни одной из них не стоит стыдиться, — говорю я ему, вкладывая в свой голос столько убежденности, сколько могу.

— Я не так уверен в этом, — говорит он, глядя вниз на свое тело. — Некоторые из них я сделал сам. Я никогда не буду чувствовать за них ничего, кроме стыда.

Мой шокированный вздох прорезает воздух.

— Деймон, я—

— Все в порядке, Ангел. Я сказал тебе это не из сочувствия. Это просто правда. Я знаю что затронул только поверхность своего прошлого, то, что произошло в сарае моего дедушки. Но мне нужно, чтобы ты знала, что это не потому, что я тебе не доверяю, или потому, что я не хочу, чтобы ты знала. Я хочу, чтобы ты знала все, понимала меня, как никто другой. Но мысль о том, чтобы запятнать тебя этим уродством— Он качает головой.

— Я справлюсь с этим, — решительно говорю я.

— Я знаю, что ты можешь. Я больше беспокоюсь за себя, — тихо признается он.

— Как только ты будешь готов, — говорю я ему, желая, чтобы он знал, что я счастлива действовать в его темпе. Ну, по крайней мере, в том, что касается его прошлого. Будущее — это совершенно другая история, потому что в ту секунду, когда мое собственное признание сорвется с моих губ, это будет похоже на перемотку вперед наших жизней.

Слова вертятся у меня на кончике языка, но я быстро проглатываю их обратно.

Сейчас не время.

Сначала ему нужно разобраться во всем этом. Исцелиться. Узнать правду о том, что произошло той ночью, и встретиться с дядей Дэмиеном, чтобы попытаться выяснить, что нам делать дальше.

Как бы я ни соглашалась с Деймоном по поводу присутствия Анта здесь после того, через что они оба, очевидно, прошли вместе, мы не можем вечно укрывать итальянца.

Внезапно он тянется к туалетному столику, и мое сердце подскакивает к горлу.

— Тебе нужно вернуться в постель.

— Д-да. Мне просто нужно почистить зубы. Это было... Ну, тебе действительно не следовало целовать меня, скажем так.

Он поворачивается обратно к раковине и тянется за зубной щеткой.

— Потребовалось бы нечто большее, чем неприятный запах изо рта, чтобы остановить меня после той недели, что у меня была, — признаюсь я.

— Мне жа—

— Не надо, Деймон. Не говори этого.

Он кивает и мудро оставляет эти извинения при себе. Ни в чем из этого нет его вины.

Он так долго чистит зубы и ополаскивает рот жидкостью для полоскания рта, что я начинаю беспокоиться, что у него подогнуты колени.

— Мне нужен душ, — говорит он, с тоской глядя на него.

— По одному делу за раз. Как только мы получим согласие от твоей мамы, я помогу тебе его принять.

Он поворачивается ко мне. — О? — Его бровь заинтересованно приподнимается.

— Прекрати это, дьявольский мальчик. Ты должен отдыхать, помнишь?

Его способность оправиться от этого, несмотря на боль, которую он, должно быть, испытывает, и истощение, из-за которого у него темные круги под глазами,

поразительна. Но тогда, я думаю, он привык действовать вхолостую, учитывая, что он потерял сон много лет назад.

— Все, что связано с прикосновением твоих рук ко мне, будет исцеляющим, поверь мне.

— Конечно. А теперь давай вернемся в постель.

— С этим не поспоришь, Красавица.

Обратный путь еще медленнее, но Деймон отказывается сдаваться.

Взбив подушки, он позволяет мне помочь ему вернуться в постель.

Раздается тихий стук в дверь, прежде чем Джанна просовывает голову, за которой быстро следуют две кружки.

— Кофе? — спрашивает она с улыбкой.

— Да, — нетерпеливо говорит Деймон, заставляя нас обоих улыбнуться, когда он тянется к нему, как ребенок к шоколадке.

Я ожидаю, что Джанна останется, но в ту же секунду, как она передала наши кружки, она снова выскальзывает из комнаты.

— Боже мой, это лучшее, что я когда-либо пробовал, — выдыхает Деймон после первого глотка.

Я улыбаюсь ему, все еще пытаюсь убедить себя, что он действительно здесь.

Боль от потери отца ни в малейшей степени не уменьшилась, но, глядя на Деймона, понимаешь, что я не потерял и его тоже... Черт возьми, облегчение не похоже ни на что, что я когда-либо испытывал раньше.

— Ты продолжаешь смотреть на меня так, словно я могу исчезнуть у тебя на глазах, — говорит он, когда его кружка пуста, а моя остается в моих руках нетронутой.

— Потому что я боюсь, что это может оказаться сном.

Протягивая руку, он обхватывает мое бедро, его кожа обжигает мою, посылая тепло по всему моему телу.

— Поговори со мной, Калли. Каждый раз, когда я смотрю на вас всех, я чувствую, что меня держат в неведении о чем-то. Что случилось? Что я пропустил?

Отрываю от него взгляд, я смотрю на его руку и качаю головой.

— Той ночью... черт, Деймон. Это был худший день в моей жизни.

— Я сказал им, что это плохая идея. Никто не хотел меня слушать, они все были такими

— Упрямыми? — спрашиваю я, снова поднимая на него взгляд.

— Да. Высокомерными. Самовлюбленными. Похоже, Дэмиен и твой отец думали, что они непобедимы. Они полностью недооценили итальянцев. С таким же успехом они могли бы просто помахать перед ними большим красным флагом и пригласить их на нашу вечеринку. Они завели нас прямо в середину кровавой бойни.

— Да.

— Сколько людей мы потеряли, ты знаешь?

— Думаю, около десяти. На самом деле у меня нет всех подробностей. Но—

— Черт. Какой гребаный беспорядок. Если бы они только—

— Николас, — шепчу я, нуждаясь хотя бы в том, чтобы высказать это, прежде чем я сломаюсь.

— Да, Ангел?

— М-мой папа. — Я судорожно сглатываю. — Он... он был одним из них.

Его брови сдвигаются. — Один из кого?

— Один из... — Я глубоко вздыхаю. — Один из десяти.

Его губы приоткрываются, чтобы снова задать мне вопрос, прежде чем реальность обрушивается на него.

— Нет.

Неверие застилает его лицо, когда его глаза призывают меня сказать ему, что я шучу.

Слезы наполняют мои глаза, когда я думаю обо всем, что произошло с тех пор, как Алекс, Тео, Себ и Тоби вернулись в дом без Нико и Деймона.

— Вчера у нас были его похороны.

— О, черт. Калли. Черт. Мне так жаль.

Несмотря на раны, покрывающие его тело, он тянется ко мне и притягивает в свои объятия, чтобы удержать меня, пока я снова рыдаю.

— Я думала, что потеряла вас обоих, — шепчу я. — Это было... это было...

— Я здесь, Красавица. Я прямо здесь, — говорит он в мои волосы и обнимает меня так крепко, как только может.

Я долго плачу у него на груди, мое облегчение и мое горе изливаются из меня, пока я снова не истощаю себя.

— Как дела у Нико? Твоя мама?

— Трахни мою маму, — ядовито выплевываю я, заставляя его глаза расшириться от шока. — Но, Нико... Мы все действительно беспокоимся о нем. Он ни с кем не разговаривает. Вчера он появился в последнюю минуту, чтобы внести гроб, а затем сбежал при первом удобном случае.

— Дерьмо.

— Да. Это беспорядок. Все только что было—

Глубокие, раскатистые голоса доносятся с другой стороны двери.

— Похоже, кавалерия прибыла.

Не прошло и двух секунд, как дверь распаивается, и когда я поднимаю взгляд, я вижу Тео, стоящего в дверном проеме с широко раскрытыми глазами и вздымающейся грудью, как будто он только что прибежал сюда.

Если он вообще осознает, что я в комнате, то он не подает никаких признаков этого, поскольку улыбка расплывается по его лицу, и он начинает смеяться как долбаный псих.

— Э-э... братан, ты в порядке? — спрашивает Деймон, звуча таким же ошеломленным, как и я.

— Черт возьми, я знал, что никто не сможет так легко тебя одолеть.

Покачивая головой, он входит в комнату и хлопает Деймона по плечу. Что-то подсказывает мне, что он хочет сделать больше, но, в отличие от Алекса ранее, Тео способен сдерживаться.

— Черт возьми, чувак, — выдыхает он, подтаскивая стул и падая на него, недоверчиво глядя на Деймона. — И я никогда не думал, что скажу это, но она тебе идет.

— Заткнись к черту, кузен, — стону я, закатывая на него глаза.

— Значит, можно с уверенностью сказать, что все о нас знают, Ангел?

— Да. Прости, я больше не могла держать это в секрете.

— Значит, из всего этого вышло что-то хорошее. Тео явно не против. На этот раз он просто сидит там с улыбкой, вместо того чтобы пытаться убить меня по-настоящему.

Я легонько хлопаю его по плечу.

— Не слишком рано для шуток? — спрашиваю я.

— Для шуток всегда будет не слишком рано.

— Из того, что я слышал, ты не полный мудака, когда она рядом, и ты можешь даже время от времени улыбаться. Как у меня могут быть проблемы с чем-то подобным? — Говорит Тео, его глаза озорно мерцают. — К тому же, само собой разумеется, что, если ты когда-нибудь повредишь хоть один волос на ее голове, я собственноручно закопаю тебя в землю. — Улыбка Тео полна злобы, несмотря на его шуточный тон.

— Тебе не нужно беспокоиться, чувак. Если я все испорчу, я избавлю тебя от работы и сам окажусь в этой дыре.

— Можем мы, пожалуйста, перестать говорить о его смерти? — Умоляю я. Реальность всего этого слишком свежа, чтобы слушать, как они шутят по этому поводу так скоро.

— Прости, — говорит Тео, вздрагивая, прежде чем еще одна тень затемняет дверной проем.

— Папа, — холодно приветствует Деймон, как будто он не только что восстал из мертвых.

— Рад видеть тебя целым и невредимым, Сынок, — говорит Стефанос, изучая Деймона издали.

Прежде чем Деймон успевает ответить, к нам присоединяется дядя Дэмиен.

Не в силах выносить уровень тестостерона, который внезапно наполняет комнату, я сжимаю руку Деймона и шепчу: «Я собираюсь навестить твою маму и проведать Анта». Я понятия не имею, здесь ли еще Джослин, но, черт возьми, мне бы не помешали ее объятия прямо сейчас.

Три пары глаз прожигают мою кожу, когда я наклоняюсь вперед и запечатлеваю поцелуй в уголке рта Деймона, но к черту их.

Кивнув дяде Дэмиену, я выскальзываю из комнаты и практически сталкиваюсь прямо с Алексом.

— Что, черт возьми, они сказали, что заставило тебя бежать так быстро? — спрашивает он, хватая меня за плечо.

— Н-ничего. Мне не нужно объяснять, что меня не приглашают на деловые встречи. — Я отхожу в сторону и жестом приглашаю его присоединиться к ним.

— Ты одна из нас, Калли. Если ты хочешь остаться там, тогда тебе нужно стоять на своем.

— Все в порядке. Я все равно хочу пойти и проведать Анта.

— Он все еще без сознания, — говорит Алекс, прежде чем наклонить голову и понизить голос. — Ты сказала ему?

Я качаю головой. — Нет, пока нет. Я думаю, ему нужно несколько дней, чтобы прийти в себя, прежде чем я сброшу следующую бомбу, не так ли? Я рассказала ему об отце.

— Калли, — предупреждает Алекс. — Ты должна сказать ему.

— Я знаю, — соглашаюсь я. — Я просто... — Я замолкаю, не желая озвучивать свои опасения.

— Он не собирается поворачиваться к тебе спиной. Он даже не будет сердиться. Возможно, шокирован, ошеломлен и сбит с толку. Но он будет рядом с тобой на протяжении всего этого, ты это знаешь, не так ли?

Я киваю, потому что, что еще я могу сделать?

— Хорошо.

Алекс делает шаг вперед, но прежде чем он успевает что-либо сделать, моя рука

протягивается и хватает его за предплечье. Его глаза находят мои, и я вздрагиваю от тьмы в них.

— Спасибо, — говорю я честно. — Я бы не справилась с прошлой неделей, если бы не ты. Мне нужно, чтобы ты знал, как сильно я все ценю. Я—

— Всегда, — говорит он с грустной улыбкой, прежде чем высвободить руку и проскользнуть в спальню Деймона.

Из комнаты для гостей доносится шум, и с тяжелым вздохом я направляюсь в том направлении.

Последнее, что я хочу сделать, это причинить боль Алексу. Он был буквально всем для меня на прошлой неделе. Я знаю, что у меня всегда будут мои девочки, которые будут держать меня вместе. Но он был просто... он каждый раз точно знал, что мне нужно, и стоял рядом со мной как верный, невероятный друг, которым он и является. И я не сомневаюсь, что это продолжалось бы, если бы Деймон чудесным образом не появился вновь.

Я качаю головой, когда захожу в комнату для гостей, все еще не в состоянии переварить все это должным образом. Так я понимаю, что еще не время признаваться во всем Деймону.

Не может быть, чтобы у него в голове не было такого же, если не большего, беспорядка, чем у меня сейчас.

Нам просто нужно все уладить, и тогда я найду способ сказать ему. И я просто должна убедить себя, что Алекс прав. Что он будет рядом со мной, когда это признание наконец сорвется с моих губ.

— Все в порядке, дорогая? — спрашивает Джанна, отрываясь от проверки кровяного давления Анта.

— Д-да. Я просто... — Я падаю на маленький диван под окном и смотрю на город за ним. — Все это. Это...

— Невероятно? — Джанна заканчивает за меня.

— Да. Я просто... Я надеялась, ты знаешь. Все продолжали говорить мне, что они в это не верят, что он удивит всех нас и появится, как призрак в ночи. Я отказалась соглашаться с этим. Отказалась верить, что чудо может произойти, и все же—

— Так и произошло. Ты знаешь, как он сюда вернулся?

— Кроме машины, о которой ты упоминала ранее? Нет. — Я качаю головой.

— У нас будет много времени для разговоров. Самое главное, что он вернулся туда, где ему место, и что он не слишком сильно пострадал.

Я прикусываю нижнюю губу, поскольку мое беспокойство за парня в соседней комнате растет.

— В чем дело, милая?

— Я беспокоюсь о нем. Я знаю, что ему повезло, что его раны со временем заживут. Но как насчет тех, которые мы не можем видеть? Он уже так сильно борется, что я—

— Он пройдет через это, Калли. На этот раз ты с ним. Я верю в вас обоих.

Ее слова должны успокоить меня, но с тех пор, как он признался в нанесении некоторых из этих шрамов ранее, мой желудок скрутило тугим узлом.

Что, если он не сможет с этим справиться? Что, если он сделает это снова?

— Шаг за шагом, да? Никто не собирается торопить его исцеление от этого. — Я смотрю на нее, приподнимая одну бровь. — Я им не позволю, — добавляет она, как будто может прочитать мои мысли.

— А как насчет его экзаменов? Дядя Дэмиен и Стефанос сказали ему, что—

— Он может пересдать их позже в этом году. Черт возьми, они могут даже дать ему бесплатный пропуск после этого, кто знает. Постарайся не беспокоиться о завтрашнем дне. Сосредоточьтесь на настоящем моменте и будьте рядом друг с другом.

— Почему моя мама не такая, как ты? — Я вздыхаю, отчасти сожалея, что сказала это вслух, а отчасти испытывая облегчение от того, что сказала. Поворачиваясь, я выглядываю за дверь и в сторону гостиной в надежде увидеть Джослин.

— Джослин пришлось уйти, — печально говорит Джанна. — Но она вернется. — Она делает паузу, вспоминает, что я задала ей вопрос, прежде чем вздохнуть. — У твоей матери есть свои положительные стороны.

— Если под этим ты подразумеваешь быть заносчивой сукой высшего класса, тогда да, думаю, я могла бы кое-чему научиться.

— Что ж... теперь, когда ты так выразилась, — Джанна смеется. Я рада, что она не пытается спорить со мной. — Но я больше думала о ее навыках дизайна интерьера. На ваш дом и ее спа-салоны очень приятно смотреть.

— Да, я думаю, мы можем дать ей это. Должно быть что-то большее, мой отец не — не был, — поправляю я с болью, — глупым человеком, но он влюбился в нее.

Джанна пожимает плечами, подходит и садится на подлокотник дивана. — Я думаю, любовь может быть слепой. Или она действительно хороша в постели.

— Джанна, — выдыхаю я, потрясенная тем, что она пошла туда.

— Что? Скажи мне, что ты об этом не думала.

— Я действительно пыталась этого не делать, — бормочу я.

— Тебе следует поговорить с ней, как только все это уляжется. Посмотрим, сможете ли вы найти какую-то общую почву для восстановления ваших отношений.

— Наверное, да. Хотя я не уверена, что там действительно есть что восстанавливать. Там никогда особо ничего не было. С тех пор, как я начала огрызаться и перестала делать все, что она говорит, у нас ничего нет.

Джанна грустно улыбается мне. — Что бы ни случилось, я всегда на том конце провода, милая. Даже если тебе хочется поныть о моих мальчиках.

— Я ценю это. Им повезло, что у них есть ты, понимаешь?

— Я счастливица. Они хорошие мальчики. И видеть, как лицо Деймона загорается, когда он смотрит на тебя... Это наполняет мое сердце радостью. О, — говорит она, вскакивая и вытаскивая телефон из кармана. — Похоже, наша еда здесь.

— Что ты заказала?

— Понятия не имею, это сделал Алекс.

— О Боже, это может быть что угодно.

— Или все, зная его.

Она откидывает голову назад и смеется. — Думаю, я скоро узнаю. Я ненадолго. — Она останавливается у двери. — С Антонио все будет в порядке, Калли.

— Спасибо тебе за все это. — Я не сомневаюсь, что она, вероятно, должна была выполнять свою настоящую работу прямо сейчас, но вместо этого она здесь, заботится о них двоих.

— Мои мальчики и ты, всегда на первом месте.

Она исчезает прежде, чем я успеваю ответить, и вскоре после этого звук открывающейся и закрывающейся входной двери достигает моих ушей.

Мой взгляд падает на Анта, лежащего в кровати. Как и у Деймона, у него канюля в

тыльной стороне ладони. Его лицо все такое же опухшее, в синяках и совершенно ужасающее, как и прошлой ночью. Как бы мне ни хотелось, чтобы он проснулся, чтобы я могла увидеть своими собственными глазами, что с ним все в порядке, я думаю, что, вероятно, лучше, если он сейчас спит, потому что я даже представить не могу, как ему, должно быть, больно.

Поднимаясь с дивана, я подхожу и сажусь на край кровати рядом с ним, вкладывая свою руку в его в надежде, что он может чувствовать меня здесь и знать, что он не один.

— Я хочу накричать на тебя за это, за то, что ты подвергал себя такой опасности, но я не могу, потому что ты вернул его мне. Ты никогда не узнаешь, как много это значит для меня, — шепчу я.

Тихий стон вырывается из его горла, и мое сердце подпрыгивает.

— Ант, ты меня слышишь?

Еще один тихий стон.

— О Боже мой, Ант. Все кончено, хорошо? Ты в безопасности.

Его губы приоткрываются, а глаза трепещут, но как бы сильно я ни хотела, чтобы он открыл их и посмотрел на меня, он никогда этого не делает.

— Это Калли, — говорю я как идиотка на случай, если он настолько не в себе, что не знает, кто с ним разговаривает. — Ты в квартире Деймона. Его мама — медсестра. Она заботится о тебе. Мы собираемся это исправить, хорошо? Все будет хорошо.

Его рука сжимает мою, но это единственный знак, который я получаю, что он все еще со мной.

Я сижу с ним, надеюсь, что моя поддержка придаст ему сил, пока не открывается и не закрывается входная дверь и Джанна не зовет: «Калли, немного помощи не помешает».

— Мы всегда рядом, если мы тебе понадобится, хорошо? — Наклоняясь вперед, я целую Анта в лоб, осторожно, чтобы не причинить ему еще больше боли, прежде чем закрыть дверь и направиться на кухню.

— О Боже мой, — ахаю я, когда смотрю на пакеты, которыми завалены почти все прилавки кухни Деймона. — Он действительно заказал все.

— Хорошая работа, я многого добилась от нашего развода, а? — Джанна язвит, заставляя меня улыбнуться. — Хочешь помочь мне разобраться во всем этом? Надеюсь, запах еды привлечет их всех.

— Что, если они в середине—

— Тогда им придется сделать перерыв, — говорит она с мстительной, но дерзкой улыбкой.

— Ты мне нравишься, Джанна. Я думаю, мы хорошо поладим.

Она посмеивается над моей похвалой. — Что ж, это приятно слышать, учитывая, что однажды ты станешь моей невесткой.

— Э-э... ты знаешь что-то, чего не знаю я? — спрашиваю я.

— Вовсе нет, милая. Я просто знаю своего мальчика, и теперь, когда он получил то, что хотел, я не сомневаюсь, что он сделает что-нибудь безумное, например, наденет кольцо тебе на палец.

— Эмм... — Я колеблюсь, не зная, что на это сказать.

— Давай просто надеяться, что он подождет несколько лет, прежде чем зачать тебе ребенка, эй? Ты бы хотела сначала получить степень, верно?

Мой желудок переворачивается, и я застываю посреди кухни.

— Я... эм... Мама, конечно, хочет, чтобы я, — бормочу я, сосредотачиваясь на наименее вызывающей сердечный приступ части ее заявления.

— Ты не хочешь в университет, милая? — спрашивает она с искренним беспокойством на лице.

— Честно говоря, я не знаю. Я попала в сети моей матери и глупо согласилась с ее планом в отношении меня.

— Но это не твой план?

— У меня нет плана. Я заблудилась. Это, как плавать в море, в лодке без весла.

— Университет не для всех. Нет ничего плохого в том, чтобы не ходить или не планировать сделать это позже. Я думаю, что мы все многому научились за последние несколько дней, и самое важное — это то, что нам нужно максимально использовать настоящее время. Мы никогда не знаем, что ждет за углом.

— Ты права.

— Забудь о том, чего хочет для тебя твоя мать, Калли. Сосредоточься на себе. На том, чего ты хочешь, и на будущем, которое ты хочешь создать для себя и моего мальчика.

— Вау, — выдыхаю я, подходя к стойке и открывая знакомый пакет. Внутри я нахожу все мои любимые китайские блюда, которые Алекс заказал для меня. Мое сердце сжимается от его заботливости. — Значит, ты не стала бы думать обо мне хуже, если бы я не получила диплом?

— Ты умная, забавная, заботливая и красивая молодая женщина, Калли. Делай то, что радует твое сердце, и забудь о мнениях всех остальных.

С эмоциями, комом в горле, я работаю молча, выплескивая все, что думаю о своей жизни.

В любом случае, об университете, вероятно, не могло быть и речи. Я вряд ли смогу появиться в сентябре с огромным животом, а затем взять декретный отпуск.

Если с этой беременностью все пойдет хорошо, то будущее, которое, как думали мои родители, они так хорошо спланировали для меня, будет полностью сорвано. И на самом деле, меня это устраивает. Более того, я думаю, что папа был бы таким же.

15

ДЕЙМОН

— Рикардо — ходячий мертвец, — рычит Дэмиен. — Каждая из этих итальянских сук — за то, что они даже думали о том, чтобы сделать это.

Я смотрю на босса с сердцем, готовым выскочить из груди. Я никогда не видел его менее собранным и постоянно контролирующим себя, но, потеряв своего брата, жизненно важных членов этой семьи, а затем выслушав мое несколько краткое объяснение того, что со мной произошло, он выглядит разбитым. Совершенно, блядь, разбитый. Его лицо багровое от гнева и разочарования, глаза темные, тени под ними тяжелые и кровотокающие.

— Не все, — говорю я в спешке, зарабатывая на себе растерянные и в равной степени испуганные взгляды как Дэмиена, так и моего отца.

— Братан, — предупреждает Алекс, зная, к чему я клоню.

— Нет, они должны знать, и их нужно защитить.

— Что происходит? — спрашивает Дэмиен.

— Антонио Санторо в моей гостевой комнате.

— Что? — Рывкает папа, отталкиваясь от стены и протягивая руку к двери, как будто

собирается пойти и справиться с этой ситуацией в одиночку.

— Я был бы мертв, если бы не он. Или, что еще хуже, все еще в той камере. Он хороший парень, папа. Я, блядь, клянусь тебе в этом.

Ему это не нравится, это очевидно, но он делает паузу.

— Что происходит, сынок? — спрашивает Дэмиен, более желающий, чем мой отец, услышать мою точку зрения на это.

— Ант — причина, по которой я знал, что Калли в опасности. Он также был тем, кто вытащил меня из того здания, прежде чем оно рухнуло мне на голову, и он также организовал наше вчерашнее освобождение. Он и его друг.

— Почему? — Папа подозрительно лает.

— Он и Калли, они—

— Они друзья. Они встретились до того, как все это началось, — добавляет Алекс. — Он был добр к ней, оберегал ее. Помог Деймону. Ему тоже приходится очень нелегко.

— Он мог бы оставить меня там умирать и самому никогда не страдать от последствий, но он пообещал ей, что сделает все, чтобы убедиться, что мы все в безопасности. Если бы у него был шанс, я не сомневаюсь, что он бы тоже вернулся за Эваном. Но его — нас — поймали.

— Кто этот друг? — рычит Папа.

— Энзо Мариано.

— Иисус, блядь, Христос, — стонет он, проводя рукой по лицу. — И где он? Принимает гребаную ванну?

— Нет, он все еще там. Насколько я знаю, они понятия не имеют, что он помог нам сбежать. Мы с Антом толком не разговаривали, но— хлопок входной двери заставляет меня остановиться, когда меня охватывает страх при мысли о том, что Калли отправится туда, мысль о том, что один из них ждет, чтобы отомстить за то, что мы сбежали.

— Все в порядке, чувак. Просто мама принесла еду, которую я заказал. Она никуда не денется, — говорит Алекс, читая мои мысли.

— Он может говорить? — спрашивает Дэмиен, в его голосе звучит немного больше сочувствия и понимания, чем у моего отца. Я хочу думать, что это из-за моего состояния, из-за того, как итальянцы относились ко мне, но, честно говоря, я не совсем уверен, что это так.

— Нет, — отвечает за меня Алекс. — Он в худшем состоянии, чем Деймон. Мама дала ему действительно сильные обезболивающие. Вероятно, он еще какое-то время будет в отключке.

— Когда он проснется и сможет говорить, я хочу, чтобы ты позвонил мне, — требует Дэмиен.

— Конечно, Босс.

— В то же время, нам нужно выяснить, как они получают нашу информацию, прежде чем мы даже узнаем об этом сами, черт возьми. Вы оба, — говорит он, указывая на Тео и папу, — я хочу заново проверить биографию каждого члена этой семьи. Если есть что-то сомнительное, даже самая маленькая гребаная вещь, которая немного пахнет тухлятиной, я хочу, чтобы их втянули и разобрались. Кто-то скармливает им наши секреты, и им нужно уйти.

— У меня не будет повторения прошлых выходных, и я больше не буду терять солдат. Этот город наш, и пришло время показать Рикардо гребаному Мариано, что нас не победить.

— Мы не можем начать войну, папа. Сейчас не время—

— Разве я что-нибудь говорил о войне, Тео? Мы собираемся уничтожить любую поступающую к ним информацию, а затем сосредоточиться на получении нашей собственной. Надеюсь, Ант и Энзо станут теми кусочками головоломки, которые нам нужны, и мы сможем спокойно разобраться с ними. Есть ли у их заместителя то, что для этого нужно, или он тоже коррумпированный кусок дерьма?

— Кажется, ты довольно лоялен ко мне, Босс, — ворчит папа.

— Что ж, посмотрим, что скажут наши новые друзья, и они помогут нам составить план. Нам нужны итальянцы, они хороши для бизнеса. Нам просто не нужна эта пизда у руля.

— Аминь, — бормочу я.

Нас окутывает тишина, когда запах еды ударяет мне в нос. У меня в животе урчит так громко, что все — даже папа — расплываются в улыбке.

— Мы должны оставить тебя восстанавливаться. Я так чертовски рад, что ты все еще с нами, сынок, — говорит Дэмиен, протягивая руку, чтобы сжать мое плечо.

— Спасибо, Босс. Мне жаль Эвана. — Он кивает, принимая мои соболезнования. — Стефанос, я хочу, чтобы Нико тесно сотрудничал с тобой в этом. Тео, ты тоже.

— Но Нико— Тео начинает спорить.

— Нико нужно сосредоточиться, на что-то направить свой гнев. Рикардо кажется идеальной мишенью.

— Он не согласится убрать его тихо, — предупреждает Тео.

— Он сделает это, если захочет попробовать стать моим младшим боссом однажды в будущем.

— Ты хочешь, чтобы Нико был— Дэмиен обрывает отца одним взглядом.

— Нашим парням пора проявить себя, не так ли? Прошедшая неделя доказала всем нам, что мы не знаем, сколько у нас времени. Нам нужно смотреть в будущее. Эти парни — наше наследие, и мы должны убедиться, что они готовы справиться со всем, что преподнесет им эта жизнь.

— Но Нико девятнадцать, ты же не можешь всерьез думать о том, чтобы сделать его своим заместителем? Я знаю, что ему сейчас больно, нам всем больно, но—

— Продолжай задавать мне вопросы, Стефанос, я не отвечаю за себя. — Предупреждение холодное, температура в комнате понижается на несколько градусов.

К счастью, тихий стук в дверь рассеивает только что охватившее нас напряжение, прежде чем она открывается, и голова Калли появляется из-за угла.

— Я-я сожалею, но еда здесь, и Деймону нужно—

— Все в порядке, Ангел. Здесь нет ничего такого, о чем бы ты не слышала.

Лицо отца искажается гневом, но Дэмиен никак не реагирует, кроме как снова вскакивает на ноги. Он кивает мне и улыбается, что говорит все, что он не сказал словами, прежде чем подойти к Калли и притянуть ее в объятия.

— Ты присмотришь за нашим мальчиком, да?

— Конечно. Он у нас будет как новенький в кратчайшие сроки, — обещает Калли.

— И ни о чем не беспокойся, что касается Нико. У нас все под контролем.

Она кивает ему, когда он выскальзывает из комнаты.

— Мы скоро увидимся, сынок, — говорит папа, его слова отрывисты, прежде чем он тащится за Дэмиеном, как потерявшийся щенок.

— Что ж, это было весело, — объявляет Тео, хлопая руками по бедрам и пытаясь встать.

— Ты хочешь остаться? — Предлагаю я. — Что-то подсказывает мне, что если мама оставила заказы Алексу, то их будет предостаточно.

— Спасибо, но мне нужно возвращаться. У меня в квартире полно девушек, которые захотят узнать, что с вами обоими все в порядке, — говорит он, переводя взгляд с Калли на меня.

— Скажи им, что я сожалею, что не позвонила, это просто —

— Все в порядке, малышка Си. Никто ничего от тебя сейчас не ожидает, — уверяет ее Тео. — Просто присмотри за ним, ладно? Ему понадобится много внимания.

— Надеюсь, ты понимаешь, на что намекаешь, чувак, — язвительно замечает Алекс.

Обнимая Калли за плечи, Тео поворачивается, чтобы посмотреть на меня.

— Странно, но ты нормально относишься к этому. Стоит ли мне беспокоиться? — спрашиваю я несколько нервно.

— Я не могу сказать, что это было чем-то, что я предвидел, и, если бы я узнал об этом несколько месяцев назад, мое мнение, вероятно, было бы совсем, совсем другим. Но прямо сейчас я просто рад, что ты вернулся к нам, чувак. И если ты будешь хорошо с ней обращаться и сделаешь ее счастливой, то, о чем еще я могу просить? — Он поворачивается к Калли и целует ее в макушку. — Позвони мне, если тебе что-нибудь понадобится, хорошо? Мы будем прямо наверху.

— Спасибо тебе, — выдыхает она, притягивая его для объятий.

— Я собираюсь пойти и проведать Нико, — говорит он, когда она наконец отпускает его.

— Ты собираешься рассказать ему об этом? — спрашиваю я с любопытством.

— Я... эм... Я не знаю. Я согласен с папой, ему нужно на чем-то сосредоточиться. Но я также в ужасе от того, что он схватит пистолет и отправится на самоубийственную миссию, если мы дадим ему еще одну причину желать смерти Рикардо.

Калли вздрагивает от его слов. — Нет, Тео. Ты не можешь —

— Я не собираюсь подвергать его риску, Калли. Не волнуйся. Мы поможем ему пройти через это, все мы.

— Что, если он продолжит отталкивать всех? — спрашивает она, и между ее бровями образуется глубокая складка.

— Тогда мы будем давить сильнее. Мы не позволим ему утонуть, ни за что на свете.

Она грустно улыбается ему, и это заставляет мое сердце сжиматься.

— С этого момента все будет лучше, я тебе обещаю.

Он ушел, прежде чем кто-либо из нас успел отреагировать.

— Я просто собираюсь — говорит Алекс, направляясь к двери и проскальзывая мимо Калли. Хотя я не пропускаю то, как его пальцы сжимают ее руку в знак поддержки, когда он проходит мимо.

Я всегда яростно любил своего брата, но, видя, его с ней, зная, что он отдал бы все, чтобы позаботиться о ней, если бы я никогда не вернулся, что-то внутри меня успокаивается. Мне просто нужно поработать с ревностью, которая также переполняет меня каждый раз, когда я смотрю, как он прикасается к ней, и у нас все должно быть хорошо.

— Готов перекусить? — спрашивает Калли, подходя ближе.

— Черт возьми, да. Печенье, которое мама разрешила мне съесть раньше, едва касалось стенок.

— Должны ли мы сделать это здесь или—

— Нет, я выхожу.

Я заставляю себя оторвать взгляд от кровати и соскальзываю на край.

Она бросается ко мне, доказывая, что все усилия, которые я приложил, не убедили ее, что со мной все в порядке, что двигаться дальше, чем на дюйм, чертовски больно.

— Деймон, тебе не нужно—

— Да, Калли. Мне нужно... Мне нужно быть нормальным. Мне нужно убедить себя, что это реально. Что я не собираюсь просыпаться и обнаруживать, что я снова заперт в этой камере с тобой, как с пустым воспоминанием.

Она смотрит на меня, печаль наполняет ее глаза, когда она тянется к моей руке.

— Это реально, Николас. Ты в безопасности. Я рядом и никуда не собираюсь уходить.

— Спасибо, — произношу я одними губами, тепло разливается по моей руке от ее простого прикосновения. — Я люблю тебя, — выдыхаю я, заставляя ее глаза закрыться от эмоций.

Слезы наворачиваются на ее глаза, а нижняя губа дрожит.

— Черт, я не хотел—

— Это слезы счастья, все в порядке. Я просто не могу поверить, что вернула тебя. Я думала, что для нас это конец. Что нам было суждено стать этим грязным секретом, о котором мир так и не узнал.

У меня громко урчит в животе.

— Больше никаких секретов и лжи, Калли. Это, мы, — говорю я, поднимая наши соединенные руки, — навсегда. Я хочу, чтобы все знали, что ты моя.

— А ты мой.

Наклоняясь вперед, она касается своими губами моих в простом поцелуе. Это и близко не то, чего я жажду от нее после столь долгого отсутствия. Но пока она здесь, рядом со мной, этого должно хватить, пока я не исцелюсь и не смогу показать ей, как сильно я ее действительно люблю.

— Что тебе нужно? — спрашивает она, с сожалением отстраняясь.

Я смотрю на себя сверху вниз. Я все еще отвратителен, и нельзя отрицать, что вонь в комнате исходит от меня, но пока мама не разрешит мне принять душ, думаю, я застряну с этим.

— Просто захвати мне толстовку на молнии, — говорю я, отчаянно нуждаясь скрыть беспорядок, которым являются мои грудь и живот.

— Я люблю твое тело, Деймон. Никогда не думай, что тебе нужно скрывать это от меня.

— Я не так, Ангел. Я скрываю это от самого себя.

Ее губы приоткрываются, чтобы ответить, но, похоже, у нее нет слов. Поэтому с грустной улыбкой она поворачивается к моему комоду и колеблется.

Мне приходит в голову, что единственное время, которое мы провели здесь вместе, были выходные, когда я украл ее у Анта. Но поскольку они были здесь, когда я, споткнувшись, вошел внутрь, и на ней была моя одежда, это заставляет меня задуматься, провела ли она здесь все то время, пока меня не было.

Мысль о том, что ей нужно было быть окруженной моими вещами, вызывает у меня комок в горле, но как бы ни был болезнен смысл, стоящий за этой мыслью, она также наполняет меня всем, что мне нужно.

Она скучала по мне. Действительно чертовски скучала по мне, и это знание разрушает

меня настолько, насколько помогает исправить что-то внутри меня, что было сломано так чертовски долго.

— В шкафу, Ангел.

Она кивает, прежде чем подойти. Я ожидаю, что она вытащит одну, но она удивляет меня, хватая две.

Она расстегивает одну из них и бросает на кровать, прежде чем повесить другую на дверцу шкафа и опустить руки к низу моей толстовки, которая на ней надета.

У меня перехватывает дыхание, когда она снимает ее со своего тела, обнажая передо мной свою совершенно безупречную кожу.

— Что, черт возьми, ты пытаешься со мной сделать? — вздыхаю я, мои глаза останавливаются на крошечных кружевных трусиках, которые на ней надеты, прежде чем она стягивает их и бюстгальтер, обнажая свои голые сиськи. — О, черт, Ангел. Черт, — ворчу я, протягивая руку и сжимая свой член. — Почти уверен, что потерял слишком много крови, чтобы отправлять все, что у меня есть, сюда.

— Упс, — невинно говорит она, прежде чем снять чистую толстовку с вешалкой и натянуть ее через голову, прикрывая свое соблазнительное тело. — Приятно знать, что все по-прежнему работает. — Она нахально подмигивает.

— Ты — проблема, Красавица.

Она подходит ближе, наполняя воздух вокруг меня своим аппетитным ароматом, прежде чем поднять толстовку и помочь мне надеть ее. Или, по крайней мере, она делает это, пока не вспоминает о канюле на тыльной стороне моей ладони.

— О, мне нужно позвать твою маму, — шепчет она.

— К черту это, я справлюсь, — ворчу я, прежде чем у нее появляется шанс отойти или позвать ее.

— Деймон, — ахает она в ужасе, когда я сдираю пластырь и вытаскиваю маленькую трубку из тыльной стороны ладони. — Ты не можешь просто—

— Почти ничего не почувствовал, Ангел. Все хорошо.

— Тебе нужно прекратить это делать, — предупреждает она, ее голос полон боли. — Тебе нужно перестать причинять себе боль.

Ко мне возвращается воспоминание о том, что я сказал ей ранее в ванной. — Я не делал этого годами, Красавица. Я нашел другие выходы для своей боли.

— Хорошо, но это не значит, что ты можешь заниматься подобными вещами. — Она показывает на тыльную сторону моей ладони, когда маленькая струйка крови стекает по моей коже. — Я хочу, чтобы ты поправился. Мне *нужно*, чтобы ты поправился.

— Я буду, — говорю я, когда она тянется за ватным тампоном, чтобы вытереть кровь, чтобы я мог засунуть руку в рукав. — Через несколько дней я вернусь к полноценной работе, и у меня есть несколько очень хороших идей относительно того, что я хочу сделать в первую очередь.

— О да? — застенчиво спрашивает она.

— Да, я собираюсь уложить тебя голой на свою кровать и—

— Извините, что прерываю, но еда остывает, — говорит Алекс, внезапно появляясь в дверном проеме, в его тоне слышится веселье. Его взгляд опускается на мои спортивные штаны, и понимающая ухмылка играет на его губах.

— Что? Моя девушка горячая штучка, и она показала мне свои сиськи.

— Серьезно? — Калли шипит.

— Черт, мне действительно жаль, что я пропустил это маленькое шоу.

— Ты упустил свой шанс, Брат. Теперь она снова вся моя.

— Она всегда была твоей, чувак. Хотя ты прав, у нее хорошие сиськи. — Алекс подмигивает, прежде чем мудро ретироваться из комнаты, прежде чем я найду, чем в него швырнуть.

— Из-за вас двоих я рано поседею, — бормочет Калли, снова сокращая расстояние между нами и помогая мне подняться на ноги.

Я почти уверен, что сейчас мог бы легко справиться без ее помощи, но это не мешает мне принять ее поддержку. Ее рука, обнимающая меня, и ее тепло рядом со мной — это больше, чем я мог бы просить.

Мамины брови хмурятся, когда мы появляемся вместе. — Деймон, мы могли бы принести это—

— Все в порядке, мам. Мне это нужно. Мне нужно быть нормальным и окруженным семьей.

Она смотрит на меня с беспокойством, прежде чем ее глаза опускаются на мою руку без канюли, и они закатываются. Она не отчитывает меня за это. Она знает меня лучше, чем тратить свое дыхание.

— Как Ант? — Спрашиваю я, как только сажусь.

— Все еще спит. Это займет какое-то время. — Передо мной появляются пустая тарелка и стакан воды. — Ешь медленно, хорошо? Если ты неделю толком не ел, это может шокировать твой желудок. Придерживайся простых блюд или...

— Я понял, мам, — говорю я, беря ее за руку.

Она замирает, глядя на меня со слезами на глазах.

До сих пор она была в режиме медсестры, но теперь я встал на ноги и вижу, как все больше просвечивает моя мама.

— Я так горжусь тобой, Николас. И я так рада, что ты нашел свой путь обратно к нам. — Ее глаза наполняются слезами, когда она крепче сжимает мою руку.

— Спасибо, — говорю я, чертовски надеясь, что она знает, насколько искренне я это говорю. — Теперь ешь, ты, должно быть, тоже умираешь с голоду.

— Если ты не поторопишься, Джанна, Алекс съест все это.

— Эй, — бормочет Алекс с набитым ртом. — Ты говоришь так, будто я свинья.

— Показательный пример, — со смехом говорит Калли.

Я сижу и наблюдаю за ними троими, за Алексом, который набивает лицо, и за мамой и Калли, которые накладывают в тарелки свои любимые блюда. Меня переполняют удовлетворенность и счастье. Я провел больше недели, желая и молясь, чтобы меня снова окружила моя семья. И каким-то чудом я это получил.

— Чего бы ты хотел съесть, Деймон? — Спрашивает Калли, замечая, что я не сдвинулась ни на дюйм.

Мои губы приоткрываются, но у меня не появляется шанса что-либо сказать, потому что Алекс опережает меня. — Не говори этого, братан. Мама сидит прямо там.

— Я собирался сказать, просто немного риса и лапши. — Я закатываю глаза. Хотя острые блюда, стоящие на столе, могут взывать ко мне, я знаю, что мама права. Мой желудок взбунтуется, если я выплесну в него слишком много, слишком быстро.

Калли встает и наполняет мою тарелку, прежде чем я успеваю сделать это сам. Часть меня хочет остановить ее, заставить ее съесть свое, но другая часть просто чертовски занята

тем, что наслаждается ее присутствием.

Стон, который я издаю, когда рис с яйцом попадает мне на язык, непристойен, на что услужливо указывает Алекс, отчего щеки Калли загораются ярким румянцем, а мама бросает ему в голову спринг-ролл.

Наблюдать за ними — это все. Абсолютно все.

16

КАЛЛИ

То, что Деймон сидел за столом и ел с нами, даже если он только ковырялся в еде, несмотря на тот факт, что он был явно голоден, было тем, из чего сделаны мечты.

Я ела одной рукой, предпочитая, чтобы одна из них все время прикасалась к нему. Мне это было нужно. Это напоминание о том, что все это по-настоящему. Что он действительно сидел рядом со мной.

Но как бы это ни было удивительно, и как бы ни настаивал Деймон на том, что с ним все в порядке, всего через несколько минут стало очевидно, что разговор с дядей Дэмиеном и его отцом, а также короткая прогулка сюда выбили из него дух, и вскоре мы с Алексом помогли ему вернуться в постель. Он почти сразу же потерял сознание, как только его голова коснулась подушки.

— Странно видеть его спящим. Когда я был ребенком, я действительно думал, что он отродье сатаны или что-то в этом роде. Он просто все время бодрствовал, как какое-то неземное существо.

— Он всегда был таким? — Спрашиваю я, не отрывая глаз от покрытого синяками лица Деймона.

— Нет. В детстве он был таким же, как я. Но потом наш дедушка привык... — Алекс замолкает, явно не желая вдаваться в подробности.

— Запереть вас в его сарае? — Спрашиваю я, желая, чтобы он знал, что я уже в курсе отвратительных вещей, которые монстр делал с ними.

— Да. Это изменило его. Я имею в виду, на меня это тоже оказало довольно плохое влияние, но ничего подобного, что это сделало с Деймоном.

— Если бы он уже не был мертв, я бы пошла и убила его сама за то, что он причинил боль вам обоим, — обещаю я.

— У Деймона должен был быть шанс. Он нуждался в нем после многих лет издевательств и пыток.

— Ему... ему было хуже, чем тебе, как ты думаешь?

— Я не думаю, Калли. Я знаю. Я сделал все, что мог, чтобы предотвратить это. Если бы Деймон просто присоединился к футбольной команде, больше тусовался с нами, тогда ему не нужно было бы там быть.

— Твоя мама знает? — Спрашиваю я, уже догадываясь об ответе.

— Нет. Хотя папа знал. Никогда ничего не делал, чтобы остановить эту пизду. Не говори ей, Калли. Это разобьет ей сердце.

— Не говори ей что? — Спрашивает Джанна позади нас.

— Черт, — шипит Алекс.

— Нам нужно поболтать, сынок?

— У тебя с ним все в порядке? — Алекс спрашивает меня.

— Конечно.

— Когда он проснется, если будет в состоянии, позволь ему принять душ, в котором он так отчаянно нуждается, — сказала мне Джанна. — Оберни его повязки этим. Она протягивает несколько водонепроницаемых прокладок. — Затем крикни мне, и я приду и все заменю.

Они оба исчезают в коридоре, Алекс оставляет меня с выражением боли, запечатленным на его лице. У меня внутри все сжимается от осознания того, что ему придется рассказать ей часть правды, но я сомневаюсь, что он расскажет ей все ужасные истории об их прошлом. Черт возьми, я почти уверена, что у меня их нет. Деймон лишь прикоснулся к поверхности того, что он пережил в детстве, и что-то подсказывает мне, что я, возможно, никогда не услышу худшего. Но как бы мне это ни было больно, я не буду подталкивать его к этому. Ему нужно разобраться со всем этим в свое время, и я буду рядом с ним, пока он это делает.

После посещения туалета я подползаю к нему, нежно обнимаю его и прижимаю так крепко, как только осмеливаюсь. Последнее, чего я хочу, это причинить ему боль, но, кроме того, он мне нужен. Он нужен мне так сильно, что это причиняет боль.

Когда я прихожу в себя, я сразу понимаю, что он пропал.

Холодная пустота захлестывает меня на мгновение, прежде чем начинается паника.

Черт возьми, все это был сон.

Я в спешке сажусь, мое сердце колотится в неровном ритме.

Я оказываюсь на краю кровати, прежде чем даже осознаю, что пошевелилась, мои глаза сканируют комнату, но на самом деле они ничего не видят в моей истерике.

Я уже в дверях, когда замечаю толстовку на молнии, которую я помогла ему надеть вчера, а затем оглядываюсь через плечо, обнаруживая пустой пакет из-под физраствора, к которому его подключила Джанна.

Я вздыхаю с облегчением, прежде чем выскочить за дверь. Гостиная пуста, единственное, что неуместно, это написанная от руки записка на обеденном столе, сообщающая нам, что Алекс и Джанна отправились в квартиру Алекса, чтобы немного поспать.

Когда я смотрю на часы, я обнаруживаю, что уже семь утра.

— Господи, как долго мы спали? — Бормочу я себе под нос, прежде чем отправиться по коридору на поиски моего мальчика.

Я останавливаюсь в дверях гостевой комнаты, упиваясь открывшимся передо мной зрелищем.

Ант все еще без сознания на кровати, хотя я не могу отрицать, что за синяками, портящими его лицо, его кожа, кажется, приобрела немного больше цвета. Отводя от него взгляд, я нахожу Деймона лежащим на диване, его глаза закрыты, щека подперта руками, одеяло небрежно наброшено на его тело.

Видеть их двоих вместе — это самый большой пиздец, но в этом есть что-то такое правильное. После всего, что Ант сделал, чтобы защитить меня, он заслуживает того, чтобы мы сделали то же самое в ответ.

Пройдя дальше в комнату, я направляюсь туда, где отдыхает Деймон.

Присаживаясь перед ним на корточки, я протягиваю руку и пытаюсь откинуть прядь волос с его лба. Они мгновенно возвращаются на место, и я вздыхаю, признавая, что это плохая работа.

— Ты знаешь, я не сплю, — тихо говорит он. — Ждал, когда ты придешь и найдешь

меня.

— Это правда? — Шепчу я, падая на задницу, когда его глаза распахиваются.

— Прости, я собирался вернуться, но—

— Шшш, все в порядке, — успокаиваю я, протягивая руку, чтобы обхватить его щеку. —

Тебе не за что извиняться.

Он наклоняется к моей руке, желая моего прикосновения так же сильно, как и я его.

— Он проснулся, — шепчет Деймон. — Звал на помощь.

— Ты должен был разбудить меня.

— Все в порядке, Ангел. Он хотел отлить. Возможно, к лучшему, что я помог с этим, да?

— Мы оба обязаны ему нашими жизнями, Николас. Я не думаю, что кто-то из нас смог бы отказать ему в чем-либо после этого.

— Я возьму миллион фунтов и виллу на уединенном пляже, если ты предлагаешь, — стонет Ант, и я вскакиваю на ноги так быстро, что комната кружится.

— Ант, — кричу я, бросаясь к нему и заползая на кровать. — О, мой Бог.

— Привет, Солнышко.

Рыдание подступает к моему горлу, когда я смотрю в его темные глаза.

— Мне так жаль, Ант.

— Тише, — успокаивает он, протягивая мне руку и сжимая ее в знак поддержки. — Ни в чем из этого нет твоей вины. Я дал тебе обещание, и у меня были все намерения его сдержать.

— Но посмотри, чего тебе это стоило, — выдыхаю я, когда кровать прогибается позади меня и сильная рука обвивается вокруг моей талии.

— Ревнуешь, дьявольский мальчик? — Спрашиваю я, поворачиваясь и целуя его в шею.

Он хмыкает в ответ, и я не могу удержаться от улыбки.

— Ему не к чему ревновать. Я здесь не для того, чтобы сражаться за тебя, Калли. Ты именно там, где тебе место. Я уже говорил это раньше, я приму твою дружбу.

— Но почему? Я не стою всего этого.

— Ангел, — предупреждает Деймон, явно не соглашаясь с моим утверждением.

— Потому что это было правильно. Потому что я не думаю, что все, что делает мой дядя, правильно. Потому что он не тот человек, чтобы возглавлять нашу семью. Много, много причин, Калли.

Его глаза закрываются, и я паникую.

— Тебе больно? Тебе что-нибудь нужно? Джанна оставила тебе несколько таблеток на случай, если ты проснешься.

— Д-да, таблетки звучат как хорошая идея.

Наклоняясь к нему, я беру пакет, который она оставила на столике, и стакан воды.

Чертовски неловко пытаться заставить его выпить это. Каждое его движение вызывает еще большую агонию на лице, но он это делает.

— Спасибо тебе, — стонет он, падая обратно на подушку.

— Они, вероятно, снова погрузят тебя в сон. Они довольно сильные, — предупреждает Деймон.

— Я не против. — Он замолкает на несколько минут, его глаза снова закрываются. И как раз в тот момент, когда я думаю, что он снова отключился, он пугает меня. — Кто-нибудь знает, что я здесь?

— Насколько нам известно, Мариано понятия не имеют. Дэмиен, Тео и мой отец знают,

но я позаботился о твоей безопасности, — говорит Деймон. Я прикусываю язык, когда имя Джослин танцует на кончике, но я полагаю, что она верна до мозга костей и никогда ничего не сделает, кроме как поддержит нас, поддержит меня. — Они захотят поговорить с тобой, когда ты будешь готов к этому.

— Я могу это сделать. Я полагаю, они хотят, чтобы мой дядя исчез?

— Да, и любой, кто является частью его планов.

— У меня есть имена, — признается он.

— А как же Энзо? — спрашиваю я.

— Он хочет, чтобы Рикардо ушел так же сильно, как и я.

— Но он его брат, — выдыхаю я, констатируя очевидное.

— Да, но это не значит, что он должен нравиться ему или соглашаться с ним. Рикардо — властолюбивый социопат. Он не подходил для этой работы. Это всегда должно было достаться Маттео.

— Захочет ли он нам помочь? — спрашивает Деймон.

— Да. Мы просто должны быть умными. Он нужен нам внутри.

— Мы можем это сделать, — соглашается Деймон, прежде чем дыхание Анта становится глубже, и он снова проваливается в сон, — Что-то подсказывает мне, что все будет не просто.

— Да, я чувствую это. Просто пообещай мне кое-что. — Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на Деймона.

— Все, что угодно, — обещает он.

— Позволь другим справиться с этим. Не спеши мстить. Я не могу рисковать этим, Николас. Я ни на секунду не могу подумать, что снова потеряю тебя.

— Я обещаю. Я не собираюсь делать ничего глупого. Я думаю, лучшее, что мы с Антом можем сделать прямо сейчас, — это оставаться в тени.

— Мы здесь в безопасности? — спрашиваю я, меня охватывает беспокойство. — Это первое место, куда придут искать итальянцы, когда поймут, что ты ушел?

— Возможно, но Дэмиен усилил охрану, и, если кто-нибудь пронюхает, что мы в опасности, мы переедем. Мы можем вернуться в пляжный домик, — предлагает он.

— Я бы хотела этого.

— Если дойдет до этого, мы уйдем. Но мне нужно быть здесь прямо сейчас. И тебе тоже. Из того, что сказал Тео, ты нужна Нико.

Тяжелый вздох срывается с моих губ. — Он даже не открывает мне свою дверь.

— Ему просто нужно время, Ангел.

— Я знаю, — печально соглашаюсь я. — Я просто хочу облегчить его боль, понимаешь? И теперь я чувствую себя виноватой, потому что я вернула тебя, а он все еще тонет.

— Вы оба потеряли своего отца, Красавица. Тебе не нужно чувствовать себя виноватой. Ты прошла через ад на прошлой неделе, не преуменьшай свои чувства, чтобы почувствовать себя лучше.

Поворачиваясь, я обнимаю Деймона за плечи и утыкаюсь лицом в изгиб его шеи. Но вместо того, чтобы обнять меня, как я отчаянно хочу, чтобы он сделал, он замирает.

— Что случилось? — спрашиваю я, глядя на него снизу-вверх со страхом, скручивающим мой желудок.

— Мне нужно в душ.

— Ну, к счастью для тебя, твоя мама дала мне немного водонепроницаемого материала, чтобы наложить поверх твоих бинтов, чтобы ты мог его принять.

— Да? — говорит он, его глаза загораются, как будто я только что сказала ему, что сегодня рождественское утро.

— Ага. Но ты справишься стоя? Я не хочу—

— Если это избавит меня от этого запаха и грязи, прилипшей к моей коже, я сделаю все, что угодно. Особенно с твоей помощью. — Его улыбка становится шире при этой мысли.

— Ладно, договорились. Но если это станет слишком, ты должен сказать мне.

— Я обещаю, но у меня есть все основания подозревать, что я обрету совершенно новую жизнь, как только ты окажешься обнаженным и твои руки будут повсюду на мне.

— Ты — проблема.

— Ты только сейчас это поняла? — язвит он.

— Пошли, — говорю я, быстро спрыгивая с кровати и протягивая ему руку.

Прежде чем мы подходим к двери, я оглядываюсь через плечо на Анта.

— С ним все будет в порядке, — выдыхает Деймон.

— Теперь он такой, да. Но что, если они схватят его до того, как мы сделаем свой ход?

— Мы? — спрашивает он, его бровь изгибается, одна сторона губы растягивается в улыбке.

— Ну, ты знаешь, что я имею в виду.

— Черт возьми, мысль о том, что ты с пистолетом в руке положишь конец этим ублюдкам, вызывает у меня тепло и мурашки.

— С тобой что-то очень, очень не так, — говорю я со смехом.

— Ты все равно любишь меня.

— Да, чем безумнее, тем лучше, если вы спросите меня.

Я не останавливаюсь, пока мы не оказываемся посреди его ванной комнаты.

— Осторожнее со своими желаниями, Ангел, — предупреждает он.

— Все в порядке, ты здесь не единственный сумасшедший.

Мой желудок сжимается, когда я думаю о нашей безумной реальности.

Мы оба должны сосредоточиться на нашем будущем прямо сейчас, на наших экзаменах. И все же мы здесь с ним, по сути, восставшим из мертвых, и я с ребенком—

— Что не так? — спрашивает он, хмуря брови и еще раз доказывая мне, что может читать меня лучше, чем кто-либо другой.

— Ничего. Время от времени что-то просто наваливается на меня сверху. Прошедшая неделя была... чем-то невероятным.

Не желая пока открываться полностью, я тянусь к шнуркам на спортивных штанах Деймона и развязываю их.

— Хм... Я мог бы привыкнуть к такому обращению, — шепчет он, когда я просовываю руки под ткань, обнаруживая его обнаженным под ней.

Скользя руками по его бедрам, я сбрасываю ткань на пол. У меня перехватывает дыхание, когда я обнажаю еще больше синяков и порезов. Но ни один из них не является более жестоким, чем синие и фиолетовые отметины, которые обвивают его лодыжки.

Опускаясь перед ним на колени, я нежно провожу пальцами по темной коже, образы того, что это могло бы быть, мелькают у меня в голове и заставляют мой желудок сжаться так сильно, что я уверена, меня вот-вот вырвет.

— Все в порядке, Ангел. Теперь все кончено.

— Они заковали тебя в кандалы?

— Они, очевидно, думали, что мы рискнем сбежать.

— Интересно, откуда они взяли эту идею? — Язвительно замечаю я, отчаянно пытаюсь сохранить легкое настроение, когда помогаю освободить его ноги от брюк. — Ты уверен, что с тобой все в порядке, делая это? — Спрашиваю я, присаживаясь на корточки и глядя на него снизу-вверх.

— Более чем в порядке, Ангел. — Он ухмыляется мне с дьявольским блеском, прежде чем я замечаю, как его член подпрыгивает.

— Не бери в голову никаких идей, дьявольский мальчик. Мы моем тебя, и все.

— Ты разрушаешь все мое веселье, — бормочет он, когда я поднимаюсь на ноги и тянусь за непромокаемой повязкой, которую дала мне Джанна.

Как только я довольна, что прикрыла его бинты, я включаю душ и натягиваю толстовку через голову.

— Черт, я скучал по тебе, Ангел. — У меня перехватывает дыхание.

Его глаза удерживают мои, пока я натягиваю трусики на бедра. Честность в его тоне, любовь, сияющая в его темно-серой глубине, снова собирает воедино еще несколько моих разбитых осколков.

Он подходит ближе, его руки обхватывают мои щеки, и он продолжает смотреть глубоко в мою душу.

У меня покалывает кожу, а желудок переворачивается, когда слова застревают в горле.

Но прежде чем у меня появляется шанс что-либо сказать, он наклоняется вперед, его губы касаются моих в сладчайшем поцелуе, который вызывает слезы на моих глазах и заставляет мои руки дрожать, когда эмоции переполняют меня.

Он отстраняется и смотрит на меня с улыбкой. — Мне нужно перестать заставлять тебя плакать, — выдыхает он.

— Я надеюсь, ты никогда не перестанешь заставлять меня чувствовать себя так.

Он качает головой, не в силах поверить в то, что я говорю.

— Пошли, вонючка. Давай приведем тебя в порядок.

— Ты пытаешься сказать, что от меня пахнет? — шутит он, когда я веду его в огромную душевую кабину, над которой клубится пар.

Меняю позицию, я прикрываю его, пока он не оказывается под струей.

— О, черт, это так приятно, — стонет он, жар в его голосе превращает мою кровь в лаву.

Я стою там и смотрю, как вода стекает по его телу, наблюдая, как смывается грязь, темная вода стекает в канализацию у его ног. Если бы только воспоминания о том, через что он прошел, можно было так легко изгнать.

Протягивая руку, я беру его гель для душа и мочалку. Выдавив на нее больше, чем необходимо, я намыливаю его, прежде чем нанести на каждый дюйм тела Деймона нежными круговыми движениями.

Он следит за каждым моим движением, его горячий взгляд обжигает мою кожу, пока я работаю.

Его член сильно и настойчиво покачивается между нами, но ни один из нас не пытается что-либо с этим поделать. Хотя, это не из-за отсутствия желания. Все мое тело горит от потребности ощутить ту связь, которая изменила мою жизнь, к которой я пристрастилась до того, как подумала, что потеряла его.

— Остановись, — требует он, когда я начинаю очередной обход его груди, мои глаза

следят за пузырьками, пока я рисую его тело.

Мочалку вырывают из моей руки, и я ахаю, когда моя спина ударяется о холодные плитки, когда он меняет нашу позицию.

— Моя очередь, — рычит он, глядя мне прямо в глаза и позволяя мне увидеть огонь, который сжигает его изнутри.

— Н-нет, ты не—

— Не спорь со мной, Ангел. Ты не победишь, — предупреждает он мрачным и смертоносным голосом. — Тебе это нравится, не так ли, Красавица? Тебе нравится, что я не оставляю тебе выбора, кроме как делать то, что тебе говорят. Возможно, ты хочешь вырваться на свободу, но на самом деле, под всем этим, ты просто хорошая девочка, которая хочет доставить мне удовольствие, не так ли?

— Господи, Николас, — стону я, мой голос сочится похотью.

— У меня так много планов на тебя, Ангел. Я хочу заставить тебя кричать столькими способами.

Не имея ничего, кроме его слов и вида его грешного тела, я превращаюсь в ноющий комок нужды. Он тоже это знает, если легкая ухмылка, приподнимающая уголки его губ, и огонек в его глазах говорят мне о чем-нибудь.

— Вот, — говорит он, бросая мочалку на пол. — Все готово для того, чтобы я снова испачкался.

Он подходит ближе, его большая рука обвивается вокруг моей талии, а голова наклоняется.

Жар его тела обжигает мое, когда горячая вода сверху продолжает литься на нас.

— Я все еще не могу поверить, что ты здесь, — говорю я, нежно проводя руками по его груди и соединяя их за его шеей, когда он прижимается еще ближе.

— Поверь в это, Ангел. Я здесь, я твой, и я никуда не уйду, если ты не будешь рядом.

От его слов у меня перехватывает дыхание прямо перед тем, как его губы заявляют права на мои, снова разрушая меня для него.

У меня нет никаких намерений заходить в этом дальше, несмотря на мою яростную потребность сделать это. Но это не значит, что я готова, когда пронзительный женский голос разрывает воздух, не оставляя нам иного выбора, кроме как расстаться.

— Деймон. Где ты, черт возьми, находишься?

— О Боже, — слегка бормочет он. — Кто ее впустил?

— Подожди. Я-я в душе с Калли, — кричит он в ответ.

— Тебе предназначено быть на пороге смерти, Ди, а не трахать свою девушку в душе.

— Мы не... Э-это не— я заикаюсь, прежде чем быть прерванной.

— Мы будем через минуту, — кричит он, прежде чем взять меня за подбородок рукой и не оставить мне выбора, кроме как посмотреть в его горящие глаза. — Моя, — рычит он, низкий тембр его голоса заставляет мое тело загораться желанием.

— Твоя, — соглашаюсь я, с радостью принимая его следующий поцелуй.

Стук в дверь заставляет нас обоих вздрогнуть.

— Эй, ребята. У меня нет целого гребаного дня, — дуется Айла. — Мне нужно увидеть это чудо своими собственными глазами.

— Я серьезно переоцениваю нашу дружбу прямо сейчас, Ай, — говорит Деймон, поцеловав меня в кончик носа и шаркая ногами, выходя из душа.

Мое сердце сжимается, когда ему приходится обращаться к стене за поддержкой.

Я держала его здесь слишком долго, заставляла его делать слишком много.

— Ты любишь меня и знаешь это. А теперь убирайся отсюда к черту, — требует она.

— Подожди, — говорю я в спешке, подбегая к нему, чтобы помочь, когда он тянется за полотенцем.

— Я в порядке, Красавица, — возражает он, когда я пытаюсь помочь.

— Нет, Николас, ты не такой. Перестань быть таким упрямым придурком. — Его брови поднимаются в шоке, но он не спорит, когда я оборачиваю полотенце вокруг его талии. — Ты хочешь, чтобы я сходила и взяла тебе какую-нибудь одежду, прежде чем ты—

— Нет, все в порядке, — говорит он, но то, как его кадык подпрыгивает, когда он сглатывает, заставляет меня задуматься, так ли это на самом деле.

— Это просто Айла, — шепчу я, проводя рукой по его груди и оборачивая ее вокруг его шеи.

— Я знаю. Мне нужно перестать прятаться, — твердо говорит он.

Расправив плечи, он делает шаг вперед. Я отступаю в сторону и смотрю, как он тянется к двери.

Его движения медленные, и я хочу потребовать, чтобы он вернулся в постель, чтобы отдохнуть, но я знаю, что мое беспокойство останется без внимания.

— Срань господня, — ахает Айла, когда он появляется.

— Привет, Ай. Я тоже рад тебя видеть, — бормочет он.

К тому времени, как я подхожу к двери, они заключены в объятия. Плечи Айлы трясутся, когда ее тихое сопение наполняет комнату.

Я неловко стою там, завернувшись в одно из полотенец Деймона, наблюдая за ними.

— Все в порядке, Ай, — успокаивает он.

Наконец, она отстраняется и смотрит на него снизу-вверх с темным макияжем, размазанным по ее щекам.

— Черт. Так чертовски рада тебя видеть.

— Я тоже.

— Черт, ты выглядишь—

— Красиво, да? — язвит он.

— Истощенный.

— Что-то вроде этого.

— Тебе следует лечь в постель. Слишком много усилий в душе. — Она подмигивает, наконец-то переводя взгляд на меня, а я бесстыдно наблюдаю за ними.

— Что это? — Деймон наклоняется ближе. — Это что, маленькая ревность, которую я вижу в твоих зеленых глазах?

Его слова ударили меня, как бейсбольная бита. Конечно, он же не предполагает...

— Черт возьми, да. Я не видела никаких действий... слишком долго. Особенно ничего в душе. Засранец, — выплевывает она, в ее глазах сверкает веселье.

— У тебя однонаправленный ум, — усмехается Деймон, обходя ее и направляясь к своему комоду.

У меня перехватывает дыхание, когда он спотыкается перед шкафом и вынужден протянуть руку, чтобы удержаться на ногах.

Я в беспокойстве бросаюсь вперед, но Айла останавливает меня, становясь передо мной. Она видела то же самое, но, похоже, не спешит помогать.

— Он в порядке, Калли, — шепчет она. — Он также твердолобый, упрямый

засранец. Иногда ему нужно самому понять, что он не Суперм—

— Бэтмен, — предлагает Деймон, заставляя Айлу в замешательстве наморщить лоб.

— Да, — соглашаюсь я. — Он больше похож на Бэтмена.

— Ладно, ну... — Айла бормочет, выглядя совершенно озадаченной, прежде чем шокировать меня до чертиков, обнимает за плечи и притягивает к себе для объятий.

Ее объятия коротки, и, хотя с ее губ не слетает ни слова, жест говорит о тысяче слов.

Мы никогда не были близки, несмотря на то, что наши семьи проводили много времени вместе, пока мы росли, но что-то подсказывает мне, что Деймон, возможно, находится в процессе изменения этого, и он понятия не имеет.

— Ты хорошо держишься? — спрашивает она, сочувствие сочится из ее глаз. Она понимает, я знаю, что понимает. Она потеряла своего брата несколько лет назад. Она прошла через нечто подобное тому, что я сейчас переживаю.

— Да, сейчас мне чертовски намного лучше, — говорю я, бросая взгляд через ее плечо туда, где Деймон прислонился спиной к комоду, пристально наблюдая за нами.

Его губы изгибаются в улыбке, прежде чем он подзывает меня к себе всего лишь кивком подбородка. — Иди включи кофеварку, Ай. Мы скоро выйдем, хорошо?

— Будет сделано, Босс. — Она салютирует ему, к его большому удивлению.

— Она...

— Заноза в заднице? — Предлагает Деймон, когда мне не удается подобрать слово.

— Что-то вроде этого, да.

— Она безвредна. — Ее злобный крик пререзает тишину в квартире, и Деймон заливается смехом. — Или, по крайней мере, она безобидна, пока Алекс не окажется где-то рядом.

— Они не ладят? — Спрашиваю я, не в силах поверить, что кому-то на планете может не понравиться Алекс.

— Нет. Вовсе нет.

— Но как? Алекс — человеческая версия золотистого ретривера.

Смех Деймона продолжается, и это зажигает что-то внутри, прогоняя мое беспокойство всего на несколько секунд. — Не позволяй ему слышать, как ты его так называешь. Он думает, что у него репутация жесткого человека.

— У него могло это быть за пределами этих четырех стен. Но в глубине души он самый милый щенок в мире.

— Ты это знаешь. Я это знаю. Но Айла... ну, давай просто скажем, что она больше любит кошек.

Он выдвигает верхний ящик и вытаскивает пару боксеров.

— Может быть, там есть что-то большее?

— Убийство, ожидающее своего часа? Нет, там ничего нет, так что не берите в голову никаких безумных идей.

— Ты ведь видел, что случилось с Себом и Тео, верно? Не так давно они утверждали, что Стелла и Эмми были никем иным, как Сатаной.

— Они, вероятно, все еще так думают, что вполне справедливо.

— Ну, да, может быть. Но они также любят их больше, чем саму жизнь, так что...

— Точно так же, как я отношусь к тебе, Ангел.

— Приятный собеседник, — язвительно замечаю я, беря его боксеры, когда он протягивает их мне.

— Не могу поверить, что собираюсь спросить об этом, но не могла бы ты... помочь мне одеться?

— Для тебя, Бэтмен. Все, что угодно.

Я снова опускаюсь перед ним на колени, затем одеваю их на него.

— Если тебе повезет, я, возможно, даже помогу тебе снять их позже.

— Я рассчитываю на это, Ангел. Ты готова предложить еще какие-нибудь льготы? — нахально спрашивает он.

— Давай еще раз обсудим это, если ты не будешь спать.

— Сделка.

17

ДЕЙМОН

Айла не задержалась надолго. Она могла видеть, что я изо всех сил стараюсь держать глаза открытыми. Итак, вскоре после того, как она допила свой кофе, она еще раз обняла меня, шепча на ухо, что рада, что со мной все в порядке, и заставляя пообещать присматривать за Калли, как будто это действительно нужно было сказать, и неохотно позволила Алексу проводить ее.

Мама обработала мои порезы, и после того, как она запихнула мне в горло еще несколько обезболивающих, я, наконец, поддался усталости после душа с Калли и задремал на диване, а в ушах у меня звучали голоса мамы, Алекса и Калли.

Впервые за долгое время я мирно спал, и ничего, кроме сладких снов и надежд на будущее, не наполняло мою голову.

Когда я наконец пришел в себя, это было от звуков ссоры Алекса и Калли на кухне из-за того, что они готовили. На самом деле мне было все равно, что это было — это пахло безумием, и у меня так громко урчало в животе, что я не сомневаюсь, что именно это меня разбудило.

Мы втроем ели спагетти Болоньезе с Антом в его комнате. После очередного дня, который в значительной степени состоял только из сна, он был примерно таким же голодным, как и я, и с аппетитом съел всю миску, прежде чем, что неудивительно, объявить, что его тошнит.

К счастью, ведро, которое Калли нашла черт знает где в моей квартире, на самом деле так и не понадобилось, и мы вчетвером провели действительно приятную и совершенно странную ночь вместе.

Кажется, что Калли, возможно, была права на его счет, потому что он просто порядочный парень. И, несмотря на первоначальные опасения Алекса, он быстро попал под чары Анта, как и мы двое, и в итоге мы смеялись вместе, пока у нас не заболели животы, а у Калли и Алекса не выступили слезы на глазах.

Это была почти самая идеальная ночь. Единственное, что могло бы сделать ее лучше, это если бы я не отключился в ту секунду, когда моя голова коснулась подушки.

***

— Эй, — говорю я, скользя руками по рукам Калли, заставляя ее подпрыгнуть и взвизгнуть от испуга.

— Деймон, — отчитывает она, вытаскивая AirPods из ушей и бросая их на стол, прежде

чем повернуться ко мне лицом. — Как ты себя чувствуешь? — спрашивает она, ее глаза осматривают мои порезы и синяки, как она делает по нескольку раз в день. Как будто она надеется, что они чудесным образом заживут у нее на глазах.

— Хорошо. Лучше, — честно говорю я.

— Правда? — спрашивает она, подозрительно прищутив глаза.

— Да, действительно. Все причиняет немного меньше боли.

На ее губах появляется улыбка, когда она поднимается на ноги. Ее тело прижимается к моему, мягкость ее изгибов заставляет мою кровь пылать от желания к ней.

— Я не могу дождаться, чтобы трахнуть тебя снова, — признаюсь я за секунду до того, как до нас доносится кашель в другом конце комнаты.

— Ант, — шепчет Калли.

— Похоже, я не единственный, кто чувствует себя лучше, — бормочу я, засовывая руку в штаны, чтобы привести в порядок свой стояк.

— Привет. Извини, я не хотел прерывать, мне просто нужно было выйти из той комнаты.

— Что-то не так с моей комнатой для гостей? — Спрашиваю я, приподняв бровь.

— Да, она пахнет, — признается он.

— Не хочу тебя огорчать, чувак, но это ты.

Ант показывает мне средний палец, когда открывается входная дверь и появляются мама и Алекс, оба они улыбаются при виде нас с Антом, стоящих посреди гостиной.

— Ах, идеальное время. Алекс, Анту нужна помощь в том, что, я думаю, как раз пс твоей части.

— Говори, — говорит Алекс, не сбиваясь с ритма.

— Эм... — Ант колеблется, вместо этого его взгляд метается к Калли.

— Я, блядь, так не думаю, — ворчу я, дотягиваясь до своей девушки и притягивая ее к себе.

— Деймон, — жалуется она. — Можем ли мы не становиться такими ревнивыми и собственническими? Если Анту нужна помощь, тогда—

— Тогда Алекс или мама могут ему помочь. Я не позволю тебе мыть его, как ты моешь меня.

Она наклоняет голову набок, выглядя слишком мило.

— Вау, я никогда ничего не говорил о том, чтобы помыть его, — возражает Алекс. — Извини, чувак. Я едва знаю тебя, я не буду ласкать твои потные яйца.

— О Боже мой, — выдыхает мама. — Парень чуть не погиб, возвращая нам Деймона. Ты должен предлагать гораздо больше, чем ласки, — невозмутимо заявляет она, вызывая смех у всех нас.

Алекс раздраженно фыркает, но, не в силах спорить с комментарием мамы, он уступает. — Я включу душ, удостоверюсь, что ты туда доберешься, и даже подожду за дверью, но я не притронусь к мочалке, даже если это только для твоей спины.

— Чувак, ты такой зануда. Энзо сделал бы это.

— Ну, тогда позвони ему, — язвительно замечает Алекс, хотя мы знаем, что он не может. В обозримом будущем мы двое заперты в этом здании. По крайней мере, это более комфортабельная тюрьма, чем наша предыдущая.

— Пошли, милый, — дразнит Ант. — Нам будет полезно сблизиться.

Мама, Калли и я смотрим, как они вдвоем исчезают в коридоре, причем один из них

гораздо более взволнован, чем другой.

— Что я наделала? — бормочет Калли.

— О, я не знаю. Я думаю, Алексу пора найти нового владельца. Может быть, он купит ему новый поводок и бейдж с именем.

Калли фыркает, в то время как мама сердито смотрит на меня.

— Ты злой, — жалуется Калли.

— О, потому что ты никогда не говорила плохого слова о своем брате. — Я сожалею о словах, как только я их произнес. — Черт, прости, Ангел.

— Все в порядке. Если ты готов к этому, все хотят прийти и увидеть тебя позже, — говорит она, натягивая улыбку на лицо.

— Скажи им, что, если они принесут еду, они могут прийти.

— Что-то не так с нашим ужином вчера вечером? — спрашивает Калли с оскорбленным видом, в то время как мама игнорирует нас и направляется на кухню.

— Нет, это было идеально. Я просто предпочел бы не терять тебя из-за Алекса, когда он пытается научить тебя готовить.

— Деймон, — стонет она, когда я утыкаюсь носом в ее шею. — Твоя ревность не знает границ.

— Я хочу научить тебя готовить, — признаюсь я, целуя ее шею и спускаясь по линии подбородка.

— Одно спагетти Болоньезе не делает меня экспертом, Николас.

— Хорошо, потому что у меня есть эта фантазия, — шепчу я ей на ухо достаточно тихо, чтобы мама не могла слышать, — о тебе, покрытой сахарной пудрой, на моей кухне, и о том, как я снимаю с твоего тела одежду и облизываю каждый дюйм твоей сладкой кожи, пока ты не начинаешь стонать мое имя и кончать на мою столешницу.

— Господи, — стонет она, прижимаясь ко мне немного сильнее.

— Ты представляешь это, не так ли? — Я разворачиваю ее так, что ее спина прижимается ко мне спереди, и беру за подбородок, заставляя посмотреть на мой остров. — Вот здесь. Ты видишь меня с моей головой между твоих бедер и твоей спиной, прислонившейся к граниту?

— Да, — выдыхает она, движение ее груди быстро учащается.

— Вы уже поели? — Рассеянно спрашивает мама. К счастью, она стоит к нам спиной, когда опорожняет посудомоечную машину.

— Н-нет, пока нет. Я ждала, когда Деймон проснется, — говорит Калли, ее голос сочится похотью.

— Ранее я захватила сосиски, бекон и яйца. Ты не против немного подождать?

— Звучит идеально, мам. Спасибо. Пока ты этим занимаешься, мне нужно ненадолго украсть Калли.

— Ладно, иди делай свое дело. — Калли напрягается в моих объятиях от комментария мамы. — Тебе нужно сменить повязку или что-нибудь еще?

— Э-э... не уверен. Я скоро приму душ, а потом ты сможешь их проверить.

— Звучит заманчиво, сынок.

Прежде чем у нее появляется шанс сказать что-нибудь еще, я веду Калли в свою спальню, положив руки ей на бедра.

Несколько секунд она пытается бороться с этим, упираясь ногами в землю, но вскоре понимает, что у нее нет шансов на победу.

В ту секунду, когда мы оказываемся внутри, я захопываю дверь и подтаскиваю свой стул, подсовывая его под ручку на случай, если Алекс сочтет себя смешным и попытается ворваться внутрь.

— Деймон, что ты—

Ее слова обрываются, когда я притягиваю ее тело и прижимаюсь своими губами к ее.

Поначалу она никак не реагирует, и я начинаю паниковать, что она откажется, попытается сказать мне, что я недостаточно исцелен или еще какую-нибудь чушь.

Но, к счастью, с третьим прикосновением моего языка к ее, она забывает обо всех причинах, по которым она не должна этого позволять, и ее тело расслабляется напротив моего, ее губы двигаются, и ее язык присоединяется к моему.

Я целую ее с потребностью в нашем первом поцелуе и отчаянием от того, что это наш последний, все время ведя ее спиной к моей кровати. Как только ее ноги касаются края, я наклоняюсь вперед, не оставляя ей выбора, кроме как лечь на спину.

Ее руки скользят вверх по моим и нежно нажимают на плечо, как будто она хочет остановиться. Но, черт возьми, этого не может быть.

— Ангел, — рычу я в наш поцелуй, прокладывая себе путь между ее бедер и кладу руки по обе стороны от ее головы.

Мое тело болит, но это не та ослепляющая боль, которую я почувствовал, когда впервые очнулся здесь. И в любом случае, я люблю немного боли, так что нет ничего такого, с чем я не мог бы справиться, особенно если это означает, что у меня будет моя девушка.

Наш поцелуй влажный и грязный — это все, чего я жаждал с тех пор, как увидел, как она выходит из туалета того загородного клуба почти две недели назад.

Ее прикосновения настолько нежны, что у меня по коже бегут мурашки, когда она проводит пальцами по моей спине.

— Ты не сломаешь меня, Красавица.

— Нет, но я могу причинить тебе боль. Твои порезы могут—

— К черту это. Ты нужна мне больше, чем небольшая боль.

Она ахает, когда я обхватываю ее ногу вокруг своего бедра и терзаюсь всей своей длиной о ее киску.

— И я знаю, что я тоже тебе нужен. Ты влажная из-за меня, не так ли?

— Деймон, — стонет она. — М-мы не можем. Они будут... они услышат нас.

— Мне все равно, Ангел. Весь гребанный мир мог бы наблюдать за этим, мне все равно. Ты мне нужна. Я, блядь, умираю без тебя.

— Я прямо здесь.

Мы смотрим друг на друга, наше тяжелое дыхание смешивается, пока продолжается ожесточенная битва желаний.

Она вздрагивает, когда я провожу пальцами по внутренней стороне ее бедра, и улыбка растягивает мои губы, когда я нахожу доказательство того, как сильно она тоже в этом нуждается.

Потирая мои пальцы о промокшую ткань, прикрывающую ее киску, она резко втягивает воздух.

— Собираешься продолжать говорить мне, что тебе это не нужно?

— Я... Я никогда не говорила—

Отводя ткань в сторону, я просовываю два пальца глубоко внутрь нее и сжимаю их, чтобы найти ее сладкое местечко.

— О, черт.

Наконец, она забывает о реальности и крепче сжимает мои предплечья.

Я стискиваю зубы от боли в порезе на левой руке, но, к счастью, она этого не замечает. Не то чтобы я остановился бы сейчас, даже если бы она это сделала.

Я нужен моей девочке, и у меня есть все гребаные намерения исполнить каждое ее желание.

— Деймон, — рычит она, ее ногти впиваются в мою кожу, когда она сосредотачивается на ощущениях, которые я вызываю в ее теле.

Садясь, я тянусь к молнии на передней части моей толстовки, которая на ней, и стягиваю ее вниз.

— Черт, мне нравится знать, что ты ходишь вот так, — бормочу я, открывая ее обнаженную кожу.

Ее грудь покраснела, а соски затвердели и отчаянно требуют внимания.

Мои ушибленные ребра протестуют, когда я опускаюсь ниже, чтобы засосать один из них в рот, пока я трахаю ее пальцами сильнее, чувствуя, как она поднимается к оргазму, в котором она нуждается.

— О, черт, — кричит она, прежде чем прикрыть рот рукой, чтобы остановить себя, когда я снова касаюсь языком ее соска.

— Такая чувствительная, — шепчу я, делая это снова и снова, пока она не кончает, прижимая подушку к лицу и выкрикивая мое имя.

Это заставляет меня чувствовать себя гребаным королем, когда она сжимает мои пальцы, ее тело содрогается, когда удовольствие захлестывает меня.

В ту секунду, когда она заканчивает, я убираю подушку, мне нужно увидеть ее красивое лицо, прежде чем я уберу пальцы из ее тела и вместо этого засуну их в рот.

Ее глаза расширяются, когда она смотрит, как я высасываю ее соки.

— Чертовски скучал по тебе, Ангел.

— Никол— аах, — визжит она, когда я переворачиваю нас. — Черт. Прекрати это делать, ты будешь— Сквозь ее предостережение прорывается стон, когда я обхватываю обе ее груди руками и сжимаю. — О Боже.

Ее бедра двигаются, заставляя ее киску тереться о мой ноющий член.

— Если ты не хочешь, чтобы я переусердствовал, Красавица, тогда, я думаю, будет правильно, если ты возьмешь ответственность на себя.

Я опускаю руки в стороны, когда делаю выпад, давая ей дополнительный намек на то, о чем я думаю.

— Ты... ты хочешь, чтобы я была главной? — она спрашивает так, как будто это самая абсурдная вещь, которую она когда-либо слышала.

— Да, я уверен, что в тебе это есть.

— Ну, на самом деле... Я никогда этого не делала, — язвительно замечает она.

Качая головой, я сжимаю пальцами края ее трусиков и срываю их с ее тела.

— Нет, ты этого не делала. Возможно, ты захочешь это исправить.

Я не могу удержаться от смеха, когда она тянется к завязке на моих спортивных штанах с рвением ребенка рождественским утром, хватяющегося за свои подарки.

Приподнимая бедра, я помогаю ей, и она опускает ткань достаточно низко, чтобы показать мой ноющий член.

Она смотрит на меня широко раскрытыми глазами, кончиком большого пальца дразня

мой пирсинг.

— Ангел, — рычу я, моя потребность погрузиться глубоко в нее всепоглощающая.

Ее глаза поднимаются на мою изуродованную грудь, прежде чем встретиться с моими.

Встав на колени, она расставляет нас поудобнее, прежде чем так чертовски медленно опуститься на мой член, что мои пальцы впиваются в простыни, и, клянусь, мои глаза закатываются.

— Лучше, чем я помню, — стону я.

— Никогда не покидай меня снова. Я этого не переживу, — требует она.

— Я не буду. Никогда. Мы можем просто оставаться такими. Я имею в виду, что прямо сейчас я не могу даже покинуть это здание, так что это был бы чертовски невероятный способ провести наше время.

Она покачивает бедрами, и я, блядь, чуть не кончаю от этого небольшого движения и вида того, как она сидит, насаженная на меня.

Мое сердце колотится, переполненное такой гребаной любовью к моей девочке, что я едва могу это выносить.

— Я хочу с тобой всего, — признаюсь я. — Каждую-гребаную-вещь.

Переплетая свои пальцы с ее, я притягиваю ее к себе, чтобы завладеть ее ртом, пока она продолжает медленно трахать меня.

Каждое движение ее бедер посылает фейерверк по всему моему телу. После того, как я не думал, что когда-нибудь получу это снова, пока был заперт в темноте и холоде, подвергался жестокому обращению со стороны этих гребаных итальянцев, чувствовать ее кожу на своей, снова делать ее своей... это все и гораздо больше.

— Я не продержусь долго, — признаюсь я, когда она отрывается от нашего поцелуя, чтобы перевести дыхание.

— Так что не надо. Я хочу почувствовать твою сперму внутри себя, Николас. Я хочу это напоминание о том, кому я принадлежу.

— Срань господня, — выдыхаю я. — Кто ты и что ты сделала с моим невинным ангелом?

— Ты развратил ее, дьявольский мальчик, — шепчет она мне на ухо. — Теперь отдай мне все, — требует она.

Со стоном боли в ребрах я просовываю руку между нами и нахожу ее клитор.

— Не без тебя. Я хочу, чтобы ты кончала на мой член, пока я наполняю тебя.

Я сжимаю ее клитор, и она садится на меня сильнее, полностью усаживая меня внутри себя.

— Вот и все, Ангел. Трахни меня, как хорошую девочку.

Она садится прямо и делает в точности то, что ей говорят, все это время ее глаза не отрываются от моих. Они наполнены благоговением и любовью, и мне трудно поверить, что все это направлено на меня.

Но это так. Потому что она моя. У меня нет сомнений.

— Вся, блядь, моя.

Я еще раз ущипнул ее за клитор, и она вскрикнула, падая. Первое крепкое сжатие ее киски вокруг моего члена гарантирует, что я упаду прямо с обрыва вместе с ней.

— Черт возьми, да, — ворчу я, наблюдая, как она переживает свой оргазм.

В ту же секунду, как она закончила, она обессиленно падает на мое тело.

Ее вес причиняет боль, но это, черт возьми, того стоит.

Обнимая ее, я позволяю ее теплу просачиваться в меня, пока мы оба пытаемся отдышаться.

— Ты думаешь, они знают, что мы делали? — тихо спрашивает она.

К счастью, она меня не видит, потому что на моем лице расплывается широкая самодовольная улыбка.

— Не, они, наверное, думают, что мы просто принимаем душ или что-то в этом роде.

В спешке садясь, она смотрит на меня, и моя улыбка становится только шире.

— Мне похуй, Ангел. Я хочу, чтобы все они знали, как сильно я люблю тебя и как ты разрушаешь меня всем, что делаешь.

Она замолкает, и ее глаза отрываются от моих, когда она погружается в свои мысли.

— Николас, я—

— Тащите свои похотливые задницы сюда, завтрак почти готов, — кричит Алекс с другой стороны двери.

— Я не думаю, что они имели представление о том, что мы делали, — невозмутимо говорю я.

Бровь Калли приподнимается, когда ее мягкий взгляд превращается в свирепый.

— Им придется подождать. Я не выйду туда, пахнувшая сексом, даже если они знают.

— Я мог бы пойти в душ, — говорю я, снова опуская взгляд на ее грудь.

Протянув руку, я ущипнул один из ее сосков. От этого все ее тело содрогается, а мой член снова набухает.

— Не бери в голову больше никаких идей, — предупреждает она, печально слезая с моего тела.

— Как скоро мы сможем послать их всех нахуй? Мне нужно, чтобы ты и вся эта квартира были в нашем распоряжении.

— Почти уверена, что твой гость пробудет здесь какое-то время.

— Не, к черту это. Он может переехать к Алексу, чтобы мы могли трахаться на любой поверхности этого места.

18

КАЛЛИ

В ту секунду, когда я открываю дверь, Себ и Тоби врываются в квартиру, а Тео всего в паре шагов позади них.

— Привет, малышка Си, — зовет Себ, когда они врываются внутрь.

— Я тоже рада вас всех видеть, — отвечаю я, мое сердце переполняется при виде парней, которые так отчаянно хотят увидеть Деймона.

У Тоби хватает порядочности слегка помахать мне рукой у себя за спиной, не то чтобы меня это действительно волновало.

— Привет, — выдыхает Стелла, входя в мое пространство и заключая меня в объятия. — Как у тебя дела?

Вторая, а затем третья пара рук обвивается вокруг меня, пока я не оказываюсь в центре толпы.

— Я в порядке. Я действительно в порядке. Он вернулся.

— Черт возьми, когда Себ рассказал мне, я не могла в это поверить.

— Я знала, что он так легко не сдастся, — говорит Эмми. — Нужен кто-то действительно особенный, чтобы поставить дьявола на колени, и итальянцы к ним не

относятся. Ты, однако...

— Я, черт возьми, знала, что ты трахаешься с ним, — говорит Джоди. — Я почувствовала это несколько недель назад.

— И ты не хотела делиться этим? — язвит Стелла.

— Я не хотела указывать на все, что было прямо у вас перед глазами. Я была новичком в группе.

— О, но теперь ты счастлива ткнуть нас в это носом? — Легкомысленно спрашивает Эмми.

— К черту это, почему бы и нет, — шутит Джоди.

Когда они все, наконец, отпускают меня, широкая улыбка Джоди привлекает мое внимание.

— Ты выглядишь счастливой, — говорю я, изучая ее.

— Сара проснулась, — признается она.

— Боже мой, это потрясающе, — вздыхаю я. — Как она?

Ее возбуждение немного спадает, а глаза слезятся. — Сонная. Она все еще в основном спит, но они удалили большинство трубок и прочего, и она меньше накачана лекарствами. Это все еще займет время, но она вернулась к нам. Она открыла глаза и сжала мою руку. Это прогресс, понимаешь?

— Видишь, — говорит Стелла. — Чудеса действительно случаются.

Моя рука дергается в сторону от потребности положить ее на живот.

Это странно, это не тот шаг, о котором я когда-либо думала раньше. Но осознание того, что во мне растет маленький человек, щелкнуло во мне каким-то переключателем. Я думаю, это происходит со всеми. Но знать это и переживать это — две совершенно разные вещи.

— Где Бри? — спрашиваю я, оглядываясь вокруг, как будто она вот-вот появится.

— У нее встреча в университете. Какие-то проблемы с ее распределением в новую школу. — Джоди пожимает плечами.

— Да ладно, на самом деле вы не на меня хотите смотреть, не так ли? — Я шучу, когда смех парней наполняет воздух вокруг нас.

— Мне просто нужно увидеть это своими глазами, — бормочет Стелла, когда мы поворачиваемся, чтобы пройти вглубь квартиры.

— Ну, ну, ну разве ты не загляденье, — радостно говорит Эмми, когда мы вчетвером вваливаемся в гостиную.

— Привет, — говорит Деймон, на его губах появляется игривая улыбка, от которой у меня сводит живот.

Несмотря на его желание перестать прятаться, он натянул еще одну толстовку на молнии для всеобщего посещения, и, хотя мне ненавистна мысль о том, что он не чувствует себя достаточно хорошим, эгоистично то, что я хочу оставить его при себе. Наш самый большой — ладно, может быть, и не самый большой — секрет теперь раскрыт, и я отчаянно хочу, чтобы хоть что-то осталось между нами.

Его глаза находят мои, и это только усиливает любовь и желание, переполняющие меня.

Снимая руку с подлокотника кресла, в котором он сидит, он подзывает меня одним простым движением пальцев.

Я колеблюсь, мою кожу покалывает, когда все взгляды в комнате обращены на меня. Но когда кто-то, я подозреваю Эмми, слегка толкает меня сзади, притяжение между нами становится слишком сильным, и в мгновение ока я сокращаю пространство между нами и

позволяю ему усадить меня к себе на колени.

— Вы, ребята, знакомы с моей девушкой, верно? — спрашивает он в никуда, но глядя прямо мне в глаза, когда его пальцы запутываются в моих волосах, и он притягивает меня вперед, соприкасаясь нашими губами.

Вокруг нас раздаются возгласы, когда язык Деймона скользит по моим губам, углубляя поцелуй больше, чем необходимо, когда у нас есть аудитория. Аудитория, в которую входит мой кузен.

Осознание поражает меня, и я отступаю.

— Где Нико? — спрашиваю я, оборачиваясь, чтобы посмотреть на Тео, который, к счастью, не наблюдает за тем, как мы целуемся — похоже, в отличие от всех остальных.

Хватка Деймона на моем бедре усиливается, пока я жду ответа.

Тео поднимает взгляд, его темные, непроницаемые глаза встречаются с моими. — Он не открывает свою дверь, — печально признается он.

Мои губы приоткрываются, предложения ему сломать эту чертову штуку прямо на кончике моего языка. Но как бы мне ни хотелось, чтобы они взломали систему безопасности в его доме и силой проникли внутрь, я знаю, что это не выход.

Вырываясь из объятий Деймона, я иду через комнату, прежде чем он успевает меня остановить.

— Калли, подожди. — Его глубокий, требовательный голос проникает в меня, но этого недостаточно, чтобы остановить меня.

В мгновение ока я вылетаю из квартиры и мчусь к лестнице.

Кровь приливает к моим ушам, и я бегу, моя забота о моем брате — единственное, на чем я могу сосредоточиться.

— НИКО, — кричу я, ударяя ладонями по его двери до боли. — НИКО. Это я. Просто открой эту чертову дверь, — кричу я, начиная звучать немного расстроено.

Отчаяние сжимает меня, эмоции подступают к горлу.

Я не могу отрицать, что возвращение Деймона дало мне почти все, что мне нужно. И я почти уверена, что смогу продолжать свою жизнь без осуждающих мнений моей матери, но мне нужен мой брат. Как бы сильно он ни сводил меня с ума на каждом шагу, он мне нужен.

— Нико, пожалуйста, мне нужно—

Щелчок замка пугает меня, и моя надежда возрастает.

— Нико, — всхлипываю я, когда он приоткрывает дверь. Этого достаточно, чтобы увидеть, что его квартира погружена в темноту и позволяет мне видеть только один его налитый кровью глаз.

У меня перехватывает дыхание, когда я вижу его измученное выражение лица. В прошлом я видела, как он выглядел совершенно хреново. Черт возьми, я помогала ему спуститься в подвал, когда он был без сознания, больше раз, чем я хочу сосчитать — несмотря на то, что он понятия не имеет, что я когда-либо была рядом с ним, когда наших родителей не было рядом. Но есть что-то в темноте, застилающей его глаза, что подсказывает мне, что он не просто напивается там, даже в загуле, он фактически пытается убить себя алкоголем. Действительно, черт возьми, убивает себя.

Боль потрескивает между нами, как будто это живое, дышащее существо, и это возвращает все, что я чувствовала до того, как Деймон снова ворвался в мою жизнь.

Чувство вины разливается по моим венам, как яд, когда я думаю о том, что была внизу, была так счастлива его возвращению, все то время, пока мой брат был здесь, наверху—

— Это правда? — рычит он, его голос грубый, невнятный и едва похожий на тот, с которым я так хорошо знакома.

Мои брови сводятся, когда я пытаюсь понять, о чем он спрашивает.

— Д-да, он внизу, в своей квартире. Это—

— Ты трахаешься с ним?

У меня отвисает челюсть от злобной нотки в его голосе.

— Э-э... — Я заикаюсь. — Это больше, чем... — Прежде чем у меня появляется шанс попытаться объяснить, что я нашла в Деймоне, дверь Нико захлопывается, захлопываясь прямо у меня перед носом. — НИКО, — кричу я, мой гнев на его отношение и легкость, с которой он способен вычеркнуть меня из своей жизни, выплескивается наружу, и я возвращаюсь, чтобы обрушить ярость на его дверь.

— Ангел. — Мягкий голос Деймона проникает в меня, мгновенно останавливая мои движения.

Оборачиваясь, у меня перехватывает дыхание, когда я нахожу его рядом с Тео, который выглядит готовым поймать его в любой момент, если его тело сдастся.

— Он просто— я запинаюсь, не в силах озвучить то, что он только что сделал.

— Я знаю, Красавица. Мы были здесь. — Быстрее, чем я видела, чтобы он двигался с тех пор, как я вернула его, Деймон бросается вперед, Тео следует за ним по пятам, пока он не оказывается достаточно близко, чтобы заключить меня в свои объятия, прижимая меня крепче, чем, я уверена, он должен. — Все будет хорошо.

Я прерывисто вдыхаю, слезы балансируют на моих ресницах, я отчаянно хочу упасть, но в равной степени слишком упряма, чтобы сделать это из-за дерьмового отношения моего брата.

— Ему просто нужно время, — уверяет меня Тео, и в его голосе звучит гораздо больше сочувствия, чем я когда-либо думала, что он способен. — Он злится не конкретно на тебя, Калли. Он просто зол на весь мир за то, что он забрал вашего отца.

— Разве он не думает, что я тоже? — спорю я.

— Сейчас он не видит ничего, кроме своего горя. Ему просто нужно справиться с этим, и все, что мы можем сделать, это быть здесь и показать ему, что мы никуда не денемся.

Я проглатываю свое беспокойство по поводу всей ситуации, но не могу избавиться от следующей мысли, которая лезет мне в голову. — А что, если он не сможет?

— Он так и сделает. У него есть работа, которую нужно выполнять, и Семья, которой нужно помогать управлять. Он увидит сквозь опустившееся темное облако и скоро это поймет.

Деймон притягивает меня к себе, в то время как Тео подходит с другой стороны, и, бросив последний взгляд на дверь Нико, они ведут меня к лифту и обратно вниз, к остальным, которые с тревогой ждут в квартире Деймона.

— Он что, трахался, — предполагает Стелла, бросив один взгляд на мое лицо, когда меня ведут обратно в комнату.

— Он ответил. Потребовал сказать, трахаюсь ли я с Деймоном, а затем захлопнул дверь у меня перед носом.

Лица всех моих друзей искажены гневом, и, хотя я могла бы быть благодарна им за поддержку, на самом деле я просто хочу, чтобы Нико впустил меня и позволил мне помочь ему пройти через это. Черт возьми, я бы согласилась, чтобы он впустил кого угодно прямо сейчас, если бы это означало, что они могли помочь ему исцелиться.

— Все еще слишком свежо. Я знаю, тебе не нужно, чтобы я рассказывал тебе, как тяжело терять родителей. Но Эван был для Нико намного больше, чем отец. Он был его главным героем, Калли, — говорит Себ. — Это задевает по-настоящему глубоко.

— Я знаю. Я понимаю, я делаю это, я просто хочу... — Я замолкаю, потому что ничего из этого не нужно говорить. Я вижу одно и то же желание на всех их лицах.

— Ему просто нужно впустить Бри. Я не сомневаюсь, что у нее есть лекарство, в котором он сейчас нуждается, — язвит Джоди.

— Ты хочешь сказать, что она высосет это прямо из него? — невозмутимо спрашивает Эмми.

— Серьезно? — Шиплю я, счастливо устраиваясь на коленях Деймона еще раз и сворачиваясь калачиком в его тепле.

Мое сердце болит из-за моего брата, и горе все еще бушует в моем теле из-за потери нашего отца, но когда руки Деймона снова обвиваются вокруг меня, все кажется намного более возможным.

Я незаметно кладу руку на живот. Тайный трепет возбуждения проходит через меня, когда я думаю о нашей реальности.

То есть до тех пор, пока чувство вины не возьмет верх. Мне нужно сказать ему, это очевидно. Я просто... Мне нужно подходящее время. И это не тогда, когда в его квартире полно других людей.

Из коридора доносится грохот, обрывающий все разговоры, и все взгляды устремляются в коридор, ведущий к спальням.

Шаги Анта становятся громче, прежде чем он появляется, его глаза расширяются, когда он замечает количество людей, заполняющих гостиную Деймона.

— Э-э... — хмыкает он, поднимая руку, чтобы потереть затылок, но его движения замедляются, когда рука оказывается на полпути, поскольку боль берет верх над ним.

В отличие от Деймона, он все еще без рубашки, демонстрируя картину из синяков и порезов на своем торсе.

— Привет, — говорит он, на его губах появляется кривая улыбка. — Как дела?
Тишина.

— Я просто собирался попить.

— Чувак, присоединяйся к нам, — подбадривает Деймон, и Ант нервно оглядывает комнату.

— Он прав. Похоже, что теперь ты одна из нас, — соглашается Тео, поднимая Эмми со своих колен и подталкивая ее вперед, когда он встает, чтобы Анту было где сесть. — Это Себ, Стелла, Тоби, Джоди и моя девочка Эмми, — говорит он, представляя всех, хотя Ант, вероятно, более чем в курсе.

— С-спасибо, — заикается он, медленно продвигаясь к свободному месту, как будто ожидая, что кто-то скажет ему, что это была шутка.

Хлопок входной двери отвлекает все наши взгляды от Анта, и лишь мгновение спустя Айла врывается в комнату, ее глаза обшаривают всех нас, прежде чем с подозрением остановиться на нашем новом дополнении.

— И ты не подумал сказать мне, что у вас вечеринка? — издевается она.

— А это Айла, — протягивает Деймон. — Хотя, наверное, лучше держаться от нее подальше, она известна тем, что поедает мужчин живьем.

— Какого хрена, Ди? — усмехается она, направляясь на кухню, чтобы налить себе

выпить.

— Что ты хочешь выпить? — Эмми спрашивает Анта.

— Все, что есть в холодильнике, если ты не против. Никакого алкоголя. Эти обезболивающие уже надирают мне задницу.

— Итак, — начинаю я, более чем готовая разрушить неловкое напряжение в комнате, — вы слышали о маленьком опыте Алекса и Анта в душе?

— Заткнись на хрен, малышка Си, — ворчит Алекс. — Мы не принимали душ вместе, — указывает он, когда Стелла и Эмми немедленно проявляют интерес к этой маленькой истории.

— Поговори с мамой, и ты услышишь совсем другую историю. Я слышал, ты хорошенько почистил ему яйца, — невозмутимо говорит Деймон, заставляя меня расхохотаться.

— Знаешь, иногда я тебя чертовски сильно вас ненавижу, — шипит Алекс, поднося бутылку пива к губам. — Я тоже заказал вам всем гребаную мексиканскую еду.

— Просто показывает, как мало экшена ты видел, если хочешь принять душ с чуваком, чувак. Без обид, Ант. Я уверен, что у тебя отличные яйца и все такое, — поддразнивает Тоби.

— Это вина Калли, — ворчит Алекс.

— Даже не думай об этом, — предупреждаю я. — Я никогда не говорила, что ты не можешь пойти и трахнуть любую желающую девушку, которую сможешь найти, только потому, что заботишься обо мне.

— Немного невнимательно, тебе не кажется?

— У всех нас есть потребности, Э, — бормочет Деймон. — Я просто рад, что ты не пытался использовать мою девочку, пока она была на твоём попечении.

— Нет, я знал, что ты вернешься, — с гордостью заявляет Алекс.

— Ни хрена, — бормочу я. — Ты был так же шокирован, как и я, когда он, спотыкаясь, вошел в парадную дверь.

— Неважно. — Алекс оглядывает комнату, на его лице появляется хмурое выражение. — У меня даже нет ведомых, если бы я захотел выйти и потрахаться. Вас, ублюдков, всех отхлестали. А ты, — он пронзает Анта взглядом, — тебе даже не разрешают выходить поиграть.

— Ты похож на ребенка, у которого отобрали сладости, Деймос, — рычит Айла, садясь на пол.

— К черту сладости. Мне нужна киска.

— Такой очаровательный, — язвлю я, в то время как Айла с отвращением усмехается. — Я с трудом могу понять, почему они не выстраиваются в очередь на улице, чтобы предложить себя.

— Мне нужен Нико. По крайней мере, он все еще понимает.

Тишина пронизывает воздух, когда мы все думаем о члене нашей группы, который в настоящее время находится наверху в одиночестве, утопая в собственных страданиях и, вероятно, водке.

— Когда я буду свободен, я вытащу тебя, чувак, — предлагает Ант.

— О, даже твой парень испытывает к тебе жалость, — рявкает Себ.

— Пошел ты.

— У меня все хорошо, спасибо, моя девушка делает мне приятное и удовлетворяет.

— Серьезно? — бормочет Тоби.

— Ты все еще не смирился с тем фактом, что я регулярно трахаю твою сестру, Тобиас? Я думал, «Аид» заставил бы тебя забыть об этой маленькой проблеме.

— Да, — поддакиваю я. — Что на самом деле произошло той ночью? И когда мы сможем присоединиться к вам?

— Нет, — рявкает Тео. — Абсолютно, блядь, нет.

— О, брось это. Если Тоби справился со своей сестрой где-то поблизости, ты наверняка сможешь забыть это дерьмо с кузенком. Я хочу испытать это.

Горячее дыхание Деймона доносится до моего уха. — Пошли их на хрен, Ангел. Я поговорю с Герой, когда освобожусь, и мы устроим вечеринку на двоих, если тебе интересно.

— Эмм... — Я колеблюсь. Кто знает, когда он сможет снова выйти за парадную дверь, и насколько я могу быть беременна? Последнее, что он, вероятно, захочет сделать, это связать меня и проделать со мной весь свой злой замысел. Я буду вся опухшая, толстая и отвратительная.

Подшучивание между нами всеми продолжается часами. Все, кроме Деймона, Анта и меня, счастливо напиваются. К счастью, все принимают мое оправдание желанием быть трезвой, чтобы я могла присмотреть и за Деймоном, и за Антом, которые теперь вполне в состоянии позаботиться о себе сами, но это было все, что у меня есть.

Мы говорим обо всем, начиная с недели в школе, которую пропустили Алекс, Деймон и я, и заканчивая финальным футбольным матчем сезона завтра вечером, который может принести Тео чемпионский трофей, которого он жаждал весь год.

К тому времени, как все уходят, Деймон едва может держать глаза открытыми. Оставляя беспорядок и объедки на завтра, я запираю дверь за нашими гостями, выключаю свет и направляюсь в комнату Деймона.

Завернув за угол, я обнаруживаю, что он разделся до боксеров и лежит в отключке на спине на кровати. Звук его мягкого храпа наполняет комнату, и все, что я могу сделать, это стоять там и улыбаться.

Не беспокоясь о том, что меня поймают, я поднимаю обе руки к своему плоскому животу, когда внутри снова вспыхивают бабочки.

— У меня внутри твой ребенок, Николас, — шепчу я так тихо, что сомневаюсь, что он даже услышал бы меня, если бы не спал. — И я не могу дождаться, когда увижу, как ты держишь его на руках.

19

ДЕЙМОН

Когда я просыпаюсь, то снова вижу пустую кровать и солнце, пробивающееся сквозь щель в занавесках.

Я переворачиваюсь, не желая оставаться здесь в одиночестве дольше, чем необходимо, и я потрясен тем, как легко мое тело подчиняется. Кто знал, что сон обладает такими целебными свойствами?

Я отхожу в туалет, чищу зубы и включаю душ.

Оглядываясь через плечо, я представляю Калли, входящую в дверь, чтобы присоединиться ко мне, и мой член возбуждается.

Вчера наблюдать, как она оседлала меня, было всем, но это только поцарапало поверхность моей потребности наверстать упущенное время с ней.

Возвращаясь в спальню, я беру новый телефон, которым снабдил меня Тео, поскольку

мой черт знает где. Гребаный ботаник даже сумел убедиться, что это прямая копия того, который я потерял — все мои фотографии, мои контакты, все здесь. Заботливый придурок.

Я с улыбкой вспоминаю свой последний разговор с Калли, и мое сердце сжимается, когда я нахожу сообщения, которые я отправлял ей после того, как мы вернулись от моих бабушки и дедушки.

Фиксируя эти не слишком запоминающиеся моменты, я начинаю печатать.

Деймон: Есть шанс, что ты могла бы мне кое с чем помочь?

Я спешу обратно в ванную, спускаю боксеры с бедер и встаю под струю.

Я не утруждаю себя тем, чтобы прикрыть свои бинты, я почти уверен, что все зажило достаточно, чтобы не быть проблемой сейчас, хотя, если я ошибаюсь, что-то подсказывает мне, что у мамы не будет проблем с тем, чтобы наложить мне новые. Или даже Калли, если уж на, то пошло, когда она врывается в дверь через несколько секунд.

За шумом воды я почти различаю щелчок открывающейся двери спальни.

— Что случ— ох, — говорит она, дверной проем темнеет, поскольку ее тень заполняет пространство перед тем, как она появляется.

Ее темные волосы собраны на макушке в неряшливый пучок, и сквозь них продет розовый карандаш. Все, что ей нужно, — это очки, и она будет выглядеть как горячая маленькая ботаничка.

И снова на ней одна из моих толстовок с голыми ногами, выглядывающими из-под низа, но сегодня ей, должно быть, холодно, потому что на ней пара моих носков Knight's Ridge, натянутых до колен.

— Черт возьми, Ангел. Ты выглядишь как грех, — бормочу я, обхватывая рукой свой болезненно твердый член, медленно двигаясь, продолжая упиваться ее видом. — Скажи мне, что ты голая под моей толстовкой.

— Что случилось? В твоём сообщении говорилось, что тебе нужна помощь. Что—

Ее глаза опускаются на мой член, а губы образуют идеальный круг, пока я показательно дрючу себе.

— Да, мне действительно нужна твоя помощь кое в чем, К расавица. Думаешь, ты могла бы встать на колени и помочь мне с этим?

— Я так понимаю, тебе лучше?

— Как новенький и отчаянно нуждаюсь в своей девушке. Так что ты скажешь?

— Я училась с Антом.

— И? Он большой мальчик, я уверен, что с ним все будет в порядке в течение нескольких минут, когда он побудет один.

— Несколько минут. Ты точно знаешь, как доставить удовольствие девушке.

— Ангел, обхвати своими сочными губами мой член, и тебе повезет, если мне потребуется минута, чтобы отсосать.

— И что мне это даст? — спрашивает она, делая шаг вперед, ее глаза поднимаются, чтобы снова встретиться с моими.

— Ну, как только ты снимешь этот груз с моих яиц, я почти уверен, что смогу трахать тебя так медленно, как ты захочешь, столько, сколько ты сможешь вынести, пока ты не начнешь выдыхать мое имя и умолять об освобождении достаточно громко, чтобы все здание могло слышать твои крики.

Она делает вид, что обдумывает мои слова, прежде чем шепчет: «Это, конечно, заманчиво. Я и понятия не имела, что у Бэтмена столько выносливости».

— О, Ангел. У него есть больше, чем ты когда-либо могла себе представить.

— Конечно, было бы жаль не испытать это.

Я с трудом сглатываю, когда она стягивает мою толстовку с капюшоном вверх по своему телу, снова открывая лишь пару крошечных черных кружевных трусиков. Ткань зацепляется за карандаш, о котором она, очевидно, забыла, что он у нее в волосах, и я стою там и смотрю, как подпрыгивают ее сиськи, пока она борется с ним.

— О, черт возьми, — бормочет она, прежде чем, наконец, высвободиться и раздраженно швырнуть ткань на пол.

Я не могу не улыбнуться ей, когда она поднимает ногу, чтобы снять носок.

— Подожди, — кричу я. — Только трусики.

Она замирает и смотрит на меня с милейшим озадаченным выражением на лице.

— Ты хочешь, чтобы я оставила носки надетыми?

— Черт возьми, да. Это чертовски горячо.

— Хорошо, — шепчет она, засовывая большие пальцы за края трусиков и спуская их вниз по ногам, одновременно слегка сексуально покачивая бедрами.

— Теперь иди сюда, мне нужны твои губы на мне.

Желание затуманивает ее глаза, когда она направляется ко мне прямо в душ.

Неверно истолковав мои слова, она подгибает колени, готовая опуститься на пол, но я ловлю ее за волосы, прежде чем она падает.

— Пока нет, — ворчу я, притягивая ее к себе и крадя столь необходимый поцелуй.

Она стонет, когда мой язык поглаживает ее, а руки блуждают по ее телу.

Все, что находится за пределами комнаты, исчезает, и я теряю себя в моей девочке, во всем, что она мне дает. Ее свет, ее невинность, ее любовь.

Я целую ее, пока у нас обоих не перехватывает дыхание, и как только наши груди вздымаются, а тела молят о большем, я отстраняю ее и опускаю глаза вниз по ее изгибам.

— Теперь ты можешь встать на колени, Ангел.

Ее зубы впиваются в нижнюю губу, когда она соблазнительно смотрит на меня сквозь ресницы.

— Ты говоришь мне такие приятные вещи, — поддразнивает она.

— Я могу быть милым, но прямо сейчас я хочу, чтобы мой член был так глубоко в твоем горле, что ты не знаешь, где кончаюсь я и начинаешься ты, и я хочу смотреть, как ты глотаешь мою сперму, прежде чем я наклонюсь над тобой и наполню ею твою киску еще больше.

— Черт, — выдыхает она, румянец, который уже распространился по ее груди, разгорается еще ярче.

— Они не зря называют меня Дьяволом, Красавица. — Она закатывает глаза, когда я игриво подмигиваю ей, но, к счастью, она подчиняется и ни секундой позже опускается на колени, не теряя времени, делая в точности то, что ей было сказано.

— Черт возьми, да, — рявкаю я, когда бью ее сзади по горлу.

Она все время смотрит на меня снизу-вверх, напоминая мне, какой я счастливый ублюдок, что получил второй шанс в жизни с моей девочкой.

Как я и предупреждал, я кончаю возмутительно быстро. Но в равной степени, как я и обещал, после еще одного влажного и грязного поцелуя я требую, чтобы она прижала ладони к плиткам и выставила задницу. Я ем ее, пока у меня снова не встает, затем я трахаю ее долго и медленно, пока она не начинает дрожать в моих руках, а ее ноги угрожают

подогнуться, когда она умоляет, хнычет и кричит на меня, чтобы я позволил ей кончить.

К тому времени, как я снова разворачиваю ее, прижимаю к холодной кафельной стене и позволяю ей попробовать себя на моем языке, она обмякла и насытилась.

Моя потребность в ней означает, что вскоре я начинаю тереться членом о ее бедро. Мое пристрастие к этой девушке не знает границ.

— Снова? — выдыхает она, когда я опускаюсь губами к ее шее.

— Ты понятия не имеешь, — признаюсь я. — У меня больше недели не было ничего, кроме мыслей о том, чтобы снова вернуться к тебе и все то, что я хотел с тобой сделать. Мое желание исполнилось, ты снова в моих объятиях, теперь я хочу поработать над своим воображением.

— Ну, кем бы я была, если бы остановила тебя? — она стонет, когда я покусываю ее нежную кожу.

Обхватив ее ногу вокруг своего бедра, я оставляю ее стоять на другой ноге, понимая, что перенос ее веса, возможно, прямо сейчас выходит за мои пределы, и направляюсь к ее входу.

Стон, который срывается с ее губ, когда я снова толкаюсь в нее, — это не что иное, как чистая грязь, и я поглощаю ее, как будто меня всю жизнь морили голодом.

— Ты, блядь, разрушаешь меня, Ангел.

— Николас, — кричит она, двигая бедрами вперед, чтобы принять меня глубже.

— Поиграй со своим клитором, Красавица. Я хочу снова почувствовать, как ты кончаешь на мой член.

Я наблюдаю, как ее рука опускается вниз по ее животу, прежде чем ее вздох пронесется мимо моих ушей, когда она находит свой набухший клитор. Она сжимает меня так крепко, что мне приходится стиснуть зубы, чтобы не взорваться. Вот и все, что нужно для того, чтобы она сняла напряжение.

— Вот и все, Красавица. Возьми мой член, как хорошая девочка.

— Да, да, — плачет она. Ее опасения по поводу того, что нас услышат, давно забыты.

Пальцы ее свободной руки запутываются в моих волосах, и она притягивает мой рот к своему, чтобы поцеловать меня, когда мы оба достигаем кульминации.

— Черт. Ангел?

— Да, — выдыхает она.

— Просто чтобы ты знала, я никогда не позволю тебе покинуть эту квартиру, — честно говорю я ей в шею.

— Что? Когда-либо?

— Если только, — бормочу я.

Отстраняясь, я смотрю в ее прикрытые глаза, чтобы она могла увидеть серьезность моих следующих слов.

— П-п-переезжай ко м-м-мне.

— Что? — задыхается она.

— Я н-н-никогда больше не хочу быть в-в-вдали о-от тебя. И т-ты не можешь сказать мне, что т-ты хочешь вернуться домой, т-ты фактически живешь в этом здании больше недели, насколько я слышал.

— Да, так и есть. Я просто никогда не думала... — Ее взгляд отводится от моего, когда она прикусывает нижнюю губу.

— Ч-что это? — Спрашиваю я, мое сердцебиение снова учащается, но по совершенно другой причине. — Р-разве ты не х-х-хочешь?

Ее глаза возвращаются к моим, и что бы она ни прочла на моем лице, все ее тело сжимается от сожаления.

— О, Николас, — выдыхает она, беря мои щеки в свои ладони, в то время как по моим венам струится страх, что она относится к этому не так серьезно, как я. — Да.

— Д-да?

— Да, Николас. Сто раз да. Мне просто интересно, когда мы сможем получить все это место в свое распоряжение.

— Я разберусь с этим, — уверенно говорю я, но это не производит того эффекта, на который я надеялся, потому что она все еще выглядит немного так, как будто ее щенок только что умер.

— Поговори со мной, Ангел. Что происходит?

— Все, — говорит она с болезненным смехом. — Так много изменилось за последние две недели. За этим просто трудно угнаться.

— Я не могу представить, через что ты сейчас проходишь, и я не собираюсь даже пытаться. Но я здесь. Что бы это ни было, что бы тебе ни было нужно, — я обвиваю рукой ее шею и прижимаюсь своим лбом к ее лбу, — я прямо здесь.

— Мне нужно... Мне нужно, чтобы это были просто мы, — тихо говорит она мне.

— Тогда я сделаю так, чтобы это произошло, обещаю. — Что-нибудь еще?

— Я действительно голодна, — признается она, заставляя меня смеяться.

— Ты хочешь, чтобы я приготовил для тебя, Ангел?

— Ты готов к этому? — спрашивает она, кладя руки мне на плечи и с надеждой глядя на меня.

— После этого я чувствую, что могу сделать все.

Приподнимаясь на цыпочки, она целует меня в нос и тянется за гелем для душа.

Я наблюдаю за ней, нахмутив брови. Есть что-то еще, я знаю, что есть. Я откладываю это в сторону, когда она движется ко мне с мочалкой, извергающей пузыри, надеясь, что что бы это ни было, она скажет мне, когда будет готова.

***

— Ты уверена насчет этого? — спрашивает Калли, переплетая свои пальцы с моими, глядя на меня со смесью страха и возбуждения, борющихся в ее глазах.

— Да, — вздыхает Эмми позади меня. — Он сказал, наверное, шестьдесят миллиардов раз, что все в порядке. Теперь пойдём. Я не хочу пропустить начало.

— Для того, кто ненавидит футбол, ты, похоже, внезапно прозрела, — отмечает Стелла.

— По крайней мере, я называю это правильно, Янки, — издевается Эмми. — Это футбол. Ты знаешь... фут-бол. — Она имитирует удар по мячу. — Как вы, ребята, решили, что игра, в которой вы бросаете мяч, должна иметь такое же название, одному Богу известно. Она в отчаянии разводит руками.

— Ты говоришь совсем как те парни, — замечаю я с весельем.

— Нет, я этого не делаю, я... К черту все это. Мы можем просто уйти прямо сейчас? Мы купили тебе специальный топ и все такое.

Мой взгляд падает на черную толстовку, которую она носит, и примерно в десятый раз с тех пор, как она ее надела, я разворачиваю ее к себе.

Я не видел платьев, которые Калли сшила для всех, когда они впервые играли с All Hallows, но я много слышал от ребят. Тогда я действительно не понимал их восторга. Но

прямо сейчас, глядя на мою девушку с моим именем на спине и на попытку девушек пошутить, присвоив мне номер позиции 666, волна собственничества захлестывает меня с такой силой, что все, что я хочу сделать, это затащить ее в свою спальню и овладеть ею снова.

Я держу ее за плечи, глядя на медный текст, объявляющий всем, кому не все равно, что она моя. Даже если для внешнего мира я исчез с лица земли, это утверждение о том, кому она принадлежит, чертовски важно.

Притягивая ее обратно к своему телу, я шепчу ей на ухо: «Не снимай это позже. Мне нужно будет трахнуть тебя сзади, пока ты носишь мое имя».

— Теперь это идея, — объявляет Стелла. — Чем скорее мы уйдем, тем скорее он будет скучать по тебе и строить планы, чтобы обеспечить тебе убийственную ночь.

— Вам, ребята, действительно нужно помнить, что у вас в доме гость, — подхватывает Ант.

— О, Ант. Они затрудняют твое пребывание? Каламбур совершенно преднамеренный, — съязвила Эмми.

— Было намного спокойнее, когда он не функционировал в полную силу, — бормочет Ант.

— Только потому, что ты был в гребаной коме, чувак, — поддразниваю я.

— Я начинаю видеть положительные стороны этой ситуации.

— Что ж, чем скорее мы похороним твоего дядю, тем скорее ты сможешь выбраться и найти какую-нибудь готовую цыпочку, которая залечит твои шрамы.

— Я бы выпил за это, мужик, — объявляет он, когда Стелла и Эмми вырывают Калли из моих рук и тащат к двери.

— Верните ее мне целой, — приказываю я.

— Будет сделано, Босс. — Стелла отдает мне честь, прежде чем они трое исчезают, оставляя меня наедине с Антом впервые с тех пор, как мы сбежали из ада.

— Вставай, — требую я, заставляя его глаза расширяться от шока. — У меня для тебя сюрприз.

— Э-э...

— О, не смотри так испуганно. Это хороший сюрприз, обещаю.

20

КАЛЛИ

— ВПЕРЕД, РЫЦАРИ, — кричит Эмми во весь голос, когда наша команда выбегает на поле.

Пьянящий азарт игры, к которому я привыкла за годы наблюдения за Нико, Тео и ребятами, пронизывает меня, когда толпа вокруг нас сходит с ума.

Это домашняя игра, поэтому почти каждый ученик Knight's Ridge присутствует здесь вместе с родителями и учителями, все надеются посмотреть, как наши мальчики поднимут трофей в конце вечера.

Возможно, Тео и Нико были одной ногой в Семье во время своего пребывания здесь, но футбол всегда был их отдушиной. Их способ забыть о серьезности своего будущего, своей реальности и просто быть счастливыми, беззаботными мальчиками, которыми они никогда не были.

Очевидно, помогает и то, что они довольно талантливы. Я имею в виду, я не уверена,

что они талантливы на уровне Премьер-лиги, но у них мог бы быть шанс стать профессионалами или, по крайней мере, полупрофессионалами, если бы их будущее не было высечено на камне еще до их рождения.

Я смотрю на своих чрезмерно взволнованных лучших подруг, задаваясь вопросом, что за инопланетянин вселился в тело Эмми, пока она продолжает кричать, словно о кровавом убийстве, Тео, когда он наконец появляется. Это в общей сложности на сто восемьдесят больше, чем скучающая, какого-черта-я-трачу-свое-время выражением лица, которое было у нее, когда мы все ездили в Оксфорд в начале года.

— О Боже мой, — выдыхает Стелла, хватая меня за руку и сильно встряхивает, так что у меня нет выбора, кроме как оглянуться на поле боя.

У меня перехватывает дыхание, когда я замечаю игрока, который только что вышел вслед за Тео из туннеля.

— Нико, — выдыхаю я. — Он пришел.

Я зачарованно наблюдаю, как остальные ребята окружают его и притягивают к себе для групповых объятий.

— Видишь, все будет хорошо, — говорит Стелла, беря меня за руку.

— Я знала, что он не подведет парней.

— Эй, — кричит женский голос с конца ряда, и когда я оглядываюсь, я вижу Джоди и Брианну, пытающихся протиснуться к нам.

— Привет, — говорит Бри, ловя мой взгляд, как только она оказывается рядом, и одаривает меня мягкой, понимающей улыбкой.

— Нико пришел, — радостно сообщаю я ей.

— Мы знаем. Мы привели его.

У меня от шока отвисает подбородок.

— Отказалась отойти от его двери, пока он не возьмет себя в руки и не пойдет с нами.

Я не слишком нежно отстраняю Эмми с дороги и обнимаю Брианну.

— Спасибо тебе, — выдыхаю я ей на ухо.

— В любое время. Как дела?

— Хорошо.

— А Деймон? — тихо спрашивает она.

Я отстраняюсь, качая головой, и широкая улыбка расплывается на моем лице. — Невероятно. Это просто... Я была слишком напугана, чтобы желать этого, и я все еще не могу в это поверить, но это просто... — Я замолкаю, не в силах точно объяснить, что я чувствую, когда он вернулся.

— Ты сказала ему...

— Нет, пока нет. Я не нашла подходящего времени.

— Возможно, его и не будет. Возможно, тебе просто нужно — Раздается свисток, и толпа снова погружается в безумие, прерывая наш разговор с началом игры.

Я возвращаюсь в свое пространство между Эмми и Стеллой, но не раньше, чем Джоди замечает мою толстовку.

— Обожаю твой номер, — кричит она, показывая мне свою спину, на которой гордо изображены имя и номер Тоби.

Как бы я ни была расстроена тем, что у меня не было возможности сделать это самой для девочек, мне нравится, что со мной есть немного Деймона.

Лезу в карман, достаю телефон и нахожу наш чат.

Калли: Скучаю по тебе. * Эмоджи в виде сердечка * Все в порядке?

Дьявольский мальчик: Все в порядке. Перестань беспокоиться и наслаждайся. Мы уже побеждаем?

Я поднимаю глаза, наблюдая, как Тео направляется к воротам. Себ и Алекс бегут по другой стороне поля к штрафной.

Калли: Пока нет, но Нико играет. Джоди и Бри притащили его сюда.

Дьявольский мальчик: Это потрясающе. А теперь наслаждайся!

Калли: Такой требовательный.

Дьявольский мальчик: Ты это знаешь.

Толпа взрывается, и трибуна подо мной вибрирует, когда Knight's Ridge празднует первый гол этой ночи.

— Кто забил? — спрашиваю я, не уловив, кто из наших игроков находится внизу кучи тел.

— Ты даже не смотрела, — отчитывает Эмми.

— Это был Тео, — услужливо добавляет Стелла.

— Сегодня вечером он получит мои лучшие навыки, если принесет этот кубок домой.

Я снова смотрю на Эмми так, словно у нее выросла вторая голова, но, когда ребята возобновляют игру, я думаю, что к черту все. Она счастлива, мой мальчик вернулся, Нико покинул свою квартиру, а дядя Дэмиен и ребята собираются разобраться с итальянцами. Я должна верить, что всего этого будет достаточно, чтобы наши жизни скоро вернулись к некоему подобию нормальности.

Игра проходит в череде голов с обеих сторон во время дуэли, обе команды равны по силе, но в итоге, как и в прошлый раз, когда они встречались, мы украли победу в последние несколько минут игры, принеся Тео победу и титул, которого он жаждал годами.

Я могу только надеяться, что это только начало успеха для всех них. Поскольку наши экзамены начинаются всего через несколько недель, а угроза со стороны итальянцев опасна и реальна, как никогда, я думаю, нам понадобится вся удача, на которую мы способны.

Я в восторге, наблюдая, как ребята празднуют на поле. Все внутри меня умоляет быть там, внизу, иметь возможность прыгнуть в объятия Нико и заверить его, что все будет хорошо.

Но я не могу.

Волнение бурлит в моих венах, когда я смотрю, как Тео поднимает трофей, в то время как остальная команда прыгает вокруг него, скандируя за своего капитана.

Эмми, Стелла, Джоди и Брианна кричат о своих мальчиках, шокируя толпу вокруг нас грязными обещаниями лучшей ночи в их жизни, как только они вернутся домой позже. Если бы не выражения лиц окружающих нас людей, я мог бы слегка ужаснулась, но сейчас я не могу перестать смеяться.

В конце концов, возбужденная толпа начинает редеть, и парни исчезают в раздевалке.

— Боже мой, это было безумие, — восклицает Стелла с широкой улыбкой на губах.

— Мне нужно выпить, — объявляет Эмми. — Ты придешь на вечеринку, верно? — спрашивает она, переводя взгляд на меня.

— Э-э...

— Калли, нет. Тебе нужно прийти и отпраздновать.

— О, не волнуйся, я планирую отпраздновать. — Я подмигиваю. — Просто... на расстоянии.

Все четверо смотрят на меня с грустью, но пониманием в глазах.

— Мне нужно вернуться к нему.

— Ладно, хорошо, мы действительно не можем с этим спорить. Но сначала ты спустишься повидаться с ребятами, а потом мы собираемся повторить вечеринку у нас дома в другой день. В конце концов, маленькая птичка сказала мне, что скоро будут дни рождения.

— Правда? — Я стону. Честно говоря, помимо того, что Деймон эффектно отпраздновал свой знаменательный день, я надеялась, что мой может просто остаться незамеченным. У меня сейчас слишком много событий, чтобы думать о том дне, когда моя мать приложила немного усилий и вытолкнула меня.

Гнев разгорается у меня в животе, когда я думаю о недостатке ее заботы и усилий в последние две недели. Я всегда знала, что она эгоистичная сука, но все это действительно открыло мне глаза.

— О, черт возьми, да, мы не позволим этому пройти мимо нас, малышка Си, — радостно говорит Стелла, когда мы направляемся к лестнице.

— Значит ли это, что мы можем отказаться от этого дерьма с малышом Си? Эмми все равно младше, — бормочу я, к ее большому ужасу.

— Возраст — это просто число. Я более зрелая, чем любой из вас, ублюдки, — рывкает девушка, о которой идет речь.

— О, конечно, как скажешь, — бормочет Стелла, когда перед нами появляется толпа, слоняющаяся перед выходом из раздевалки. — Они что, блядь, смеются? — лает она. — Эти тупые сучки уже должны были знать, что эти парни принадлежат нам. Извините меня, — шипит она, отпихивая ничего не подозревающего двенадцатилетнего мальчика с дороги.

Всей группой мы прокладываем себе путь сквозь толпу, пока не оказываемся в центре.

Девушки жалуются, но один злобный взгляд Эмми или Стеллы — и большинство из них благоразумно затыкают рты. С тех пор, как они начали учиться в Найтс-Ридж, обе заслужили репутацию жестоких сучек, и я не могу гордиться этим больше.

Пока мы ждем ребят, у меня в кармане жужжит телефон. Я отправила ему сообщение в ту же секунду, как прозвучал финальный свисток, чтобы сообщить счет, но, хотя он прочитал его, он не сразу ответил. Я сказала себе, что это потому, что он сражался с Антом в Xbox, но это не остановило закрадывающееся беспокойство.

Я знаю, что дядя Дэмиен окружил здание и за ним следят 24/7, но это не останавливает мое беспокойство, что каким-то образом итальянцам удастся проникнуть внутрь и забрать то, что принадлежит мне.

Дьявольский мальчик: Означает ли это, что ты можешь вернуться и отпраздновать со мной? * эмоджи с высунутым языком*

Калли: Скоро. Просто собираюсь поздравить ребят и буду дома. * подмигивающий смайлик*

Дьявольский мальчик: Черт возьми, звучит заманчиво.

На моих губах появляется улыбка при мысли о том, что я всегда буду возвращаться домой, к Деймону. Это просто... это кажется правильным.

Дьявольский мальчик: Ты всегда была моим домом, Ангел.

Мое сердце переполняется, когда я читаю его слова, эмоции подступают к горлу, а слезы обжигают глаза.

— Надеюсь, он не заставляет тебя снова плакать, — шепчет мне на ухо Бри, и я опускаю

телефон, глядя на нее стеклянными глазами.

— Он это сделал, но только в лучшем смысле.

— Я рада, что у тебя все получилось, — говорит она. — Хотя, должна признать, я была настроена скептически, когда обнаружила, что ты убегаешь в тот день.

— Ты был не единственной, — бормочу я. — Но все происходит по какой-то причине, верно? — Я говорю, хотя не могу отрицать болезненный рывок в моем сердце, когда я задаюсь вопросом, и не в первый раз, какова возможная причина того, что мы сейчас вынуждены жить без папы. Похоже, ничто в этом не имеет никакого оправдания.

— Мы можем только надеяться, верно?

Двери открываются перед нами, и любая возможность продолжить наш разговор уничтожается, когда начинаются крики.

— Вау, эти шлюшки действительно хотят член Найтс Ридж, да? — Брианна кричит мне в ухо.

Бросая на нее взгляд, я ухмыляюсь. — А ты не хочешь?

— Каллиста Чирилло, я понятия не имею, о чем ты говоришь, — выдыхает она, как будто мое предложение шокирует ее. Однако я вижу правду. Это ярко светится в ее глазах, как, я уверена, и моя любовь к Деймону в моих.

— Его будет нелегко расколоть, если ты серьезно, — кричу я.

— Серьезно? Не, Калли. Я ни к чему не отношусь серьезно, когда дело касается твоего брата, кроме кричащих оргазмов, которые он способен раздавать, как сладости.

— Знаешь, иногда тебе действительно не нужно быть такой честной.

Она разражается смехом, когда меня отталкивают в сторону.

Оглядываясь, я наблюдаю, как Эмми и Стелла бросаются вперед и прыгают в объятия Тео и Себа.

Следующим появляется Тоби, и Джоди убегает, пока толпа кричит.

— Держу пари, что эти голодные девчонки никогда не думали, что доживут до того дня, когда их любимые рыцари отдадут свои яйца и сердца, — бормочет Брианна мне на ухо.

— Скорее всего, нет. К счастью для них, в команде больше членов.

Она смеется, но вскоре смех обрывается, когда Нико появляется позади трех пар, которые совершенно не обращают внимания на огромное количество людей, которые наблюдают за их КПК.

— Черт, он выглядит диким, — шепчу я себе под нос. — Иди к нему. Я толкаю Брианну локтем в ребра, но она не двигается.

— Прямо сейчас ему нужна не я.

Зажав руку у меня между лопатками, она толкает меня вперед до тех пор, пока у моих ног не остается выбора, кроме как следовать приказам.

Я останавливаюсь прямо перед моим братом и смотрю в его темные глаза.

Остальная часть команды выходит из раздевалки и исчезает среди отчаянных девушек позади нас.

— Хорошая игра, брат.

Он смотрит на меня сверху вниз, выражение его лица совершенно пустое и нечитаемое в течение нескольких секунд, прежде чем он, наконец, сдается и дает мне лишь проблеск боли, с которой он пытается справиться.

— Спасибо, сестренка, — шепчет он, прежде чем заключить меня в свои объятия.

Его хватка на мне такая крепкая, что мне приходится бороться, чтобы вдохнуть

необходимый мне воздух, поскольку его объятия продолжают дольше, чем обычно было бы приемлемо.

Мир вокруг нас продолжается, но шум волнения стирается, когда наша боль сливается воедино, и мы цепляемся друг за друга.

— Мне жаль, — выдыхает он мне в ухо.

Я киваю, слишком подавленная, чтобы быть в состоянии ответить.

Когда он наконец отстраняется, я быстро вытираю слезы, которые без разрешения потекли из моих глаз, чертовски надеясь, что они не испортили мой макияж.

— Ты идешь на вечеринку? — спрашиваю я своего брата.

По традиции после финальной игры года почти весь шестой класс устраивает вечеринки Knight's Ridge в лесу за школьной территорией.

Вас ждет огромный костер, барбекю, музыка и, что самое главное, для всех присутствующих — больше алкоголя, чем они могут выдержать.

Это что-то вроде обряда посвящения — пойти и облажаться перед старшеклассниками, у которых экзамены не за горами. И я уверена, что это то, о чем Нико мечтал годами, и, очевидно, после сегодняшнего выступления и похищения трех парней у него будет целая очередь девушек, желающих его внимания. Алекс тоже.

Мысль о том, что у них обоих будет хорошая ночь после всего дерьма, через которое они прошли, вызывает улыбку на моем лице.

Бросая взгляд через плечо Нико, я ловлю взгляд Алекса, наблюдающего за нами, и моя улыбка становится шире.

— Не, я просто собираюсь отправиться домой. Я на самом деле не в настроении общаться с людьми. Ты?

Я качаю головой, меня охватывает печаль из-за того, что он собирается сбежать сегодня вечером. — Ты должен пойти. Ты это заслужил.

— Малышка Си, — поет Алекс после того, как прерывает разговор, который он вел с Тоби и Джоди. Он подхватывает меня на руки и кружит. — Мы гребаные чемпионы. — Его улыбка широкая, его счастье заразительно. — Конечно, это заслуживает поцелуя, — поддразнивает он.

— Да, ты прав, — соглашаюсь я, шокируя его.

Хлопая ладонями по его щекам, я заставляю его губы поджаться для меня, его глаза сверкают злым умыслом, когда я наклоняюсь, но в последнюю минуту я оставляю влажный поцелуй на его лбу.

— Малышка Си, — вздыхает он. — Ты дразнишься, — надувает он губы, опуская мои ноги обратно на пол.

— И ты слишком хорошенький, чтобы быть убитым собственным братом.

Кашель в горле позади меня заставляет меня оглянуться, и когда я это делаю, я обнаруживаю, что взгляд Нико прикован к моей спине.

— Милая толстовка, — бормочет он.

— Эм... Спасибо. — Вокруг нас троих возникает неловкость. — Ты действительно не идешь на вечеринку? — Я спрашиваю снова.

— Какого хрена, чувак? Ты должен прийти. Ты мой ведомый, — возражает Алекс.

Нико некоторое время изучает его, прежде чем его плечо опускается, и он опускает голову.

— Прости, я просто собираюсь—

— Тебя подвезти домой? — Предлагаю я, заставляя его снова взглянуть на меня из-под ресниц.

— Э-э...

— Увидимся завтра, хорошо? — Говорю я, поворачиваясь к Алексу. — Веди себя хорошо и повеселись. И будь в безопасности, — быстро добавляю я.

— О, здравый совет, Калли, — бормочет он с ухмылкой, достаточно тихо, чтобы Нико не услышал. Хотя, когда я оглядываюсь, я вижу, что он идет в направлении автостоянки.

— Осторожно, позиция Крестного отца еще не определена, — язвительно замечаю я поворачиваясь обратно к Алексу.

— О, отвали, это мое, и ты это знаешь.

Я пожимаю плечами. — Слишком рано говорить.

— Я думаю, это так, учитывая, что папа все еще ничего не знает. — Он пронзает меня взглядом.

— Не начинай, — бормочу я.

— Калли, если ты не сделаешь это в ближайшее время, то это сделаю я, — предупреждает он.

— Даже не думай об этом. — Я прищуриваю глаза в надежде, что он сможет увидеть таящуюся в них опасность.

Но когда он просто смотрит на меня в ответ, я понимаю, что, вероятно, я далеко не так страшна, какой должна быть, чтобы повлиять на него.

— Ладно, как скажешь. Спокойной ночи, хорошо? Постарайся не подхватить герпес или что-то еще. — Я ухожу в том направлении, где исчез Нико, с улыбкой на лице.

— Я тоже люблю тебя, Калли.

— Да, да, — кричу я, прежде чем развернуться и послать ему воздушный поцелуй.

Я догоняю Нико, когда он смотрит на оставшиеся машины.

— Где твоя? — спрашивает он, выглядя смущенным.

— Все еще у мамы и папы — у меня есть машина Деймона, — объясняю я, меняя тактику.

— У тебя есть... Иисус, Калли. У меня такое чувство, что я даже не знаю, кто ты прямо сейчас.

Его слова разрывают мое сердце надвое.

Но он снова уходит, прежде чем я отвечаю, заметив Audi Деймона несколькими рядами ниже.

Я открываю его, когда он подходит ближе, и смотрю, как он опускается на пассажирское сиденье и откидывает голову назад.

— Я все тот же человек, Ник, — уверяю я его. — Я просто—

— Как долго ты трах— встречаешься с ним?

Я глубоко вздыхаю, совершенно не готовая объяснить моему старшему брату все, что произошло между мной и Деймоном.

— Это началось на Хэллоуин. Но я не знала, кто он такой, на нем был костюм и—

— Видишь. Калли, которую я знаю, никогда бы не сделала ничего подобного.

— Нико, Калли, с которой ты жил все это время, была подавлена до такой степени, что едва стала личностью. Ты когда-нибудь задумывался о том, что только сейчас я по-настоящему становлюсь самой собой? Я никогда не хотела, чтобы меня запирали, держали как можно дальше от всего и заворачивали в такое количество ваты, что я едва могла

дышать.

— Деймон он... каким-то образом он это понял и предложил мне способ освободиться, быть собой, принять то, чего я действительно хочу.

— И это он? Из всех, кого мы знаем. Это Деймон?

— Да, Нико. Так и есть. Он—

— Темный. Извращенный. Опасный?

— Ну, да, — соглашаюсь я со смехом. — Но это едва касается поверхности. Это солдат, которого он показывает миру, но за закрытыми дверями он... милый, заботливый, уязвимый.

— Я поверю тебе на слово, — издевается он.

— Чувак, ты ни хрена не отличаешься. Не думай, что я не помню, как ты плакал, когда впервые смотрел со мной *«Дневник памяти»*. Ты не совсем крутой до мозга костей.

— Я не плакал, — яростно возражает он, как делает каждый раз, когда я поднимаю эту тему. — Мне что-то попало в глаз.

— Ты полон дерьма, — бормочу я, возвращая машину Деймона к жизни и давая задний ход.

Возможно, я сосредотачиваюсь на том, куда я направляюсь, когда выхожу из этого пространства, но это не значит, что я не замечаю, как покалывает мою кожу.

— Ты странно хорошо выглядишь за рулем его машины.

Деймон, вероятно, сказал бы, что я лучше выгляжу верхом на его члене.

Я не могу удержаться от смеха над собственными мыслями, и когда я бросаю взгляд на Нико, прежде чем завести машину, я замечаю, что он хмурится на меня, как сбитый с толку щенок.

— Что? — спрашиваю я.

— Мы полностью недооценили тебя, не так ли?

Сжимая руль, я нажимаю ногой на акселератор немного сильнее, чем необходимо, и ухмылка растягивает мои губы.

— Ты действительно только сейчас это понял?

— Чертов ад, — вздыхает он, наконец отводя от меня взгляд и сосредотачиваясь на окне.

Тишина, которая воцаряется между нами, наполнена миллионом и одним невысказанным словом, но я думаю, в этом нет ничего необычного, когда дело касается меня и Нико. Я думаю, мы близки. Но поскольку он всегда держал меня на периферии своей жизни, это означало, что между нами всегда была стена.

Я останавливаюсь на светофоре и оглядываюсь еще раз.

Кулаки Нико крепко сжаты на коленях, и когда я подхожу к его лицу, на лбу у него глубокая морщина, а челюсть подергивается.

— Ты знаешь, я действительно люблю его, — выпаливаю я. — Он для меня.

Мои слова мало помогают ему расслабиться. Но когда он поворачивается ко мне, он не говорит ничего из того, что я от него ожидаю.

— Откуда ты это знаешь? Я слышал, как Себ, Тео, а затем и Тоби говорили то же самое в течение последних нескольких месяцев. Но как? Откуда ты это знаешь? — спрашивает он, наконец, немного ослабляя свои барьеры.

— Я... эм... Я не думаю, что на это есть ответ, Ник. Это не решение, которое ты должен принимать, это просто... это чувство, которое похоронено так глубоко внутри, что нет другого выбора, кроме как принять его.

— Почему это Деймон, а не Алекс?

Я не могу удержаться от смеха, когда загорается зеленый свет, и я снова двигаюсь вперед. — В начале всего этого я задавала себе этот вопрос чаще, чем считала возможным. Это просто... это Деймон. Я не знаю. Он заставляет мое сердце биться быстрее и моя—

— Клянусь Богом, если ты скажешь «киска мокрая», я выброшусь из этой машины, независимо от того, как быстро ты едешь.

— Я не собиралась этого говорить, но, возможно, у меня возникнет искушение, когда теперь я знаю, какой будет твоя реакция.

— Я хотел для тебя лучшего, чем эта жизнь, Калли, — признается он.

— Но разве ты не видишь? Это и есть *моя жизнь*. Даже если бы я оказалась с кем-то вроде Джерома, моя жизнь все равно была бы окружена опасностью, насилием и риском смерти того, кого я люблю в любой момент. Мы не можем перестать жить или делать то, что делает нас счастливыми, потому что нам страшно.

— Разве мы не можем? — Шепчет Нико, когда я подъезжаю к подземному гаражу под нашим зданием.

— Я знаю, что это тяжело, Нико. Правда, но ты не можешь позволить этому победить тебя.

— Легче сказать, чем сделать, — бормочет он, когда дверь на роликах поднимается, позволяя нам исчезнуть под зданием.

— Ты говорил с мамой? — Нерешительно спрашиваю я.

— Нет. Ты?

— Нет. И я не могу сказать, что тоже не хочу.

— С ней что-то происходит. Раньше она никогда не была такой эгоистичной сукой, — бормочет он.

— Может быть, не для тебя. Для меня это довольно стандартно.

— Но она любила его, верно?

Вопрос Нико выбивает весь воздух из моих легких.

— Эм... Я имею в виду, да. Я всегда предполагала, что она это делала. Но поскольку—

— Он боготворил землю, по которой она ходила. Если бы она умерла той ночью, он был бы в смятении. Но то, какой она была в понедельник, я не знаю. Что-то просто кажется неправильным.

— Возможно, это просто шок или что-то в этом роде. Горе, это...

— Еще большая сука, чем она? — спрашивает он, его попытка пошутить не удалась. — В какой-то момент тебе придется вернуться. Вряд ли ты можешь оставаться здесь на—

— Я переезжаю к Деймону, — выпаливаю я.

Нико проводит рукой по лицу. — Конечно, это так. Ты ей уже сказала?

— Нет. Но меня не волнует ее мнение. На следующей неделе мне исполняется восемнадцать, школа почти заканчивается. Я устала выполнять приказы.

— А как насчет университета?

— Что насчет этого?

— Ты все еще собираешься туда, верно?

Я пожимаю плечами. — Не знаю. А как насчет тебя?

— А какой смысл? Какой смысл во всем этом? Все, что мы собираемся сделать, это в конечном итоге умереть.

Мои губы приоткрываются в шоке, и как бы мне ни хотелось найти какие-то слова для ответа, я не могу их произнести.

— Ты должен пойти на вечеринку сегодня вечером, Ник.

Он открывает дверцу машины. — Я сейчас не очень хорошая компания. Без меня им будет лучше.

Он ушел, прежде чем у меня появился шанс остановить его.

— Нико, подожди, — зову я, но слишком поздно. Дверь, ведущая к лифту, уже закрывается. — Черт, — шиплю я, откидываясь на спинку сиденья и откидывая голову назад.

Боль и горе воюют внутри меня, поскольку безнадежность, которую я испытываю из-за того, как помочь Нико, скручивает мне живот.

Отбрасывая все это в сторону, я думаю о парне, который ждет меня наверху, и моя печаль, к счастью, сменяется волнением и нервозностью.

Как будто он знает, что я думаю о нем, мой телефон жужжит.

Дьявольский мальчик: У меня для тебя сюрприз.

Моя рука находит мой живот. — Не такой большой, как тот, который у меня есть для тебя.

Вылезая из машины, я запираю ее и направляюсь к лифту.

В коридорах, как всегда, тихо, но осознание того, что все остальные на вечеринке, делает помещение еще более пустым, чем обычно.

Мое волнение попасть внутрь и, надеюсь, позволить Деймону выполнить свое обещание о том, что он хотел сделать со мной, пока я ношу его имя, берет верх надо мной, и в ту секунду, когда маленькая красная лампочка на биометрическом сканере становится зеленой, я просовываюсь в дверь, более чем готовая найти его.

Только я быстро останавливаюсь, когда аромат ударяет мне в нос. Мой желудок переворачивается, когда меня поглощает сладость.

Делая глубокий вдох сквозь сжатые губы, я пытаюсь подавить это тягостное чувство.

Чувствуя себя немного увереннее, я подхожу к двери, которая приведет меня в гостиную, но мое движение замедляется, когда мерцающий свет за дверью привлекает мое внимание.

Улыбка растягивает мои губы, и я бросаюсь вперед, чтобы посмотреть, что он сделал.

— О Боже мой, — выдыхаю я, когда вхожу в комнату, полную мерцающих свечей, и моего мальчика, нервно сидящего на краю дивана в одних спортивных штанах. — Николас, это—

— Романтично, да?

— Д-да, это... потрясающе.

— Я подумал, что было бы правильно, если бы мы провели нашу первую официальную ночь, живя вместе правильным образом, — говорит он, поднимаясь на ноги и направляясь ко мне, его дерзкая походка плохого мальчика вернулась в полную силу. Это поражает меня прямо в либидо.

— Господи, ты горячая штучка, — выпаливаю я, как идиотка.

— Я в беспорядке, Ангел. Но, к счастью, ты достаточно красива, чтобы компенсировать это.

— Чувшь собачья. Ты не мог быть более совершенным для меня.

Его большие руки обхватывают мое лицо, когда он смотрит мне в глаза. Из них льется столько любви, что мое сердце болит самым лучшим образом.

— Я люблю тебя, Ангел.

Протягивая руку, я касаюсь губами его губ, и он притягивает меня ближе к своему телу.

— Я мог бы целовать тебя вечно, — говорит он, поддразнивая меня, сдерживаясь и просто касаясь губами.

— Где Ант? — спрашиваю я, отчаянно желая пойти дальше, но не желая этого делать, если в конечном итоге нас разоблачат.

— У него новый дом, — признается Деймон.

Я откидываю голову назад, мои брови хмурятся. — Он ушел? — спрашиваю я. Беспокойство мгновенно охлаждает мое разгоряченное тело.

— Из квартиры, да. Хотя не из здания. Дэмиен отдал для него одну из квартир внизу?

— Что? — Я спрашиваю с недоверием. — У него есть свое собственное место?

— Да, но что более важно, у нас есть свое собственное место. Так что я могу трахать тебя везде, где захочу, так часто, как захочу, а ты можешь кричать так громко, как физически возможно, и никто тебя не услышит.

Желание сжимает все к югу от моей талии, и у меня текут слюнки от картины, которую он рисует.

— Теперь единственный вопрос в том, с чего нам начать?

Крепче обнимаю его за плечи, запускаю пальцы в его волосы и приподнимаюсь на цыпочки.

— Прямо здесь, — выдыхаю я, мои губы касаются его.

— Черт возьми, да, — ворчит он, опуская руки и сбивая меня с ног.

— Деймон, нет, — кричу я, в ужасе от того, что он поранится или разорвет несколько швов, наложенных Джанной.

— Я в порядке, Ангел. Тебе не нужно беспокоиться обо мне.

Моя задница ударяется о край кухонной стойки, прежде чем его руки скользят по моей спине, и он встает между моих бедер.

— Я не думал, что ты когда-нибудь вернешься. Черт возьми, я скучал по тебе.

Прежде чем я успеваю придумать ответ, он завладевает моими губами во всепоглощающем, грязном поцелуе, от которого я извиваюсь на прилавке.

Подводя меня прямо к краю, он прижимается ближе, гарантируя, что я тоже почувствую, насколько отчаянно он этого хочет.

— Николас, — стону я, откидывая голову назад, когда он идеально прижимает свой твердый член к моему клитору. Его губы целуют мое горло, прежде чем он возвращается обратно, покусывая и посасывая мою чувствительную кожу. — Пожалуйста. Еще.

— Я люблю, когда ты умоляешь. Скажи мне, что тебе нужно, Ангел.

— Ты. Ты нужен мне, — выдыхаю я, когда его бедра продолжают двигаться с головокружительной скоростью.

— Более конкретно. Мои пальцы? Мой рот? Мой член?

— Да, да. Все они. Я хочу всего этого, Николас. Всего тебя.

— Ты мокрый для меня?

Он проводит пальцами по моим бедрам, сжимая мягкую ткань моих леггинсов.

— Ты знаешь, что я такая, — стону я, когда он начинает вести их туда, где они мне нужны больше всего.

— Я думаю, мне нужны доказательства. Затем я собираюсь засунуть свои пальцы глубоко в тебя, и ты кончишь прямо здесь, на прилавке, так что в следующий раз, когда я

буду готовить тебе еду, я буду помнить, как ты кончаешь.

— Боже.

— Затем я собираюсь уложить тебя и есть так, как будто ты мое любимое блюдо, пока ты не будешь выкрикивать мое имя.

— Да.

— А потом, когда твои ноги задрожат, а твоя киска больше не выдержит, я собираюсь трахать тебя красиво и медленно, точно так же, как я делал в душе, пока ты не начнешь умолять меня о следующем оргазме, отчаянно желая, чтобы я подтолкнул тебя к краю.

— Почему ты все еще говоришь, дьявольский мальчик? Действия говорят громче.

— Чертовски люблю, когда ты отчаянно нуждаешься во мне.

— Всегда. А теперь сделай что-нибудь, пожалуйста.

— Что случилось с моим милым, невинным ангелом?

— Ты развратил ее и перетянул на темную сторону, — стону я, когда он засовывает пальцы за пояс моих леггинсов и стаскивает их с моей задницы.

— Черт возьми, да, я это сделал. И я собираюсь сделать это снова.

Мои кеды падают на пол за секунду до того, как леггинсы и трусики стягиваются с моих лодыжек и сбрасываются.

— Раздвинь для меня ноги, К
расавица. Дай мне увидеть тебя.

Жар разливается по моей шее, заливая щеки.

Я бесстыдно раздвигаю бедра и задираю низ толстовки, позволяя ему увидеть, как сильно он мне нужен.

— Я принадлежу тебе, Ангел. Черт возьми, владей каждым моим дюймом.

Его предыдущий план, кажется, вылетает из окна, когда он раздвигает мои бедра еще шире и опускается передо мной на колени.

Зарываясь носом в мои складки, он вдыхает меня. Смущение захлестывает меня, и я пытаюсь поджать ноги, но он мне не позволяет.

— Моя. Вся, блядь, моя.

— Николас, — кричу я, когда он втягивает мой клитор в рот, нежно задевая его зубами, и я падаю обратно на стойку.

— Громче, — требует он, прежде чем облизать меня по всей длине. — Я хочу, чтобы каждый ублюдок в мире знал, что ты моя.

— Да, да, — кричу я, когда он погружает в меня два толстых пальца, изгибая их именно так, как мне нравится, в то время как его язык ласкает мой клитор.

Всего за несколько минут он разрушает меня, и я выкрикиваю его имя, разбиваясь вдребезги на его столешнице. Моя спина выгибается дугой, а пальцы впиваются в его волосы, пока я не уверена, что собираюсь вырвать их начисто, но он даже не пытается остановить меня.

— Ты чертовски нужна мне, Ангел, — рычит он, отстраняясь и вытирая блестящий рот тыльной стороной ладони.

Он встает, его движения быстрее, чем были всю неделю, но это недостаточно плавно, чтобы заставить меня забыть.

— Ты в порядке—

— Идеально, прекрасно. Теперь делай, как тебе сказано, и возьми мой член, как хорошая девочка.

Его хватка на моих бедрах оставляет синяки, когда он стаскивает меня со стойки, но я бы не хотела, чтобы было по-другому. В ту секунду, когда он ставит меня на ноги, он оттягивает мою задницу назад и немедленно скользит в меня.

Толчки от моего оргазма пробегают по всему телу, когда он толкается так глубоко, как только может.

— Чертовски зависим от тебя, Калли. Ты для меня все. Все.

— То же самое, — выдыхаю я. — Я люблю тебя, Николас. Я так сильно тебя люблю.

— Я никогда не устану это слышать.

Каждое движение его члена зажигает что-то внутри меня, пока мои ноги больше не чувствуют, что они меня держат. Но хватка Деймона на моих бедрах никогда не ослабевает, удерживая меня именно там, где он хочет, доводя мое тело до совершенства и давая нам обоим то, в чем мы так отчаянно нуждаемся.

— Чертовски люблю эту толстовку. На всей твоей одежде должно быть мое имя, чтобы все знали, кому ты принадлежишь.

— Большинство парней обходятся кольцом, — выпаливаю я, сразу чувствуя себя идиоткой. Я виню свои гормоны и эндорфины, разливающиеся по моему телу, в том, что у меня развязаны губы.

— Теперь у меня есть идея. Каллиста Деймос. Мой собственный ангел.

Его хватка на моих бедрах усиливается, посылая жгучую боль по моему телу, которая смешивается с болью и толкает меня на край пропасти.

— Черт, черт, Калли. Чееерт, — стонет Деймон, когда его член дергается глубоко внутри меня, наполняя меня своей спермой.

— Я беременна.

21

ДЕЙМОН

Все мое тело покалывает от силы моего оргазма, когда я снова толкаю бедра вперед, отмечая Калли как свою внутри, точно так же, как я жажду этого снаружи.

Образы того, как она стояла в душе все эти недели назад, изрисованная моей кровью, всплывают в моей голове, не давая моему члену размягчиться так быстро, как это было бы обычно.

Но по мере того, как кайф от моего освобождения начинает спадать, те два слова, которые только что сорвались с ее губ, начинают фиксироваться в моем мозгу.

На моих губах появляется улыбка, прежде чем вырваться смеху.

— Я знаю, что это было хорошо, Ангел. Но я думаю, что это может быть излишним.

Отступая назад, я неохотно выхожу из нее и разворачиваю к себе, отчаянно желая заглянуть ей в глаза.

Но в ту секунду, когда я это делаю, на мои плечи ложится груз, которого я не ожидал.

— Ч-что с-с-случилось? — Я заикаюсь, паника быстро разливается по всему телу, превращая мою кровь в лед.

Она втягивает нижнюю губу в рот, когда тянется ко мне, ее руки скользят вниз по моим предплечьям, пока ее пальцы не переплетаются с моими.

— Это была не шутка, — признается она.

Мои глаза сужаются, голова продолжает кружиться. Туман моего интенсивного освобождения все еще мешает моему мозгу нормально функционировать. Но когда моя кровь

снова начинает двигаться на север, мои мысли проясняются и наступает реальность.

— Т-ты б-б-б-б-б—

— Николас, — шепчет она. — Сделай вдох.

Я делаю, как она предлагает, в то время как все вокруг меня начинает выходить из-под контроля.

— Ты беременна? — Несмотря на то, что на этот раз я могу произнести это четко, слова звучат чужеродно, когда срываются с моего языка.

— Прости, я не хотела, чтобы все вышло именно так. Я просто ждала, пока мы останемся одни и... Я не знаю... это больше не могло продолжаться.

— Ты б-б-беременна. Типа... настоящим человеческим ребенком?

Легкая улыбка появляется на ее губах.

— Да, или, по крайней мере, я надеюсь на это, потому что в противном случае будет чертовски странно, когда я рожу.

Ее хватка на моих руках усиливается, когда я делаю еще один огромный шаг назад.

— Все в порядке. Поверь мне, я знаю, что это шок, но—

— Ты беременна?

— Николас, — выдыхает она, но ее мягкий тон мало успокаивает меня.

— Я-я сожалею, м-м-мне п-п-просто нужно—

Я пересекаю комнату и направляюсь в безопасность своей спальни, прежде чем я даже осознаю, что мои ноги сами понесли меня туда.

Черт.

Черт.

Потянувшись к двери, я захопываю ее за собой, звук захопывания эхом разносится по всей квартире.

— Черт. Черт. Черт, — скандирую я, маршируя в сторону ванной.

Остановливаясь перед раковиной, мои пальцы сжимаются вокруг края, и я опускаю голову.

Я не могу быть гребаным отцом.

Я не могу.

Я едва могу позаботиться о себе. Не говоря уже о другом человеке.

Я не могу... но Калли...

Черт.

Из нее получилась бы самая фантастическая мама. Она такая нежная, добрая, заботливая. Сострадательная, понимающая. Все, чем, черт возьми, должна быть мама.

И все же отец этого ребенка — я и—

Звук открывающейся двери спальни потрясает меня.

— Деймон? — она тихо зовет, прежде чем легкие шаги приближаются ко мне.

— Прости, — выдавливаю я, не в силах сдвинуться с места.

— Нет, все в порядке. Это я должна извиняться. Из всех способов, которыми я думала рассказать тебе, ни один не выглядел так.

— Ты хочешь сказать, что не планировала, чтобы я выебал это из тебя? — Я сохраняю невозмутимость, рискуя взглянуть на нее.

— Нет, думаю, я этого не делала.

Оттолкнувшись от раковины, я поворачиваюсь к ней лицом.

Весь воздух вырывается из моих легких, когда я вижу ее. Она стоит там в одной

толстовке, вероятно, с моей спермой, стекающей по ее бедрам. Ее макияж размазан, а губная помада повсюду, половина ее, вероятно, тоже на моем лице.

— Ты идеальна, — шепчу я. — Вся ты.

Она делает нерешительный шаг ближе, ее взгляд опускается на мои ноги, прежде чем они ползут вверх по моему телу.

— Я понятия не имела, — признается она. — Я даже не заметила, что у меня задержка. А потом я открыла свой дневник, и вот оно. Я опоздала на неделю. Я никогда не опаздываю на неделю. Едва ли даже на день.

— Когда это было?

— Ночь в день рождения мамы.

— Черт, ты знала до—

— Нет. Я прошла тест перед тем, как мы приехали в загородный клуб, но у меня так и не было возможности взглянуть на результат. Я узнала это только позже той ночью, когда ребята вернулись, а тебя, папы и Нико с ними не было.

— Черт возьми, Ангел.

Я подхожу ближе, не в силах представить, что она, должно быть, чувствовала в тот момент.

— Я была в ужасе, Деймон. Я думала, что потеряла трех самых важных мужчин в своей жизни за одну ночь, а потом я открыла сумочку, и моя судьба была прямо там, глядя на меня. Но... — Ее голос срывается от эмоций, и это разрушает что-то внутри меня. К моему горлу подступает комок, а в глубине глаз горит то, что, как я могу только предположить, является слезами. — Во мне росла частичка тебя. Даже если ты умер. Что-то от нас осталось, и я... черт, — шепчет она, поднимая руку, чтобы вытереть собственные слезы. — Я никогда ни за что в жизни не была так благодарна, пока ты снова не вошел, спотыкаясь, в ту дверь.

Мои руки обвиваются вокруг нее на мгновение, прежде чем ее рыдания заполняют комнату.

— Я хотела сказать тебе сразу, но рядом всегда был кто-то другой, о чем можно было поговорить серьезнее и—

— Тише, Ангел. Все в порядке. Все в порядке, — повторяю я, прижимаясь губами к ее волосам. — Я с тобой, Красавица.

— Я была так напугана, Деймон. Боялась остаться одна, сделать это самой. А потом ты вернулся, и я все еще была напугана, но по совершенно другой причине.

— Я здесь, — говорю я, обхватывая ладонью ее щеку и не оставляя ей выбора, кроме как посмотреть на меня. — Я здесь, и ничто в целом мире не сможет оттащить меня от тебя сейчас.

— Я боялась, что ты разозлишься, что я позволила этому случиться. Я боялась, что ты не захочешь этого или меня. Мы так молоды и—

— Эй, успокойся, черт возьми, Калли, — мягко говорю я, когда она начинает терять контроль над реальностью. — Выбрось все это дерьмо из головы, Ангел. Нет ничего, что могло бы заставить меня не хотеть тебя. Ничего. И ты не позволила этому случиться. Для этого потребовались двое из нас, это не в твоей власти.

— Но это должно было случиться в тот первый раз. Я не принимала таблетку, и мне следовало подумать об этом и—

— Ты действительно приняла свою таблетку, — заявляю я.

Она отступает назад, глядя на меня непонимающими глазами.

— Я была прикована наручниками к твоей кровати. Я ни за что не смогла бы—

— Я заставил тебя принять ее, Ангел. — Мой большой палец перемещается с ее щеки и касается подушечки ее нижней губы, когда я вспоминаю прошлое.

— После того, как я привязал тебя к своей кровати, я снова вышел. Я действительно привязал тебя там только для того, чтобы знать, что ты будешь там, когда я вернусь, но, черт возьми, один взгляд на тебя, — и я, блядь, без ума от тебя. — Я качаю головой, слишком хорошо вспоминая сильный прилив эмоций, который потряс меня до глубины души, когда я стоял в дверях комнаты позади нее и смотрел на девушку, которую жаждал всю свою жизнь, но никогда не думал, что смогу заполучить.

— Я вернулся на склад, убедился, что с Антом все в порядке, и забрал твою сумку.

— Подожди, — говорит она. — Это ты забрал мою машину домой?

— Да, Ангел. Я ни за что на свете не собирался оставлять это на территории итальянцев, чтобы кто-то другой нашел ее.

— Сообщения Эмми и Стелле.

Я застенчиво улыбаюсь ей.

— Николас, — предупреждает она, хотя не может сдержать начинающейся улыбки, которая хочет прорваться наружу.

— Ты, Калли, всегда для меня на первом месте. Обеспечение твоей безопасности всегда будет самой важной вещью для меня.

Она смотрит на меня, ее грудь вздымается, когда она принимает мои слова.

— Хотя сейчас, — говорю я, опускаясь перед ней на колени и задирая ее толстовку до ребер, обнажая живот. — Похоже, ты не единственная, о ком мне придется беспокоиться.

Обхватывая руками ее тонкую талию, я наклоняюсь вперед, прижимаясь губами к мягкой коже под ее пупком.

— О Боже, — всхлипывает она, когда я целую ее в живот, не сводя с нее глаз все это время.

— Я не сержусь на тебя за это, Калли. Я бы никогда не смог. Это был просто... шок. Прости, что я взбесился и заставил тебя думать—

— Все в порядке, — хнычет она. — Я понимаю. Это... много.

— Это все, — обещаю я ей, поднимаюсь на ноги, запускаю пальцы в ее волосы и заявляю права на ее губы. — И это наше.

— Николас, — стонет она в наш поцелуй.

Я прерываю это задолго до того, как буду готов, и делаю шаг назад.

Слезы все еще липнут к ее ресницам, но я почти уверен, что они счастливые, поэтому я отпускаю их. Ее губы припухли от моего поцелуя, а грудь вздымается от потребности в большем.

— Приведи себя в порядок, Ангел, — говорю я с сожалением, все еще слегка заикленный на беспорядке у нее между бедер, но у нас будет достаточно времени для повторения.

Возвращаясь к раковине, я мою руки, прежде чем отправиться в свою спальню и забраться на кровать, чтобы дать ей немного уединения.

Мое сердце бьется в ровном ритме, когда я лежу там со всеми этими новыми безумными мыслями, проносящимися в моей голове.

Мои руки дрожат, когда страх сильнее, чем я уверен, что должен испытывать, сжимает

меня в своих тисках. Я пытаюсь отбросить это подальше и сосредоточиться на том, как чертовски сексуально будет выглядеть Калли с раздутым животом от моего ребенка. Но, черт возьми, уровень моей уверенности во всем этом чертовски низок.

Я все еще пытаюсь разобраться в том, как Калли думает, что я могу быть тем, кто ей нужен, когда мое внимание привлекает движение в дверном проеме. Когда я оглядываюсь, я вижу, что она наблюдает за мной, покусывая нижнюю губу.

— Привет, — говорю я, переворачиваясь на бок, чтобы рассмотреть ее.

На ее губах появляется застенчивая улыбка, и она вытворяет со мной всякие безумные штуки.

— Привет. Мы... у нас все хорошо? — Она делает шаг вперед, как будто она собирается подойти ко мне, но быстро передумала.

Приподнявшись на локте, я смотрю на нее.

— Да, Ангел, так и есть. Я имел в виду все, что там сказал. — Я бросаю взгляд через ее плечо на ванную.

Она кивает. Я не совсем уверен, что она действительно верит мне, но она быстро поворачивается к сумке, полной ее вещей, которая стоит в углу ее комнаты.

— Тебе нужно убрать все это. — Она замолкает на мгновение, полусогнувшись, давая мне лишь крошечный проблеск того, что скрывается под этой толстовкой.

Она хватается за пару трусиков и натягивает их на ноги, прежде чем забраться на кровать и лечь на бок передо мной.

— Ты уверен, что действительно хочешь, чтобы я переехала? — спрашивает она, хмуря брови.

— Больше, чем я когда-либо хотел чего-либо в своей жизни.

— Но это буду не только я.

— Нет, это будешь ты и наш ребенок. — Засовывая руку под ее толстовку, я прижимаю ее к ее животу.

— Черт возьми, Деймон. Это безумие.

— Ты говоришь это мне.

— Моя мама собирается сойти с ума.

Я не могу удержаться от смеха. — Тебе не все равно?

— Нет, но—

— Тогда это не имеет значения, не так ли?

— Думаю, что нет, — шепчет она, прежде чем замолчать, погрузившись в свои мысли.

— Что такое?

— Я... Я не хочу поступать в университет, — тихо признается она.

— Хорошо, так что не надо.

Ее глаза расширяются. — Вот так просто?

— Да, почему нет? Ты думала, у меня будут проблемы с этим?

— Я не знаю. Я просто... всю мою жизнь все было спланировано для меня. Странно думать, что не все маршируют под бой барабана моей матери.

— Поверь мне, мне насрать на надежды и мечты твоей матери. Я забочусь о твоих. И если университет — это не то, чего ты хочешь, тогда не делай этого. Я хочу, чтобы ты была счастлива, Калли. Это все, что имеет для меня значение.

— Я люблю тебя, — шепчет она, и еще больше слез скатывается с ее ресниц.

— Я тоже тебя люблю. Итак... что именно здесь происходит? — Спрашиваю я,

поглаживая ее живот.

— Ну, я думаю, что это будет разрастаться, и тогда в какой-то момент мне придется как-то избавиться от этого.

Я не могу удержаться от смеха над выражением ужаса на ее лице, когда она произносит последнюю фразу.

— Хорошо, но до этого еще целая вечность, верно? Ты всего лишь... три недели или что-то вроде того из... девяти месяцев?

— Мне почти семь недель.

— Семь? — Спрашиваю я, отступая в шок.

— Да, согласно моему приложению.

— Приложение? Почему это не по мнению врача?

— Потому что я еще ни одного не видела.

— Что? Почему нет? За тобой нужно присматривать. Возможно, нам нужно что-то сделать или...

— Николас, — выдыхает она, кладя руку мне на щеку. — Все в порядке. Все в порядке. Мы с Алексом провели все исследования и—

— Алекс? — Спрашиваю я, реальность ударяет меня по голове, что я могу быть последним человеком, который узнает об этом. — Алекс знает?

На ее лице появляется чувство вины.

— Да. Он пытался удержать меня вместе, когда я смотрела на результат. Он был потрясающим. Все, что мне было нужно, пока тебя не могло быть здесь. Пожалуйста, не злись на него за то, что он ненадолго занял твое место.

Ревность раскаляет меня докрасна.

— Я заставил его пообещать, что, если со мной что-нибудь случится, он позаботится о том, чтобы с тобой все было в порядке.

— Он сдержал это обещание, Николас. Без него я бы рухнула.

Я киваю, счастливый, что он был рядом с ней, но ненавидящий то, что я не мог быть с ней.

— Кто еще знает? — Спрашиваю я, в ужасе от того, что она собирается сказать «все» и что все они говорили за моей спиной с тех пор, как я вернулся.

— Брианна. Она поняла, что что-то не так, когда мы были в спа, и я не выдержала и сказал ей. Она вышла и принесла мне тест. И Джослин. Я не уверена, откуда она знает, но она знает. А теперь ты, папочка.

Мой подбородок опускается, а сердце учащенно бьется.

— Черт, я... — Скользя рукой по ее спине, я притягиваю ее ближе, не сводя с нее глаз. — Скажи это еще раз.

— Поцелуй меня, Папочка.

— Черт, это действительно не должно заводить меня так сильно, — бормочу я, прежде чем выполнить ее требование и раствориться в моей девочке.

Сплетясь телами, мы целуемся, шепча обещания о том, что нас ждет дальше, пока не теряем сознание, все еще прижатые друг к другу с надеждой, наполняющей наши сердца.

— И мы сможем припарковаться на подземной парковке, верно? — спрашивает Деймон, его глубокий голос проникает в меня, заставляя мурашки пробежать по моей коже.

Я проснулась этим утром, чувствуя себя намного легче. Наконец, он узнал правду, и, несмотря на первоначальное волнение, я думаю, все прошло довольно хорошо.

Очевидно, я никогда не планировала просто выпалить эти слова, когда отпускала умопомрачительный оргазм. Но я не могу сожалеть об этом, потому что теперь правда вышла наружу, и я абсолютно уверена, что все будет хорошо.

Возможно, он был шокирован, но он сказал мне самые приятные вещи, такие слова поддержки, о которых я могла только мечтать с тех пор, как узнала правду.

В животе урчит, когда я подхожу ближе к кухне, и у меня слюнки текут, когда я узнаю, что он там готовит.

— Ладно, это здорово. Спасибо. Да. Тогда и увидимся.

Я хмурюсь, пытаюсь понять, с кем он разговаривает, и мне не совсем нравится, как звучит его намерение покинуть это здание, но я знаю, что если он что-то решил, то мне нет смысла даже пытаться это изменить.

— Доброе утро, Ангел, — говорит он, как только я выхожу, как будто знает, что я слоняюсь без дела и слушаю его телефонный разговор. — Надеюсь, ты голодна. Присаживайся.

— Что все это значит? — спрашиваю я, глядя на все, что он приготовил.

— Все, что тебе нужно.

Я поднимаю бровь, глядя на него, когда рассматриваю множество блюд.

— Ты же не ожидаешь, что я съем все это, верно? — спрашиваю я, слегка испуганная.

— Ну, нет. Я просто еще не убрал это. Но я провел кое-какие исследования и выяснил все питательные вещества, необходимые тебе и ребенку в первом триместре, и вуаля. — Он указывает на небольшой продуктовый супермаркет, который занимает каждый прилавок на его кухне.

— Хорошо... эм... это безумие, ты знаешь это, верно?

— Для тебя и нашего ребенка нет ничего лишнего, Ангел.

— Я создала монстра, — легкомысленно бормочу я. — Как тебе вообще удалось так быстро доставить все это сюда?

— Я заказал это, пока ты спала, и послал Алекса забрать все это. Подумал, что он должен мне одно или миллион одолжений за то, что держал меня в неведении об этом всю неделю. Я не знаю, как тебе это удалось, но этот парень не способен хранить секреты, так что...

— О, я не знаю. Он довольно хорошо сохранил наш, — добавляю я.

— Почти уверен, что у тебя есть какая-то магия вуду или что-то в этом роде. Ты обвела нас обоих вокруг своего мизинца.

— И я даже не трахаюсь с ним, — шучу я, хотя не уверена, что Деймону это нравится, если судить по серьезному выражению его лица.

— Лучше бы тебе, черт возьми, этого не делать.

— Остынь, пещерный человек. На планете есть только один человек, у которого был полный доступ к моему телу, и он стоит прямо передо мной.

— Только один? — спрашивает он, приподнимая бровь. — Потому что, поправь меня, если я ошибаюсь, но я был свидетелем того, как кто-то другой довольно близко подошел к тому, что принадлежит мне.

— И на случай, если ты забыл, ты застрелил его прежде, чем у него был шанс что-либо сделать.

— Справедливое замечание.

— Ты говорил с ним? С ним там все в порядке?

— Нет, с тех пор как я переселил его. Но он, вероятно, более чем счастлив, что не был вынужден слушать твои крики прошлой ночью.

— Или, как ты сходишь с ума, — язвительно замечаю я, заставляя его подойти на шаг ближе.

С его лица исчезает прежнее веселье, и вместо него появляется холодная, замкнутая маска, которую я давно не видела.

Я почти уверена, что более здравомыслящие люди пришли бы в ужас. Но я видела слишком много уязвимой стороны Деймона, чтобы даже моргнуть глазом при его попытке напугать меня.

Расправив плечи, я шагаю прямо к его телу.

— Что ты собираешься делать, солдат? Накажешь меня?

Он ахает, когда я протягиваю руку и обхватываю пальцами его член. Он мгновенно твердеет, и я не могу не улыбнуться ему.

— Кажется, кто-то хочет немного повеселиться, — поддразниваю я.

Приподнимаясь на цыпочки, я провожу языком по линии его челюсти, пока не добираться до горла.

— Твой образ большого плохого солдата меня не пугает, Деймон.

— Нет, это просто возбуждает тебя, не так ли, Ангел?

— Возможно.

Я целую его в шею и покусываю ключицу, прежде чем двинуться ниже.

— С кем ты разговаривал, Николас?

Он сглатывает, его кадык дергается.

Я целую и лизу ниже, пока его член продолжает твердеть, пока я нежно тру его через спортивные штаны.

— Господи, Калли, — стонет он, запуская пальцы в мои волосы, пока я провожу языком по его животу.

— Ответь на мой вопрос.

— Я-я з-записал тебя на прием к врачу.

— Николас, я сказала, что все в порядке, — предупреждаю я, когда мои колени касаются пола, и я зубами развязываю бант на его спортивных штанах.

— Черт. Да, я знаю. Я просто... черт, Ангел, — стонет он, когда я стаскиваю его брюки с бедер и освобождаю член.

— Знаешь, я немного голодна, — шепчу я, прежде чем провести языком по всей длине его члена.

— Ты выглядишь великолепно, — бормочет он, одной рукой дотягиваясь до стойки, как будто она нужна ему для поддержки, в то время как другая запутывается в моих волосах.

— Думаю, ты будешь у меня для начала, а потом твоя стряпня.

— Звучит заманчиво для меня. — Последнее слово превращается ни в что иное, как дикое рычание, когда я втягиваю его в рот. — Черт. Никогда не покидай меня.

Я не могу удержаться от смеха рядом с ним, когда набираю скорость, бросая себе вызов разделаться с ним в рекордно короткие сроки, потому что, честно говоря, я так же немного

проголодалась по настоящей еде.

***

— Ты ведь знаешь, что я на самом деле не ем за двоих, верно? — Спрашиваю я, отодвигая тарелку и кладя руки на свой раздутый живот.

— С точки зрения количества — нет, но вам обоим нужно употреблять все необходимые питательные вещества, — говорит Деймон, возвращаясь на кухню с головы до ног в черном.

— Это звучит гораздо менее весело. — дуюсь я. — Ты выглядишь так, словно собираешься ограбить банк, — замечаю я.

— Мне это не нужно. У меня достаточно денег для нас обоих.

— Мне не нужны твои деньги, Деймон, — говорю я, зная, что это то, о чем нам нужно будет поговорить. Все это хорошо, что я говорю, что не собираюсь поступать в университет, но также я не могу просто переехать сюда и не обеспечивать ничего, кроме ежедневного минета — не то чтобы я думаю, что у него были бы с этим проблемы.

— Я знаю.

— Тебе не кажется, что тебе стоит просто остаться здесь? Я могу позвонить тебе по видеосвязи, чтобы ты все слышал. — Говорю я, зная, что сейчас не время обсуждать деньги.

— Спорь сколько хочешь, Ангел. Этого не произойдет. Я пройду через все это с тобой, нравится тебе это или нет.

— Мне это нравится, но ты уверен, что это безопасно? Если кто-нибудь увидит тебя, или если дядя Дэмиен узнает, он выйдет из себя.

— Он поймет, когда узнает о своем внучатом племяннике.

— Племянник? Это может быть его племянница. Я так и вижу, как вы играете в принцесс и тебя заставляют носить пачку.

Его подбородок опускается, как будто он собирается возразить, но затем в уголках его губ появляется улыбка, и образ в моей голове становится еще более ярким.

— Ты хочешь девочку, Ангел?

— Мне все равно, пока ребенок здоров. — Как только я это говорю, вся кровь отливает от лица Деймона. — Что? Что не так?

— Что, если... что, если он родится таким, каким был я?

— Идеальным? — Спрашиваю я, пытаюсь разрядить обстановку, но это почти не помогает.

— Калли, — предупреждает он.

— Это ведь не наследственное, не так ли? И в любом случае, если это произойдет, то ты — живое доказательство того, что это не проблема.

Его рука поднимается к шраму, который скрывается под толстовкой. — Я не хочу—

— То, через что ты прошел, твои шрамы, они делают тебя тобой, Николас. Они показывают миру, какой ты сильный и решительный. Я бы ни на йоту не изменила тебя и надеюсь, что однажды ты найдешь способ принять это.

— Если возникнет проблема и наш ребенок пойдет по твоим стопам, тогда я потрачу каждый день его жизни на то, чтобы научить его или ее принимать эти шрамы, гордиться ими, потому что они будут Деймос, и они будут такими чертовски свирепыми.

— Хорошо, следующий момент, — говорит он, пропуская это мимо ушей, и в его глазах вспыхивают эмоции. — Что, если это близнецы?

Я не могу удержаться от смеха. — Ты вообще спал прошлой ночью, Деймон, или ты провел всю ночь за исследованиями, планированием меню и беспокойством обо всех «что, если»?

— Я спал пару часов, — признается он. — Но моя мама — близнец и—

— Хорошо, хорошо, мы с Алексом просмотрели это, и нет никаких доказательств того, что идентичные близнецы передаются по наследству. Обычно это случайно. Так что у нас столько же шансов, сколько у любого другого. И даже если бы вы были разнояйцевыми близнецами, то обычно это происходит по женской линии, так что у нас все было бы в порядке.

Он подходит ближе и обхватывает мое лицо ладонями. — И ты дразнишь меня за то, что я обо всем этом думаю, — язвительно замечает он.

— У меня была неделя осознания того, что мне нужно отвлечься от своей жизни. Я просмотрела всевозможное странное дерьмо. Но суть в том, что бы ни случилось, мы справимся. Мы есть друг у друга, и это все, что нам нужно, верно?

— Да, мы разберемся. Мы не собираемся быть первыми или последними невежественными восемнадцатилетними подростками, выясняющими, что делать с ребенком.

— В этом весь дух, — говорю я со смехом, прежде чем в коридоре раздается звуковой сигнал отпираемой двери.

— Если вы трахаетесь, это ваше единственное предупреждение, — кричит Алекс, прежде чем ворваться в комнату двумя секундами позже. — Черт, — бормочет он, когда обнаруживает, что мы просто стоим там.

— Знаешь, предупреждение обычно предшествует небольшому времени на сокрытие, — бормочет Деймон.

— Я уже видел вас обоих голыми. — Алекс пожимает плечами, как будто в этом нет ничего особенного.

Деймон двигается быстрее, чем я ожидала, и меньше чем через мгновение он оказывается перед Алексом, сжимая в кулаке его футболку, его нос, черт возьми, почти касается носа брата, когда он рычит от отчаяния.

Все это время Алекс выглядит таким же спокойным, как никогда.

Чудак.

Я могла бы утверждать, что не боюсь Деймона, но спокойствие Алекса, когда дьявол смотрит на него сверху вниз, выводит это на совершенно новый уровень.

— Деймон, не будь муд— Мои слова запинаются, когда жесткая маска Деймона внезапно спадает, и вместо того, чтобы нанести удар, который, я была уверена, последует за этим, он притягивает Алекса к себе и обнимает его.

— Спасибо.

— Я всегда прикрою тебя, чувак. Вас обоих. Всегда.

К тому времени, как они расстаются, я рыдаю как дура.

— Малышка Си, — вздыхает Алекс, прежде чем они вдвоем затаскивают меня в середину и раздавливают своими твердыми телами.

— Ладно, так мы делаем это, или ты вместо этого решил заняться угоном машин и ограблением старушек? — спрашивает Алекс, повторяя мои комментарии о наряде Деймона, когда он достает из кармана кепку и натягивает ее на волосы, а затем для пущей убедительности натягивает капюшон.

— Отвали, братан. Я просто перестраховываюсь. У меня слишком много всего, ради чего стоит жить сейчас. Эти итальянские пезды больше ко мне и близко не подойдут.

— Рад это слышать. Все еще думаю, что это перебор.

— И, как всегда, мне насрать, что ты думаешь. Я делаю это ради своей девочки и своего ребенка, так что ты можешь просто заткнуться нахуй, или я позову кого-нибудь другого на помощь.

— И скажешь им, что ты идешь к какому-то крутому доктору в субботу, зачем именно? — Самодовольно спрашивает Алекс, направляясь обратно к входной двери.

— Как ты заставил кого-то согласиться на это в последнюю минуту? — Спрашиваю я, засовывая ноги в Converse и следуя за Алексом.

— У меня есть свои способы, — загадочно признается Деймон.

— Ты угрожал убить их, не так ли? — невозмутимо говорит Алекс.

— Я не был настолько прямолинеен, но можно с уверенностью сказать, что моя репутация опережает меня.

— Ты слышал это, малыш? У твоего папочки в городе репутация страшилища. Тебе есть к чему стремиться, малыш.

— Что, если это девочка? — спорю я.

— Я думал, вы все за равные права, малышка Си. Твоя маленькая принцесса тоже может быть крутым ублюдком.

— Черт возьми, да, — соглашаюсь я.

— Если только кто-то еще не хранит секреты в этом здании, она будет нашей первой наследницей. Приближается Леди-Босс.

Я бросаю взгляд на Деймона, когда он подходит ко мне и обнимает меня за плечи, и я замечаю широкую улыбку на его лице.

— Боже мой, ты рассматриваешь это, не так ли? Наша малышка управляет Семейей?

— Это было бы чертовски эпично, да. Может быть, мне стоит взять твою фамилию, когда мы поженимся, чтобы она все еще была Чирилло.

— Подожди, блядь, секунду, — рывкает Алекс, поворачиваясь, чтобы свирепо посмотреть на нас обоих после того, как нажмет кнопку вызова лифта. — Ты тоже надеваешь на нее гребаное кольцо?

Мы с Деймоном оба просто смотрим на него добрых пять секунд, прежде чем оба покатываемся со смеху.

— Однажды, да, — говорит Деймон, как будто в этом уже можно быть уверенным. Что, я думаю, так и есть. Потому что я не могу отрицать, что, если бы он прямо сейчас опустился на одно колено, я бы не задумываясь сказала «Да».

— Кто ты и что ты сделал с моим близнецом? — Бормочет Алекс, заходя в лифт.

— Влюбился, чувак. Однажды это случится с тобой. Если повезет, это сделает тебя менее чертовски странным.

— Что? — возражает он, в то время как я хихикаю. — Я никогда не был здесь самым странным. Ты доказывал это каждый день с тех пор, как мы родились.

— Черт возьми, разве я этого не знаю, — бормочет Деймон, но, когда я сжимаю его руку и поднимаю взгляд, я вижу, что он все еще улыбается.

— Не могу дождаться, когда девушка надерет тебе задницу, — говорю я, присоединяясь.

— Что ж, ей лучше быть сильной, вот и все, что я хочу сказать, потому что я так просто не сдамся.

— Это то, что они все говорят. Как только она раздвинет ноги, ты окажешься на коленях, как послушный маленький щенок.

— О Боже мой, — усмехаюсь я.

— Что? — Спрашивает Алекс, переводя взгляд с нас двоих, пока мы смеемся. — Почему у меня такое чувство, что я чего-то здесь не понимаю?

Его замешательство только заставляет меня смеяться сильнее.

— Знаешь, не очень приятно, когда тебя заменяют. — Он указывает пальцем. — Не так давно мы с тобой вели эти безмолвные беседы.

— Братан, не волнуйся, — выдавил Деймон между смехом. — Ты совершенно незаменим.

— Хорошо, я должен на это надеяться.

— Как прошла прошлая ночь? — Спрашиваю я, меняя тему. — Тебе повезло?

Когда все, что он делает, это вздыхает, Деймон протягивает руку и ерошит его волосы, как маленького ребенка.

— Нет ничего постыдного в том, чтобы злоупотреблять рукой, чувак. Просто не забывай пользоваться смазкой, никому не нужны волдыри.

Деймон выскакивает из лифта за секунду до того, как Алекс бросается к нему.

Я с улыбкой наблюдаю, как они гоняются друг за другом по подземному гаражу.

Алекс, очевидно, относится к Деймону снисходительно — его движения все еще немного замедлены, но пройдет совсем немного времени, прежде чем он сможет оставить свое суровое испытание позади. Ну, по крайней мере, физически. Я уверена, что психологическая сторона того, через что он прошел, сохранится еще некоторое время.

— Вы двое, заканчивайте или мне самой ехать на это мероприятие? — кричу я, заставляя их обоих мгновенно остановиться.

— Мы идем, Мамочка, — кричит Деймон, заставляя Алекса заткнуться.

— Ты выглядишь счастливым, — говорю я, когда он подходит ко мне и прижимает к своему телу.

— Это потому, что я такой. Я с двумя моими самыми любимыми людьми в мире и собираюсь пойти и узнать больше о третьем, который будет сражаться с вами обоими за первое место.

— Если Алекс прав и это девочка, ни у кого из нас нет шансов.

— Не-а, — говорит он, утыкаясь носом в мою шею и заставляя меня хихикать. — Ты всегда будешь моей девушкой номер один.

— Хм... посмотрим.

— Твой экипаж ждет, малышка Си, — объявляет Алекс, открывая заднюю дверь черного автомобиля.

— Не в твоём обычном стиле, Деймос, — бормочу я.

— Нет, но этот засранец хотел самую затемненную машину, которую я смогу найти.

— Достаточно справедливо. — Я забираюсь на заднее сиденье, и Деймон быстро следует за мной, или, по крайней мере, я так думала. Но когда я оглядываюсь через плечо, я вижу, что Алекс удерживает его.

— Сделаешь что-нибудь, чего тебе не следует делать, и я не буду нести ответственность за свои действия.

— Ты все еще злишься из-за того, что Себ трахался со Стеллой, пока ты был за рулем? — Спрашиваю я со смехом.

— Просто не делайте этого. Я предупреждаю вас обоих.

— Боже, Алекс. Мы не животные, мы можем контролировать себя.

Деймон вырывает руку из хватки Алекса и, наконец, забирается внутрь.

— Или, по крайней мере, мы смогли бы это сделать, если бы ты не указал, как много места здесь сзади. Я мог бы уложить свою девушку на эти сиденья и— Хлопанье двери обрывает то, что, я уверена, должно было стать очень ярким описанием образа, который сейчас разыгрывается в голове Деймона.

— Ты подлый.

— Да, и Алекс лжец, — заявляет Деймон, шокируя меня до чертиков.

— Что?

— Только не говори мне, что ты не видела засоса у него на шее. Прошлой ночью он здорово потрахался. Чего я не могу понять, так это почему он этим не хвастается.

— Хм... интересно, — бормочу я, когда парень, о котором идет речь, опускается на водительское сиденье, красная отметина на его шее более чем заметна, теперь, когда я сижу позади него.

Мы молчим, пока Алекс заводит машину и выезжает из подземного гаража.

— Итак, как прошла вечеринка прошлой ночью? Есть какая-нибудь драма, о которой нам нужно знать? — Невинно спрашиваю я.

23

ДЕЙМОН

Я сижу рядом с Калли, пока врач, которому не повезло оказаться не на том конце провода, когда я позвонил в частную клинику, оплачиваемую Чирилло, ранее этим утром, проверяет ее и задает миллион вопросов о ее здоровье и дате последней менструации.

— Хорошо, значит, тогда ты почти на седьмой неделе беременности. И пока твои анализы крови в норме, с того места, где я сижу, все выглядит хорошо.

Каждые несколько секунд его взгляд перемещается с Калли на меня, как будто он беспокоится, что я в любой момент наставлю на него пистолет.

Слабак.

Стук в дверь заставляет его практически подскочить со своего места. Быстро извинившись, он подходит к нашему посетителю.

Калли сжимает мою руку в знак поддержки. Я не думаю, что для нее секрет, что мы здесь исключительно ради меня. Моя потребность знать, что все в порядке, что она здорова, что ребенку настолько хорошо, насколько это возможно, укутавшись в тепло ее тела, была всепоглощающей. Но уверенные слова доктора, даже если у него такой вид, будто он вот-вот наложит в штаны каждый раз, когда он так часто смотрит в мою сторону, помогают мне успокоиться.

— Ты в порядке? — спрашивает она.

— Да. В основном просто рад, что ему не придется принимать роды. У него нервы пугливого котенка.

— Оставь его в покое и прекрати пытаться напугать его до смерти.

Я пожимаю плечами. — Привычка. Плюс, он продолжает прикасаться к тебе.

— Серьезно, — шипит она, свирепо глядя на меня.

Неприятный писк наполняет воздух, прежде чем робкий доктор вкатывает в комнату аппарат.

— Еще очень рано, так что смотреть особо не на что. Но я могу сделать ультразвук, если хотите—

— Да, — рывкаю я, пугая его еще раз.

— Ладно, Калли, если хочешь, запрыгивай на кровать. Тебе нужно будет приподнять свой топ и опустить пояс.

— Деймон, — шипит Калли, когда мое неодобрительное рычание наполняет комнату. Всего за несколько секунд она на месте, и доктор настраивает машину.

— Если ваши даты неверны, то мы, возможно, ничего не сможем увидеть при внешнем осмотре.

— Они не ошибаются, — уверенно подтверждает Калли.

— Хорошо, хорошо. Даже если так. Еще рано, так что мы просто посмотрим, как все пройдет. Если это не сработает, мы можем использовать внутреннее УЗИ.

— Внутреннее? — спрашиваю я.

— Да. УЗИ внутренних органов на этой ранней стадии может дать—

— Но ведь пришла бы женщина и сделала это, верно?

— О Боже мой, — бормочет Калли. — Не обращайтесь на него внимания. Не могли бы вы, пожалуйста, просто... — Она указывает на свой обнаженный живот, и доктор нервно сглатывает. — Надеюсь, до этого не дойдет.

— Это будет холодно.

— Ничего такого, с чем я не могла бы справиться.

— Похоже на то, — храбро бормочет доктор.

Я ерзаю на своем стуле, но крепкая хватка Калли на моих руках останавливает меня.

— Остынь, хорошо? — одними губами произносит она, когда доктор наливает ей на живот немного прозрачного геля, подозрительно похожего на смазку.

— Что это? — выпаливаю я.

— Это... э-э-э... ультразвуковой гель. Он на водной основе. Полностью безопасен как для мамы, так и для ребенка.

— Я знала, что это плохая идея, — бормочет Калли себе под нос.

— Ладно, давайте посмотрим, что у нас здесь есть.

Игнорируя меня, доктор прижимает пластиковую палочку к животу Калли и смотрит на экран, который мерцает черно-белым.

Итак, я не идиот. Я не ожидал увидеть ребенка или что-то действительно узнаваемое, но я ожидал чего-то большего, чем просто дымка.

— Ну вот и все, — говорит он с гордостью, как будто он только что выиграл гребаную Олимпиаду.

— Где? На что мы смотрим?

Он отводит палочку немного в сторону, и внезапно появляется черный круг, а прямо посередине находится—

— Это он? — спрашивает Калли, ее голос полон благоговения.

— Да. — Он продолжает объяснять, что именно мы видим, но слова просто проходят мимо меня, когда я смотрю на маленькую белую каплю на экране, которая однажды станет настоящим живым ребенком. Половина ее, половина меня и чертовски много совершенства.

— Хотите распечатку?

— Да.

— Пожалуйста, — добавляет Калли. — Да, пожалуйста.

Он нажимает пару кнопок, прежде чем убрать палочку с живота Калли и поместить ее обратно в держатель. Как только принтер закончит работу, он аккуратно кладет фотографии на край кровати и поднимается на ноги.

— Что ж, если у вас нет больше вопросов, я могу оставить вас приводить себя в порядок, а затем вы сможете записаться на следующую встречу у Луизы на ресепшене.

— С тобой? — спрашиваю я.

— Прошу прощения?

— Следующая встреча, она будет с тобой?

— Все будет зависеть от нашего расписания, мистер Деймос. — Натянуто улыбнувшись и кивнув, он прощается с Калли и практически выбегает из комнаты.

— Это действительно было необходимо? — спрашивает Калли, вытирая живот синей салфеткой.

— Позволь мне.

Со вздохом она опускает руку, позволяя мне привести ее в порядок.

— Что? Он хотел что-то вложить в тебя. Это моя работа.

— Иисус. Ты что-то нечто.

Обнимая ее поверх леггинсов, я смотрю ей в глаза.

— Моя. Помнишь?

Она смотрит прямо на меня в ответ. — Тебе нужно преодолеть все это, или ты никогда не справишься, когда я рожу этого ребенка.

— Акушерки и врачи все будут женщинами.

— Конечно, они будут. И это тоже будет 1922 год?

— Ты не смешная.

— Ты тоже. А теперь помоги мне спуститься, здесь безумно высоко.

— В любое время, Ангел.

***

— Наконец-то, — говорит Алекс, вскакивая со своего места в комнате ожидания, как только мы выходим. — Как поживает наш малыш?

В другом конце комнаты раздается горловое покашливание.

— Все выглядит хорошо, — говорит Калли, прежде чем Алекс забирает ее у меня и обнимает за плечи.

— Видишь ли, не знаю, из-за чего ты переживал, братан. У Калли в сумке это дерьмо, связанное с выращиванием ребенка.

Он направляет ее к более чем любопытной женщине, которая пялится на нас троих, практически доставая подбородком до пола.

— Нам нужно записаться на следующую встречу, — говорю я, игнорируя выходки моего брата.

— Эм... вы все т-трое?

— Черт возьми, да, я не пропускаю ничего из—

— Пожалуйста, не обращайтесь на него внимания, — говорит Калли, пытаясь оттолкнуть от себя Алекса. — Доктор Уилкоккс сказал, что нам нужно записаться на другой прием для—

— Ваш двенадцатинедельный просмотр. Да, это прямо здесь.

— Ты идиот, — бормочу я Алексу, пока Калли и администратор обсуждают даты.

— Братан, это было слишком забавно. Она на самом деле думает, что мы играем с ней в

одной команде.

— Да, разве ты можешь винить ее?

— Чувак, с каждым днем достучаться до тебя становится все легче и легче.

Я рычу на него, более чем готов уложить его прямо здесь, посреди заброшенной клиники.

— Ладно, дети. Мы почти закончили? — спрашивает Калли, договорившись о своей следующей встрече.

— Да, пошли, — говорю я, протягивая ее руку, которая не сжимает фотографии нашего маленького шарика.

— Можешь оставить меня на секунду? — спрашивает Алекс, бросаясь к стойке администратора и наклоняясь вперед, опираясь на локти.

— Боже мой, он с ней флиртует?

— Господи, поехали.

Спуск на подземную автостоянку проходит в тишине. Я понятия не имею, о чем думает Калли, но все, что мы только что узнали и увидели, крутится у меня в голове на повторе.

Протягивая руку, я беру фотографии.

— Это действительно происходит, да? — спрашиваю я, глядя на верхнее изображение широко раскрытыми глазами.

— Это действительно так кажется. Это пугает, не так ли?

— Можно и так сказать, — бормочу я, когда лифт звякает, объявляя о нашем прибытии. — Пошли, у нас есть еще кое-что, что нам нужно сделать сегодня.

Таща ее вперед, я веду ее к машине и забираюсь следом за ней.

— Что еще мы делаем?

Прежде чем я признаюсь в следующей части плана. Алекс открывает водительскую дверь и запрыгивает внутрь.

— Есть успехи, чувак?

— Игрок никогда не рассказывает, ты это знаешь, братан.

— Она сказала: «Нет», — предполагает Калли.

— Что — ты не веришь в мои навыки, малышка Си.

— Я видела тебя в действии, Алекс. И есть причина, по которой ты одинок.

— Вы знаете, вы отличные ребята, я люблю вас обоих, — фыркает он.

— Куда мы идем? — спрашивает Калли снова.

Поворачиваясь к ней, я переплетаю свои пальцы с ее.

— Мы едем к твоим родителям, — признаюсь я.

— Почему?

— Думал, ты хочешь съехать.

Ее подбородок опускается, прежде чем краска отходит от ее лица.

— Я хочу, но —

— Ты не захочешь рассказывать своей маме, — предсказываю я.

— Мы с тобой, малышка Си, — уверяет ее Алекс.

— Она вообще знает, что ты жив? — она спрашивает меня.

— Нет. Никто, кроме тех, кому нужно знать, не в курсе.

— Так куда, черт возьми, мы скажем ей, что я переезжаю?

— В мою квартиру. Ей просто не нужно знать, что ты там пока не одна.

— Она выйдет из себя, — предупреждает Калли.

— Мы пойдём на этот риск. Мы просто пойдём и соберём твои вещи, а потом ты сможешь сказать ей и уйти. Она не потрудилась проведать тебя. Я думаю, что время для неё иметь своё мнение по любому из этих вопросов давно прошло. К тому же на следующей неделе тебе исполнится восемнадцать. У неё нет ноги, на которую можно опереться, — уверяет её Алекс.

— Расскажи ей и об университете, пока будешь там, если хочешь. Хорошенько пни её, пока она лежит.

— А что с университетом? — спрашивает Алекс.

— Я не пойду.

— О, ... Я имею в виду, я думаю, это имеет смысл. Что ты собираешься делать?

— Помимо того, что я выталкиваю человека из своей вагины? — спрашивает Калли, и я морщусь от этой мысли. Дети, даже новорожденные, на самом деле не такие маленькие. Я даже представить не могу, как это должно быть больно.

— Ну, да. Если не считать этого крошечного задания.

Наклоняясь вперед, Калли даёт ему подзатыльник. — Крошечный. Не сравнивай нашего ребенка с размером своего члена.

— Черт возьми. Да, Ангел.

Черт. Если бы я уже не любил её больше жизни, один этот комментарий сделал бы это для меня.

— Черт возьми, я люблю тебя, — рывкаю я, едва в состоянии выдавить слова из себя сквозь смех.

— Почему я поощрял эту связь? Я должен был знать, что она вернется, чтобы укусить меня за задницу. Я должен был трахнуть тебя первым, когда у меня был шанс, — дуется Алекс, пока мы продолжаем смеяться.

— Когда у тебя вообще был шанс?

— Ты была полностью готова к этому в те выходные, когда мы вломились на вечеринку Тоби и Джоди, — заявляет Алекс.

— Был ли я такой на самом деле? Почти уверена, что, если бы я рвалась к этому, это бы случилось. Насколько я помню, мы легли спать, немного поболтали и заснули.

— Я был джентльменом и ждал, когда ты сделаешь первый шаг, — утверждает он.

— Как это благородно с твоей стороны.

— Ты должен быть благодарен мне. Если бы она запрыгнула на мой член до твоего, то ни за что не снизила бы свои стандарты и была бы счастлива с твоим после.

— Пфф, я думаю, ты можешь —

— Братан, тебе пришлось добавить аксессуары. Очевидно, что это не соответствует моему стандарту.

— О нет, дело не в этом. Скажи ему, Ангел. Скажи ему, насколько это лучше.

— Извини, у меня нет сравнения. Я девушка с одним членом.

— И спасибо, черт возьми, за это, — говорю я, притягивая её ближе. — Алексу просто придется поверить нам на слово, что я лучший любовник, чем он.

— Пошел ты.

— Нет, я не заинтересован в том, чтобы испытывать тебя. Ты мог бы, однако, рассказать нам, кто поставил тебе этот милый маленький засос у тебя на затылке, и они с Калли могли бы сравнить впечатления. В исследовательских целях, конечно.

— Да, этого не произойдет.

— Ты снова прибегаешь к помощи старушек?

— Оставь его в покое. Морщины и седые волосы могут быть его фетишем, — поддразнивает Калли.

— Я могу заверить вас, что это не так.

— Это не помешало тебе следить за нашей старой экономкой.

— Хорошо, мы можем сейчас остановиться? — Умоляет Калли. — Мне не нужно больше об этом слышать.

— Да, спасибо. Давай сменим тему.

В машине воцаряется тишина, когда мы подъезжаем к дому родителей Калли.

— Я не уверена, что действительно хочу туда заходить, — признается она, когда Алекс притормаживает на улице перед поместьем Чирилло.

— Я знаю, Ангел. Но ты должна это сделать. Противостоять ей так, как ты хотела сделать всю свою жизнь. Пришло время взять свою жизнь в свои руки и направить ее в желаемом направлении.

— Ха, — бормочет Алекс спереди.

— Что?

— Ты удивительно хорош в советах для того, кто никогда в жизни им не следовал.

— И игнорируй его, — добавляю я.

Калли делает глубокий вдох, когда Алекс сворачивает на подъездную дорожку, и перед нами предстает колоссальный дом.

— Твоя мама так и будет жить в этом месте одна? — спрашивает он.

— Возможно. Она может быть королевой в своем собственном замке.

— Звучит одиноко, — выдыхает он.

— Я уверена, что она найдет достаточно возможностей устраивать званые ужины, — с горечью говорит Калли, глядя в окно. — Даже отсюда место совсем не то.

Никто из нас ничего не говорит. Нет слов, которые заставили бы ее почувствовать себя лучше по этому поводу, поэтому мне просто остается надеяться, что нашей молчаливой поддержки будет достаточно.

— Давай, малышка Си, Джослин ждет нас.

— Мама дома? — нерешительно спрашивает она.

— Насколько нам известно, да.

— Отлично. Тогда давайте покончим с этим.

Она тянется к ручке двери, чтобы убежать, но я тяну ее назад.

Сжимая пальцами ее подбородок, я крепко держу ее.

— У тебя все получится, Ангел. Тогда останемся только ты и я, хорошо?

Слезы застилают ее глаза, прежде чем она смаргивает их.

— Да. Я и ты.

— Я люблю тебя, Ангел.

— Я ненавижу это, то, что тебе приходится скрываться, — шепчет она, печаль сочится из каждого слова.

— Я знаю. Но, надеюсь, это ненадолго.

— Я тоже тебя люблю. Мы быстро.

Страх так давит на меня, когда я иду рядом с Алексом к входной двери, что я поражаюсь, как мне удастся ставить одну ногу перед другой.

— У тебя все получится, Кэл, — говорит Алекс, беря меня за руку и переплетая наши пальцы.

Возможно, он не тот, кого я действительно хочу видеть рядом со мной прямо сейчас, но он надежный помощник.

— Спасибо, что делаешь это со мной.

— Для всех нас пришло время начать все сначала. И это означает, что ты нужна нам с нами. У тебя всегда должна была быть квартира в нашем доме, Кэл. Я просто никогда не думал, что ты в конечном итоге будешь жить с одним из нас.

— Квартира Деймона больше похожа на дом, чем это место когда-либо было.

— Я вижу это.

Как раз перед тем, как я поднимаюсь на последнюю ступеньку, я оглядываюсь. Я не вижу его через затемненное стекло, но я знаю, что он наблюдает за нами. Мою кожу покалывает от осознания, магнетическое притяжение, которое я всегда ощущаю, когда мы рядом, так сильно, как никогда.

— Это ненадолго, и ты сможешь рассказать миру. Надеюсь, еще несколько недель.

— Недели? Как насчет его экзаменов? Он так усердно работал и—

— Все получится, малышка Си, поверь.

Я глубоко вздыхаю, пытаюсь последовать его совету.

Я протягиваю руку, чтобы прижать ее к сканеру, чтобы впустить нас, но в этом нет необходимости, потому что дверь открывается для нас.

Мое сердце замирает, и я задерживаю дыхание, готовясь встретиться лицом к лицу со своей матерью, но, очевидно, это не она.

— О, милая, — успокаивает Джослин, выходя из дома, чтобы обнять меня. Она вернулась, чтобы ненадолго навестить нас в квартире, но в основном держится подальше, предоставляя нам пространство, в котором, как она ясно видит, мы нуждаемся.

— Я в порядке, — говорю я, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно.

— Давай, я уже начала с того, что, я знаю, ты захочешь взять.

— Где мама? — спрашиваю я, следуя за Джослин к лестнице в подвал вместе с Алексом рядом со мной.

— Наверху, в своей комнате, одевается.

— Как она? Она говорила что-нибудь о...

— Она такая, как вы, вероятно, ожидаете.

— Значит, она едва заметила, что я ушла?

— Прости, милая. Она... замкнулась в себе.

— Замкнулась, или ей все равно?

— Честно говоря, я не уверена. Она... — Джослин вздыхает. — Я понятия не имею. Все в беспорядке. Этот дом без твоего отца, без тебя, это... это просто неправильно.

— Я знаю. Я тоже это чувствую. — Я жду, пока мы спустимся по лестнице, где, я знаю, мы в безопасности от любопытных глаз, и достаю отсканированные снимки из кармана моей толстовки. — Смотри.

— О, Калли, — задыхается Джослин, ее глаза немедленно наполняются слезами. — О, моя милая девочка. Как ты себя чувствуешь?

— В ужасе. Ошеломлена.

— А как насчет Деймона? Я предполагаю, что он в курсе.

— Да, — раздается глубокий голос с другой стороны комнаты, прежде чем он выходит из тени.

— Подожди. Как ты...

— У меня есть свои способы, помнишь? — загадочно говорит он, подходя, обнимая меня за талию и кладя подбородок мне на плечо.

Джослин поднимает руку, чтобы прикрыть сердце, и смотрит на нас двоих.

— Я так рада, что у вас обоих все получилось. Я знаю, у тебя есть мама и папа, Деймон, но, если кому-то из вас что-нибудь понадобится, все, что тебе нужно сделать, это позвонить мне.

— Спасибо тебе, Джослин. Мы действительно ценим это, — говорит Деймон, его голос грохочет во мне.

— Хорошо, — говорит она, хлопая в ладоши и прогоняя свою грусть. — Ты готова собрать вещи и улететь из гнезда?

Я оглядываю свой подвал. Такое чувство, что только вчера я собрала все свои вещи и переехала сюда. Но хотя может быть какая-то затяжная грусть из-за того, что я покидаю это место — в основном воспоминания о моем отце, о веселых временах, которые мы проводили всей семьей, и, конечно, о Джослин, — я знаю, что поступаю правильно.

Теперь мое место с Деймоном. Это здание с остальными членами моей семьи. Место, где я смогу построить свое будущее.

Коробки загромождают пространство, где Джослин уже начала, а дверцы моего шкафа открыты, показывая пустое пространство внутри.

— Ты уверен, что твоя квартира выдержит все это? — Я спрашиваю Деймона, только наполовину шутя.

Я избавилась от кучи вещей, когда переехала сюда, в основном от всей моей старой ужасной одежды, которую мама настояла, чтобы я носила. Но с тех пор, как у меня появилось собственное пространство, и я нашла свою любовь к рисованию эскизов и творчеству, я приобрела целый ряд новых вещей.

— У нас все получится.

— Может быть, Кассандре следует съехать. Вы, ребята, могли бы вместо этого занять это место, — предлагает Алекс.

— Э-э... нет, мы в порядке. Квартира Деймона пока идеальна.

— Тогда пошли, пока мы не потревожили злую ведьму запада, — съязвил Алекс, прежде чем Джослин вступила во владение, дав каждому из нас работу.

В рекордно короткие сроки весь подвал упакован и готов к работе.

— У тебя был план, как все это перевезти? Потому что это не влезет в машину, — спрашиваю я, глядя на огромное количество коробок, съеживаясь при мысли о том, куда все это отправится.

— Ты нас вообще знаешь? — Алекс что-то невнятно бормочет. — Должно прибыть подкрепление... он достает телефон из кармана и смотрит на экран. — С минуты на минуту.

На другой стороне подвала открывается дверь, прежде чем раздается громкий голос: «Вы заказывали человека с фургоном?»

Оборачиваясь, я нахожу Тео и Себа, стоящих там с улыбками на лицах. И не прошло и секунды, как дядя Дэмиен тоже присоединяется к ним, заставляя мои глаза расширяться.

Он слегка взъерошивает волосы Деймона, не выглядя удивленным, увидев его на воле,

когда он шагает по пространству, как будто оно принадлежит ему, что, я думаю, он отчасти и делает.

— Как ты держишься? — спрашивает он, притягивая меня в свои объятия.

— Мне станет лучше, когда я выберусь отсюда.

— Не виню тебя, малышка. Мне неприятно это говорить, но мне всегда было интересно, что мой брат нашел в твоей матери.

— Ты не единственный.

— Она уже знает?

— Нет, — говорит Джослин, когда дядя Дэмиен смотрит на нее.

— Мы собираемся очистить это место, а затем пойти и рассказать ей, — объясняет Деймон.

— Я искренне надеюсь, что ты не собираешься в это ввязываться.

— Я не идиот, Босс. Я знаю правила.

— Хорошо, так почему же ты стоишь здесь прямо сейчас, когда тебе не следует выходить за пределы своего здания?

— Э-э...

— Неважно. Пойдем? — Он указывает на коробки, и Алекс, Себ и Тео хватают по одной и направляются к задней двери, пока Деймон, Джослин и я наблюдаем за ними.

— Конец эпохи, — размышляет Джослин.

Когда ни один из нас не произносит ни слова в течение нескольких секунд, она продолжает.

— Я знаю, что все это казалось далеким, когда мы говорили об этом раньше, но, если я понадоблюсь тебе для ведения домашнего хозяйства, няни, чего угодно, Калли, все, что тебе нужно сделать, это позвонить мне. Я оставлю это место и буду у твоей двери через несколько минут.

— Спасибо тебе, Джослин. Ты не представляешь, как много это значит для меня.

Мы стоим там, пока парни входят и выходят, и вскоре место пустует, если не считать мебели, содержимое моих почти восемнадцати лет на этой земле, заперто в кузове фургона и готово отправиться через весь город.

— Это было проще простого. Ты готова к тому, что будет дальше? — спрашивает Деймон.

— Нет, но это меня не остановит.

Я отступаю от него и направляюсь к лестнице.

Я высоко держу голову и расправляю плечи.

— Подожди, я пойду с тобой, — говорит Алекс, но останавливается, когда я оборачиваюсь и смотрю ему в глаза.

— Нет. Мне нужно сделать это самой. Я встречу вас обоих в машине через несколько минут, хорошо?

— Ангел, тебе не нужно этого делать в одиночку.

— Я хочу.

Я на мгновение задерживаю взгляд Деймона, и он кивает, прежде чем я разворачиваюсь и направляюсь вверх по лестнице.

С каждым шагом, который я делаю, я становлюсь немного увереннее, и к тому времени, когда я оказываюсь на первом этаже и стою перед спальней моих родителей, я чувствую себя крутой принцессой мафии, которой я была рождена, женщиной, которая достаточно сильна,

чтобы стоять рядом с Деймоном, когда мы принимаем все, что может преподнести нам будущее, эта жизнь.

Я делаю последний глубокий вдох, прежде чем поднять руку и постучать.

— Заходи, — зовет она, и я иду вперед, мне нужно сделать это скорее раньше, чем позже. Я устала прятаться, притворяясь, что меня устраивает то, как она хочет, чтобы я жила своей жизнью.

Через несколько дней я стану взрослой, и я полностью готова столкнуться с последствиями этого решения... Я думаю.

— Каллиста, что ты тут... это приятный сюрприз, — говорит она, быстро меняя тему.

— Да, я уверена, что это так, — бормочу я себе под нос, изучая ее.

На ней темно-красный шелковый халат, ее прическа и макияж, как всегда, на высоте, и нет абсолютно никаких признаков того, что она страдает, скучает по моему отцу ни в малейшей степени. Она выглядит так же, как и каждый день. Как будто потеря мужа, любви всей ее жизни, отца ее детей, никак не изменила ее жизнь.

— Ты могла бы приодеться, если собиралась путешествовать через весь город, — отчитывает она, с отвращением разглядывая мою комбинацию из толстовки и леггинсов.

— Я в порядке, спасибо. Последние две недели были... адом. Я действительно не в настроении приводить себя в порядок.

— Хорошо, хорошо. Ты хотела сказать что-то важное? Мне нужно в спа. Я нанимаю нового менеджера.

— Почему? Что случилось с—

— Это не твоя забота, Каллиста. — Она отмахивается от меня, фактически прекращая разговор.

— Но она была в твоём лондонском спа-салоне с тех пор, как ты его открыла.

— Да, хорошо. Не все получается совсем так, как ты планируешь, не так ли?

Я хватаюсь за свои отсканированные фотографии в кармане толстовки. — Нет. Думаю, что нет. Говоря о планах, я пришла сказать тебе, что я внесла некоторые существенные изменения в свои в свете того, что недавно произошло.

Теперь это привлекает ее интерес, и она, наконец, оглядывается на меня, вместо того чтобы рыться в бесконечных вешалках с одеждой в своей гардеробной. — О?

— Я съезжаю, — выпаливаю я, прежде чем струсить.

Мамины брови взлетают вверх, но благодаря количеству ботокса, который ей вкололи в лицо, ее бровь даже не дергается. — Т-ты съезжаешь?

— Да. На самом деле, я *съехала*. Подвал уже пуст, и мои вещи на пути в их новый дом.

Ее губы сжимаются в тонкую линию, но я отказываюсь съезжиться. Это мое решение, правильное решение, и я буду придерживаться его, независимо от ее реакции.

— И куда именно ты направляешься?

— Буду жить в квартире Деймона.

Горький смех срывается с ее губ. Он полон неверия и отвращения.

— Твой отец сказал тебе, что ты не можешь переехать в это здание.

— Моего отца здесь больше нет, если ты не заметила. И мне через несколько дней исполнится восемнадцать. С этого момента я могу принимать собственные решения. И раз уж мы об этом заговорили, это включает в себя то, что я не собираюсь поступать в университет по твоему выбору, чтобы пройти курс, который, по твоему мнению, подошел бы для меня.

Платье, которое она держит в руке, падает на пол при этом признании, и она устремляется ко мне, ее глаза полны огня.

— Теперь подождите минутку, юная леди.

— Нет, я ничего не жду. Ты годами ни о чем не заботилась, кроме себя и своей репутации. Твой эгоизм — единственная причина, по которой папы здесь больше нет. Если бы тебе не нужно было устраивать ту дурацкую вечеринку, когда угроза со стороны итальянцев была такой сильной, то ничего бы этого не произошло. Не то чтобы тебя, кажется, *волновало*, что это произошло.

— Как поживает твой сын, мама? Нико смотрел на папу так, словно тот подвесил луну в небе, но ты даже не попыталась позвонить ему, чтобы узнать, как он справляется, не так ли? Ты вообще заметила, что меня не было здесь почти две недели?

— Конечно, я заметила, — выплевывает она.

— И не только потому, что у тебя не было никого, кроме Джослин, чтобы командовать, пытаться контролировать? С меня хватит, мам. Если я тебе понадобится, то ты знаешь, где меня найти. У тебя есть номер моего телефона, если когда-нибудь захочешь поговорить.

И с этими словами я ухожу, даже не потрудившись оглянуться, когда она выкрикивает мое имя, как будто я не более чем ее комнатная собачка, которой она интересуется, только когда ей одиноко.

Мои шаги несутся вниз по лестнице, моя потребность выбраться из этого дома и подальше от нее.

Джослин прямо там, у подножия лестницы, ждет меня. Я наполовину ожидала, что Алекс и Деймон будут рядом с ней, но Джослин — это сила, с которой нужно считаться, когда она этого хочет, так что, возможно, мне не стоит удивляться, что она добилась своего.

— Калли? — спрашивает она, когда я ничего не отвечаю.

— Дело сделано. Я рассказала ей, что я делаю, и дала понять, что ее мнение по этому поводу ничего не значит.

— Я так горжусь тобой, Калли. — Она раскрывает руки, чтобы обнять меня, но, как бы мне ни было больно это делать, я поднимаю руки, чтобы остановить ее. Если она обнимет меня, то я сломаюсь, а я не хочу делать этого здесь.

Она понимающе кивает и делает шаг назад.

— Мы рады вам в любое время.

— Сосредоточься на том, чтобы сделать своего мужчину лучше и сдать экзамены. И тогда я приму твое предложение.

— Договорились, — говорю я с мягкой улыбкой, в миллионный раз желая, чтобы она была моей матерью, а не бессердечная сука наверху, которая даже не пыталась догнать меня, чтобы поспорить со мной. — Спасибо тебе за все, Джослин.

— Не за что, моя милая девочка. А теперь иди и начни свою новую жизнь со своим сексуальным мужчиной.

— Нам нужно найти тебе парня, Джей, ты тоже заслуживаешь немного повеселиться.

— Как скажешь. А теперь иди. И развлекайся. Знаешь, тебе всего восемнадцать.

— Спасибо, — кричу я, выбегая из дома и направляясь к машине, которая, я знаю, скрывает от меня моих мальчиков. — Я сделала это, — кричу я, как только запрыгиваю внутрь. — Я сделала это, и я ушла, и все кончено.

Деймон смотрит на меня с благоговением, запечатленным на каждом дюйме его лица. — Да?

— Да. Сказала ей, что я уже ушла и что универа не будет. Я свободна.

Он изучает меня так, как будто не может поверить в то, что я ему говорю, или он ожидал, что я сломаюсь. Честно говоря, я могла бы. Но прямо сейчас я на пике своего успеха.

— Отвези меня домой. Я готова начать нашу новую совместную жизнь, — требую я.

— Черт возьми, да, — соглашается Деймон, прежде чем потянуться ко мне и не оставить мне выбора, кроме как сесть к нему на колени. — Веди машину осторожно, да, братан? У нас на борту драгоценный груз.

— Деймон, даже не думай о—

Его губы заявляют права на мои, и все, кроме нас двоих, перестает существовать. Все, что я могу сделать, это надеяться, что Алекс серьезно отнесся к требованию Деймона, потому что я слишком потеряна, чтобы заботиться о чем-либо, кроме мужчины между моих бедер прямо сейчас.

25

ДЕЙМОН

— После всего, что я для тебя сделал, — ворчит Алекс, распахивая дверь в ту же секунду, как останавливает машину, и запирая ее.

Как только он оказывается достаточно далеко, чтобы не слышать нас, мы с Калли оба разражаемся хохотом.

— Это было подло, — выдыхает она сквозь радость.

— Он может это вынести, он большой мальчик.

Мои руки сжимаются на ее заднице, покачивая ее над моим стояком.

Возможно, мы с удовольствием дразнили Алекса своими поцелуями и громкими стонами, но на этом все закончилось. Хотя у меня может быть ноль проблем с тем, чтобы заявить о своих правах на Калли при каждом удобном случае, я знаю, что с Алексом в этом нет необходимости. Я также не хотел, блядь, умирать. Я знаю, каков он за рулем, когда отвлекается, и я хотел, чтобы все мы дожили до следующего дня, спасибо вам чертовски большое.

— Ммм... Я тоже могу это вынести, — рычит она мне на ухо.

— Ты, Каллиста Чирилло, плохая, очень плохая девочка.

— Вот что происходит, когда тебя забирает дьявол, — стонет она, заставляя мой член изнывать от желания к ней.

— Я должен отвести тебя наверх, — признаюсь я. Она слишком хороша для этого. Трахаться в машине посреди подземного гаража.

— Не относись ко мне как к той девушке, Деймон. Не тогда, когда ты знаешь, что она так далека от истины, — предупреждает она.

— О, Ангел. Я более чем осознаю, что внутри тебя сидит маленький дьяволенок. Я хватаю ее за горло, и она вздрагивает, ее потрясенный вздох разрывает воздух. — Я видел его.

Ее бедра двигаются сильно, более настойчиво в ответ на мои слова.

— Ты был засранцем для доктора.

— Он хотел кое-что, что принадлежало мне.

— Деймон, он действительно, действительно этого не делал. Он был чертовски напуган тобой.

— Я знаю, мне это понравилось, — признаюсь я.

Она качает головой, отчитывая меня, но, вопреки этому, протягивает руки и расстегивает молнию на моей толстовке, обнажая мою изуродованную кожу.

Привычка заставляет мои мышцы напрягаться от потребности прикрыться, и в ту секунду, когда она отстраняется, ее глаза встречаются с моими, я знаю, что она это почувствовала.

— Никогда не прячься от меня, Николас. И в ответ я никогда не буду прятаться от тебя. Никогда. — Она наклоняется вперед, проводя носом по моему горлу. — Я хочу всех тебя. Хороших, плохих и уродливых. Темных, опасных и смертоносных. И все, что между ними. Твои шрамы меня не пугают, как и твоя тьма. Единственное, что меня по-настоящему пугает, это мысль о том, что ты отгораживаешься от меня, что я тебя теряю.

— Черт возьми, Ангел. Ты разрушаешь меня.

— Хорошо. Это чувство полностью взаимно. Итак, ты собираешься что-нибудь предпринять по этому поводу, — она снова покачивает бедрами, — прежде чем мы поднимемся в нашу квартиру и начнем нашу новую жизнь? Вместе.

В моей груди раздается одобрителный рык.

— Скажи это еще раз, — требую я.

— Вместе.

— Да, другая часть, — стону я, когда она продолжает давить на меня.

Ее брови сжимаются, когда она вспоминает, прежде чем гаснет лампочка.

— Наша квартира?

— Черт возьми, да. Наша.

Моя сдержанность разлетелась в клочья, я переворачиваю нас, укладываю ее на сиденье рядом со мной и стаскиваю леггинсы и нижнее белье с ее ног.

— Деймон, — кричит она в шоке, когда я натягиваю штаны на задницу, освобождая свой член.

Кончик блестит от всей ее шлифовки.

— Пожалуйста.

— Чертовски нравится, когда ты выпрашиваешь мой член, Ангел.

Закидывая одну из ее ног себе на плечо, я отрываю ее бедра от сиденья и резко вхожу в нее.

— Да, — кричит она, ее киска сжимается вокруг меня и пытается засосать меня глубже.

Черт. Мои глаза закатываются, когда я сжимаю ее бедра сильнее, прижимая ее тело ко мне, пока я не погружаюсь полностью.

— Да, да, — повторяет она, когда я кружу бедрами, задевая это сладкое местечко внутри нее с каждым вращением. — Трахни меня, Деймон. Мне это нужно, ты мне нужен.

Нависая над ней, я кладу руку рядом с ее головой, удерживая другой рукой ее бедро.

— Я никогда ни в чем не могу тебе отказать, Ангел.

Я сильно вошел в нее, и, если бы я не держал ее, она ударилась бы головой о дверь.

Прошлой ночью, когда я лежал там, прокручивая в голове все это безумное дерьмо и гугля, как сумасшедший, пытаюсь подавить панику, это была одна из вещей, которые я искал.

С тех пор, как я вернулся, я не действовал с ней жестко. Мое тело было не в состоянии этого сделать. Но черт возьми, если я этого не хотел, и мысль о том, чтобы что-то сделать, причинить боль ей или ребенку, чертовски пугала меня. Но, прочитав о сексе во время беременности больше, чем я когда-либо думал в своей жизни, я понял, что, к счастью, мне

не нужно сдерживать свою девушку. По крайней мере, пока нет. Возможно, у нее найдется еще что-нибудь сказать по этому поводу чуть позже. Но прямо сейчас она будет продолжать получать худшее — или лучшее, как она могла бы утверждать, — от меня. Потому что, черт возьми... Мне нужно было, чтобы она была чем-то свирепым.

Ее ногти впиваются в меня, царапая мои плечи после того, как я стягиваю толстовку с рук, когда я беру ее с дикой самоотдачей.

— Моя. Моя. Моя, — повторяю я с каждым ударом.

— Да. ДА. Деймон. Николас. Черт.

— Кончай на мой член, Ангел. Затем ты вернешься в нашу квартиру и начнешь наше совместное будущее с моей спермой, капающей из твоей киски.

— О боже, — хнычет она, ее влагилице сжимается на мне. — Я люблю тебя.

Садясь, я слегка меняю угол наклона и прижимаю большой палец к ее клитору. В ту секунду, когда я поворачиваю его, она взрывается, наполняя тишину подземного гаража своими криками по мне.

Еще три толчка, и я падаю через край, мой член дергается глубоко внутри нее, покрывая каждый дюйм ее тела мной.

— Черт, Ангел, — тяжело дышу я, падая на нее и заявляя права на ее губы.

— Мне нужен душ, — жалуется она, заставляя меня смеяться.

— Я уверен, что это можно устроить. Мне чертовски нравится принимать с тобой душ.

— Чтобы очиститься, Деймон, — возражает она. Я все еще внутри нее, так что не может быть, чтобы она не почувствовала, как я снова закаляюсь.

— Конечно. Мы тоже вполне можем это сделать.

Она смеется, но смех быстро обрывается, когда я провожу языком по ее губам и краду последний поцелуй, прежде чем позволяю ей снова одеться, и мы направляемся наверх.

— Знаешь, однажды Нико поймает тебя и убьет, — тихо бормочет Калли, когда мы рука об руку выходим из лифта и направляемся к нашей входной двери.

— Я бы хотел посмотреть, как он попытается. Я лучший солдат, чем он, положив руку на сердце, — уверенно заявляю я.

— Возможно, ты не захочешь, чтобы он слышал, как ты это говоришь.

— Сначала ему нужно было бы покинуть свою квартиру, Красавица.

Она замирает от моих слов, но точно не может спорить.

— С ним все будет в порядке, ты же знаешь. Мы не позволим ему утонуть, — уверяю я ее, пока мы идем по коридору в гостиную.

— Я знаю, я просто— Ее слова запинаяются, когда мы видим кого-то, сидящего на диване, кто немедленно привлекает наше внимание.

— Дядя Дэмиен.

Когда он появился в ее подвале, сразу стало очевидно, что он не был шокирован, обнаружив меня там. И я знаю, что это не потому, что Тео позвал его на помощь.

У него, блядь, повсюду глаза. Он, вероятно, знал, что я планирую покинуть квартиру, еще до того, как я переступил порог.

Бьюсь об заклад, он, блядь, тоже знает, куда мы пошли и почему.

Мне было насрать, если Дэмиен узнает, что я нарушил приказ и ушел. Мы с Алексом устроили все так, чтобы все было как можно безопаснее и незаметнее. И, черт возьми, чтобы получить шанс увидеть нашу маленькую каплю и убедиться, что с Калли все в порядке, я бы сделал это снова не задумываясь.

— Что для тебя значат слова «*Не покидать это здание, солдат?*» — Дэмиен рычит, устраивая шоу.

Калли напрягается рядом со мной, явно немного напуганная маской Босса Дэмиена. На меня, однако, это подействовало не так. Я вижу легкость в его глазах. Это несерьезное предупреждение. Если бы это было так, я бы уже смотрел в дуло его пистолета. Или хуже.

— Смягчающие обстоятельства, — говорю я, притягивая Калли к себе и обнимая ее, защищая.

— Понимаю.

Калли прерывисто дышит, когда ее дядя подтверждает то, что я уже знал.

Хлопнув руками по коленям, он толкается, чтобы встать.

— Думаю, тебя можно поздравить, — говорит он с улыбкой. — Должен быть честен, малыш. Я не думал, что ты будешь первым, кто подарит нам наследника, но, полагаю, случались и более странные вещи.

Мои губы приоткрываются, чтобы ответить, но Калли опережает меня.

— Это не было запланировано, — выпаливает она.

— Как я и подозревал. Но все это происходит по какой-то причине. Мы с Селеной были ненамного старше вас обоих, когда узнали, что она ждет Тео. Быть молодым не всегда должно быть плохо. Я стал лучше в тот день, когда стал отцом, и я не сомневаюсь, что ты тоже станешь таким, сынок, — говорит он, не сводя с меня глаз.

Я киваю, благодарный за его слова.

— Но, — настаивает он, желая сохранить видимость закоренелого босса мафии, которым он и является, — если ты снова ослушаешься моих прямых приказов, ты можешь не дожить до того дня, когда это произойдет.

Калли задыхается от ужаса.

— Он шутит, — уверяю я ее.

— Разве? — зловеще спрашивает Дэмиен.

Я действительно чертовски надеюсь на это.

— У нас все налажено с итальянцами. Позволь нам делать нашу работу, пока ты остаешься здесь и делаешь свою, присматривая за моей племянницей.

— Конечно, Босс, я согласен.

— И, пожалуйста, помните, что у меня есть доступ ко всем записям с камер видеонаблюдения в общественных зонах этого здания. Включая гараж.

Я прикусываю внутреннюю сторону щеки, чтобы сдержать улыбку, которая хочет расплыться по моему лицу.

Он дразнит нас, я знаю, что это так. Мы были на заднем сиденье затемненной машины. Но мы были заперты внутри довольно долгое время, и я могу только предположить, что у него неплохое воображение.

— Мы запомним это, Босс.

Он подходит ближе и кладет руку на плечо Калли. — Я знаю, что сейчас у тебя и твоей матери... напряженные отношения. Но если тебе что-нибудь понадобится, наша дверь всегда открыта для тебя. Если тебе нужен какой-нибудь совет, что угодно, Селена на другом конце провода, хорошо?

Келли шмыгает носом и кивает.

— С-спасибо тебе.

— Хорошо, а теперь. Присмотри там за моим будущим боссом, — инструктирует он. —

Я собираюсь повидаться с твоим братом, посмотрим, смогу ли я вразумить его.

Он уходит, прежде чем мы получаем шанс ответить.

— Удачи, — кричит ему вслед Калли. — Я пыталась сделать это годами.

Хлопок входной двери отдается эхом во мне, прежде чем я протягиваю руку и притягиваю Калли к себе.

— Итак, на чем мы остановились? — Бормочу я, касаясь кончиком своего носа ее.

— Я не могу поверить, что он все знает, — шепчет она.

— Калли, — вздыхаю я. — Зная Дэмиена, он, вероятно, с самого начала знал, что ты тусуешься с Антом. В этой семье мало что происходит, что не попадает в поле его зрения.

— Но он никогда ничего не говорил.

— Вероятно, понял то, чего я не понял сразу.

— О да, что это?

— Что он не угроза. Он союзник.

— Правда? — спрашивает она, подозрительно морща нос.

— Я думаю, мы никогда этого не узнаем. И на самом деле, это не имеет значения. Насколько я понимаю, мы все оказались именно там, где и должны были быть. — Ладно, так что, может быть, не Эван... Но наш мир... это жестоко, безысходно и причиняет боль. Иногда гибнут невинные, но мы должны верить, что это для общего блага. Калли поправится, Нико снова найдет свой путь, и кто знает, может быть, он встанет рядом с Дэмиеном гораздо раньше, чем кто-либо из нас верил. Ему просто нужно помнить, что он Нико, блядь, Чирилло, сделать шаг вперед и заставить своего отца гордиться собой. Потому что, несмотря на то, что большую часть времени он немного придурок, он чертовски классный солдат и, я подозреваю, еще лучший заместитель босса. Но я думаю, что это покажет только время.

— Итак, Ангел, — бормочу я, мои губы касаются ее с каждым словом. — Я думал об этом душе, — признаюсь я.

— О да? — выдыхает она, глядя на меня из-под ресниц.

— В главной ванной комнате есть ванна, которой никогда не пользовались. Что ты скажешь о успокаивающей воде, пушистых пузырьках, мерцающих свечах и о том, чтобы разделить это с одним из самых страшных засранцев в городе?

— Я говорю... давай. Но я должна предупредить тебя, я Каллиста Чирилло. Понадобится не один страшный засранец, чтобы справиться со мной.

Она визжит, когда я поднимаю ее на руки.

— Хорошо, — бормочу я, покрывая поцелуями ее шею. — Я должен надеяться, что я уже обучил тебя чему-то лучше этого.

Ее стон удовольствия разрывает воздух, когда я посасываю чувствительную кожу под ее ухом.

— Я люблю тебя, Николас.

— Я тоже люблю тебя, Ангел. Всегда любил и всегда буду любить.

ЭПИЛОГ

КАЛЛИ

У меня была одна из лучших недель в моей жизни с тех пор, как я официально переехала к Деймону. Он был всем, что мне было нужно, идеальным отвлечением и лучшим соседом, о котором я могла мечтать.

Его возвращение, возможно, помогло мне отвлечься от моего горя. Черт возьми, это уменьшило мое горе вдвое в одно мгновение. И забота о нем в те первые несколько дней действительно помогла мне отодвинуть свою боль в сторону и сосредоточиться на нем.

Но когда мы погрузились в нашу реальность, огромная дыра, которую папа оставил в моей жизни, снова начала открываться.

Все рухнуло вокруг меня, когда Деймон затащил меня в ванну, которую он обещал мне после того, как мы вернулись в субботу. Реальность того, что я только что сделала, чувства, которые я подавляла, находясь в доме, который любил папа, и окруженная всеми его вещами, просто вырвались наружу.

Деймон был тверд, как скала, когда он опустил нас еще глубже в воду и держал меня, пока я плакала, говорил мне, как сильно он меня любит и какая я невероятная.

Это было всем. Он был всем.

Мое все.

Как бы мне этого не хотелось, я встала в понедельник утром, позволила Деймону приготовить мне завтрак и направилась в школу.

Возвращение в мою жизнь было странным. Это было похоже на возвращение в прошлое, как будто последних нескольких недель не было.

Как будто я не была похищена моим теперь уже маленьким папочкой, который прятался от остального мира, пока мы притворялись, что между нами что-то возможно. Что мой отец не заплатил самую высокую цену за ту жизнь, которой мы живем. Что моя мать не справилась со своими родительскими обязанностями, и что я собираюсь взять их на себя вместо нее всего через несколько коротких месяцев.

Я всегда знала, что жизнь может измениться в мгновение ока, но никогда раньше не испытывала этого так жестоко.

Чьи-то руки обхватили меня за плечи, когда тепло двух моих лучших друзей разлилось по моим бокам, и мы втроем вернулись в колледж Найтс-Ридж, как будто все в мире было правильно.

Алекс был там, ожидая меня вместе с Тео и Себом. Неудивительно, что Нико отсутствовал, разговор Дэмиена с ним в субботу, похоже, не оказал особого влияния. Но рядом с ними был Джером, на его лице играла легкая улыбка.

Чувство вины сжало мои внутренности, когда я поняла, насколько сильно я его бросила. Он тоже страдал, хотя и по-другому, и я бросила все наши учебные занятия, даже не написав сообщение об отмене.

Насколько я знала, он был в таком же неведении о ситуации с Деймоном, как и мама, и я была более чем готова поддерживать этот фасад, пока это обеспечивало безопасность ему и Анту, пока дядя Дэмиен и другие разрабатывали план, как навсегда покончить с итальянской угрозой.

Ко всеобщему разочарованию, особенно Алекса, мы настояли на том, чтобы провести оба наших дня рождения на этой неделе взаперти в нашей квартире друг с другом. И это не только потому, что Деймон не мог пойти куда-то еще, но и потому, что мы не хотели.

Нас едва не разлучили навсегда еще до того, как мы начали. Наше время, проведенное вместе как пара, было драгоценно, особенно потому, что мы не собирались оставаться вдвоем так долго.

Мы заказали еду на вынос, повалялись на диване за просмотром фильмов, а затем упали в постель, сплетя конечности, и наслаждались друг другом до раннего утра. На следующее

утро я едва могла открыть глаза, но поборола усталость первого триместра и сосредоточилась на школе. Возможно, я и приняла решение отказаться от университета, но это не означало, что я не собиралась вкладывать все силы в экзамены. И Деймон поддерживал меня на протяжении всего пути, помогая мне учиться и хорошо кормя меня, пока я работала.

На этой неделе мы запретили кому бы то ни было появляться в нашей квартире, сказав им всем, что мы просто хотим обжиться, ко всеобщему раздражению. Так что никто из нас не был слишком удивлен, когда сегодня утром первым делом раздался звонок, и мы обнаружили Джанну и Джослин по другую сторону камеры, поднимающих сумки с завтраком и подарками, чтобы мы могли их увидеть.

Они принесли все виды выпечки, которые смогли найти, и мы вчетвером набили морды, пока мы с Деймоном открывали подарки и смеялись вместе с их историями. К счастью, Джослин избегала любых разговоров о маме в нашем разговоре, позволяя мне держать ее подальше от моего сознания.

— Ради всего святого, — стонет Деймон мне в шею, когда мы свернулись калачиком на диване после того, как Джослин и Джанна ушли меньше десяти минут назад. — Они составили гребаное расписание или что-то в этом роде?

— Мы действительно дали им сегодня свободный проход, — говорю я, неохотно высвобождая свои ноги из его, чтобы он мог пойти и посмотреть, кто это на этот раз.

Это явно кто-то, кто живет в этом здании, судя по тому, что они стучат в дверь. На самом деле мы должны быть просто благодарны, что они потрудились и не вломились прямо к нам, как, похоже, нравится делать Алексу. Однажды он увидит то, чего не хочет видеть, и, надеюсь, это шокирует его и избавит от привычки. Мне нравится, что они с Деймоном близки, но всему есть предел.

— О, черт, Ангел. Алексу на день рождения подарили девушку, — со смехом кричит Деймон, подходя к двери.

— Ни хрена. Нико купил ему проститутку? — отвечаю я, вздрагивая, зная, что это то, что мой брат сделал бы до смерти отца. Я даже не уверена, что он вспомнил бы все наши дни рождения на этой неделе, если бы другие не позаботились о том, чтобы он знал.

Он подсунул нам карточки под дверь в наши знаменательные дни, и я получила сообщение, но это был предел его усилий.

Я не могу винить его — он тонул в горе и едва подпускал кого-либо из нас достаточно близко, чтобы даже попытаться поддержать его. Но это все равно причиняло боль.

Тем не менее, это было больше, чем я получила от нашей матери, так что, я думаю, это было что-то.

— Отвали, никто не покупал мне проститутку, — ворчит Алекс, его голос становится громче по мере приближения.

— Значит, все еще соблюдаешь целибат? — спрашиваю я, когда он заворачивает за угол.

— Знаешь, малышка Си, ты мне раньше нравилась больше, — ворчит он, прежде чем броситься ко мне, сбить меня с ног и закружить по комнате.

Я визжу, когда мой желудок опускается до самого низа.

— Остановись, остановись, — кричу я, прежде чем меня вырвет прямо на него.

Что касается симптомов беременности, я думаю, что до сих пор мне довольно везло. Но время от времени на меня накатывает сильная волна тошноты, и я должна подготовиться

бежать. Пока мне это не нужно, но я думаю, что время подходит.

— Алекс, отпусти ее, — командует Деймон, его голос не оставляет места для споров, и Алекс, хороший маленький щенок, которым он и является, почти мгновенно ставит меня на ноги, в то время как мир вращается вокруг меня, и мой желудок сжимается.

— Ты в порядке? — Деймон шепчет мне на ухо, притягивая меня к своему телу.

— Д-да. Я в порядке.

— И он прав, Кас не проститутка, — произносит очень знакомый женский голос с порога. — И она немного предпочитает своих мужчин... старше, с большим количеством чернил и немного грубее по краям.

— Ты хочешь сказать, что мой член недостаточно хорош для тебя, крошка?

Я ахаю от слов Алекс, но в ту секунду, когда я замечаю ухмылку, которую она бросает в его сторону, я расслабляюсь, понимая, что они знают друг друга.

— Что, черт возьми, происходит? — Рывкает Деймон, указывая мне на тот факт, что он в таком же неведении, как и я здесь.

— Кас здесь в качестве подарка на твой день рождения.

— Мы всегда говорили, что хотим повторения той ночи, братан. Вот я и подумал... — Алекс многозначительно шевелит бровями, и мои глаза расширяются.

Я не идиотка, они оба намекали на совместное времяпрепровождение в прошлом, и я достаточно наслушалась за эти годы о деятельности парней... что это вряд ли удивительно.

Но вот так нагло прямо передо мной было не то, чего я ожидала.

— О, пожааалуйста. Ни один из вас не смог бы себе этого позволить. Хотя вам нужно будет снять эти футболки. Покажите нам свои мышцы пресса, мальчики, — говорит Кас, незнакомка в комнате, немедленно подставляя мне спину.

— О нет, я так не думаю, — возражаю я, стоя перед Деймоном, как будто я смогу защитить его от демонстрации кому-либо своих шрамов.

Но когда все, что он делает, это посмеивается у меня за спиной, смущение обжигает меня, заставляя мои щеки гореть.

— Я чертовски люблю тебя, Ангел. Но я думаю, что знаю, что сделал мой брат, — говорит он немного громко, в то время как Алекс смеется.

— Мы заключили сделку, братан. Мы теряем наши V-карты в наше восемнадцатилетие.

— Боюсь, ты немного опоздал с этим, — бормочу я.

— Да, около четырех лет, — соглашается Алекс, и Деймон напрягается.

— Четыре? — в шоке спрашиваю я.

— Да, но давай не будем сейчас об этом, это некрасивая история, — говорит Алекс, пытаясь отмахнуться от нее.

— Но мы все сейчас хотим услышать, — говорит Эмми, точно выражая мои мысли.

— Не сейчас, — ворчит Деймон, но то, как его рука сжимает мои бедра, говорит мне, что никто, кроме меня, не будет посвящен в эту информацию. И что-то подсказывает мне, что это может быть просто одной из тех вещей, которые он запихнул в этот запирающийся ящик внутри себя в надежде, что ему никогда не придется говорить об этом снова.

— Может кто-нибудь, пожалуйста, сказать мне, что происходит? — спрашиваю я, отчаянно желая докопаться до сути.

Кас выходит вперед и протягивает мне руку. Привет, Калли, я Кас. Я художник, и я работаю с отцом Эмми. Очевидно, эти двое хотят чернила на день рождения.

— Чернила? — спрашиваю я, оглядываясь на Деймона.

Он просто пожимает плечами, на его губах играет легкая улыбка.

— Да, когда мы были детьми, мы заключили договор, что сделаем наши первые чернила вместе на наш восемнадцатый день рождения. И, видя, что мы застряли в этой... ситуации, я нашел способ доставить нам чернила.

— Это безопасно? — спрашиваю я.

— Конечно, я профессионал, — говорит Кас с улыбкой. — Я знаю, что выгляжу молодо, но я могу заверить вас—

— Н-нет, я не это имела в виду. Извини, я не предполагала, что ты не можешь... — Я замолкаю, мои щеки пылают, потому что она предположила, что я сомневаюсь в ее навыках.

— Кас надежная, — уверяет нас Эмми. — Правда, Кас?

— Да, мои губы на замке. Меня даже здесь никогда не было. — Она подмигивает. — Итак, кого из вас, больших плохих солдат, я должна довести до слез первым?

Я испытываю странное волнение, когда Кас усаживает Деймона в кресло и, к счастью, не требует от него снимать майку, когда я обнаруживаю, что у близнецов одинаковые рисунки на бицепсах.

— Ты знаешь, мне не следовало трогать такой свежий шрам, — отчитывает она, очищая кожу Деймона.

— Так что никому не говори. — Он пожимает плечами. — Мне нужно, чтобы эта штука исчезла.

Не в силах спорить с моими упрямыми мальчиками, Кас просто вздыхает и продолжает, пока они оба не будут готовы.

***

— Ты почти готова, Ангел? Стелла угрожает прийти и затащить нас наверх под дулом пистолета, — бормочет Деймон, входя в нашу спальню и заставляя меня завивающей волосы.

— Да, почти готово. — Я улыбаюсь ему в зеркале, мой желудок трепещет, когда его глаза встречаются с моими.

Выключая щипцы, я поворачиваюсь и сокращаю пространство между нами.

— Привет, — выдыхаю я.

— Привет, Ангел. — В его глазах искрятся азарт и озорство.

— О чем ты думаешь?

— О том, как нам будет весело, когда я позже сниму это платье с твоего тела.

— Ммм... может, нам стоит пропустить эту вечеринку.

— Как бы заманчиво это ни было, я бы предпочел, чтобы Стелла не отстреливала мне яйца за то, что я держу ее лучшую подругу взаперти в моем замке.

— В эти дни я больше всего далека от того, чтобы оказаться взаперти. Я просто предпочитаю быть здесь и иметь круглосуточный доступ к твоему телу.

Он рычит, когда я протягиваю руку и обхватываю его через джинсы.

— Я не могу жаловаться на это, Ангел. Но, похоже, у наших друзей другое мнение.

— Наши друзья? — спрашиваю я, не в силах сдержать улыбку на губах.

С тех пор, как он вернулся и все узнали правду о нас, он принял дружбу каждого, как я хотела, чтобы он сделал много лет назад.

Он больше не держит всех на расстоянии вытянутой руки и не отказывается от помощи, когда ее предлагают. Вместо этого он начинает понимать, как хорошо быть окруженным друзьями, готовыми на все.

Наша семья.

И на данный момент, похоже, это все еще включает Анта.

Кажется, он более чем доволен, тем, что живет внизу и прячется от остальной семьи, пока дядя Дэмиен и другие занимаются тем, чем они занимаются.

Из того, что я слышала, все парни приходили, чтобы потусоваться с ним на прошлой неделе и составить ему компанию. До меня даже дошел слух, что Айлу поймали при побеге.

Я думаю, всеобщая признательность за то, что он сделал для Деймона, перевешивает любые подозрения относительно его наследия.

Я счастлива, живя в неведении об итальянском плане, когда мой мальчик в безопасности рядом со мной.

Они еще не попросили его вернуться к работе, и ничего не было сказано о школе или его экзаменах, так что я просто принимаю каждый день таким, какой он есть. Как благословение.

— Да, оказывается, с ними все в порядке, — признается он.

— В порядке? Не позволяй им слышать, как ты это говоришь, — шучу я, протягивая руку и касаясь своими губами его.

В ту же секунду, как я это делаю, его телефон вибрирует между нами.

Просовывая руку в его карман, я нахожу звонок по FaceTime от Стеллы.

Обнимая Деймона за шею, я провожу пальцем по экрану, чтобы ответить.

— Черт возьми, я надеялась застать вас в середине траха, потому что нет других причин, по которым вы должны так поздно поднимать свои задницы вверх.

— Боже, Стел. Себ сегодня не довел тебя до оргазма или что-то вроде того? — шучу я.

— Не заставляй меня заводить разговор о нем, — выплевывает она.

— Вау, что он сделал? — спрашивает Деймон.

— Ничего, — грохочет глубокий голос где-то рядом с телефоном. — Я ничего не сделал.

— Именно это я и хочу сказать.

— Мы скоро будем. Пожалуйста, не убивайте друг друга.

— Лучше бы им, черт возьми, не появляться в моей квартире. Я не собираюсь смывать их кровь со своих полов из цельного дерева, — предупреждает Тео.

Протянув руку, Деймон прерывает звонок.

— Господи, они смешны, — язвительно замечает Деймон.

— Налей им немного выпивки, и Тео не будет беспокоиться об их крови у себя на полу.

— Он выйдет из себя, если они помирятся в его квартире.

— Я знаю. Нам нужно идти, чтобы не пропустить это.

Сцепив пальцы, мы поднимаемся по лестнице в сторону пентхауса Тео.

В ту секунду, когда мы открываем дверь, громкая музыка наполняет мои уши, и когда мы добираемся до гостиной, сразу становится очевидно, что напитки уже не просто льются рекой.

— Я знаю, что мы опоздали, но не настолько, — шутит Деймон позади меня, когда мы наблюдаем, как Себ и Стелла лапают друг друга в такт музыке за спиной Тео, где он сидит с Эмми на коленях, Тоби, Джоди и Бри рядом с ним, а Ант, Алекс и Айла напротив. Единственный человек, которого не хватает, — Нико, и это разбивает мне сердце.

— О, черт, — кричит Айла, как только видит нас.

— Черт, — рывкает Эмми, прежде чем все они вскакивают на ноги и достают бог знает

откуда праздничные хлопушки. Они выпускают их на нас двоих, крича «С Днем рождения» и падая от смеха. Я предполагаю, глядя на лицо Деймона. Вскоре я получаю подтверждение, когда поворачиваюсь к нему, ошеломленно застыв.

— Ты выглядишь так, словно увидел привидение, — кричу я, мое собственное веселье берет верх надо мной.

— Я просто не ожидал этого, — говорит он, пожимая плечами, пытаясь отыграть, как будто это обычное явление. Ему нужно привыкнуть к этому, потому что так и будет. Ну, может быть, не о вечеринках, но о том, чтобы повеселиться с нашими друзьями, будет.

— Коктейли, — радостно объявляет Бри. — Вам обоим нужна особая Брианна.

Она подмигивает мне, направляясь на кухню, давая понять, что она присмотрит за мной.

— Где Ник—

У меня не было возможности закончить свой вопрос, потому что мое внимание привлекло движение с другой стороны комнаты.

— Нико, — кричу я, бросаясь к нему.

— И ты не могла подождать еще минуту, чтобы я мог отлить, — бормочет он, когда я крепко обнимаю его.

— Рада тебя видеть, брат.

— Я тоже, сестренка. Он все еще хорошо к тебе относится?

— Так и есть. Давай, пошли повеселимся.

Отступая назад, я нахожу, что он смотрит на Деймона убийственным взглядом, но Деймона это предупреждение несколько не смущает. Но я также не упускаю из виду то, как он поглядывает на Бри, которая занята тем, что трясет попой, смешивая коктейль.

— Просто иди туда. Наслаждайся, — говорю я, не в силах поверить, что подбиваю своего брата пойти и перепихнуться.

— Я... Я не могу, Кэл, — загадочно говорит он, прежде чем подойти к бутылке водки, оставленной на кофейном столике, и поднести ее к губам, проглатывая за один раз больше, чем кто-либо должен быть способен.

— Что происходит? — спрашивает Деймон.

— Понятия не имею, — признаюсь я, внимательно наблюдая за Нико, который продолжает поглядывать на Бри каждые несколько секунд.

— Он разберется. Давай просто повеселимся, хорошо? Ты готова одурачить всех в комнате, заставив думать, что ты напиваешься? — дразнит он. Мы говорили о том, чтобы рассказать всем сейчас, что мы провели осмотр и увидели, что все в порядке. Но мы быстро обнаружили, что пока не готовы поделиться нашим секретом. Мы не сможем долго скрывать это, но я хочу попробовать.

— Не должно быть слишком сложно. Они все уже наполовину пьяны. Плюс, когда они напиваются, все, что они делают, это трахаются, так что, думаю, мне просто нужно наброситься на тебя и позволить тебе прижать меня к стене.

Его глаза темнеют от моего предложения, и я почти ожидаю, что он поддержит меня в этом прямо здесь и сейчас.

— Я бы поддержал тебя в этом, Ангел. Но пока потанцуй со мной?

— Танцевать? С тобой? — спрашиваю я, приподнимая бровь.

— Что? Ты думаешь, я не умею танцевать?

Он отходит от меня, а затем притягивает меня к своему телу.

Кто-то включает музыку, и Брианна разносит наши напитки, в то время как другие пары и даже Алекс, Айла и Ант встают, чтобы присоединиться к нам.

Счастье переполняет меня, когда я смотрю на всех моих любимых людей в одной комнате. Но это ничто по сравнению с тем, когда я оглядываюсь через плечо на мужчину позади меня, его бедра двигаются вместе с моими в такт музыке, а его рука собственнически лежит на моем животе.

Это оно. Это именно то место, где я всегда должна была быть. Прямо в центре мира, в котором я родилась.

Кружась в объятиях Деймона, я поднимаюсь на цыпочки и касаюсь губами его губ.

— Это я и ты, дьявольский мальчик, — обещаю я ему.

— Да, Ангел. Навсегда.

НИКО

Я сижу на диване, сжав кулаки так крепко, что ногти начинают впиваться в кожу, когда мой взгляд перемещается с того места, где моя сестра пытается отсосать лицо у Деймона — отвратительно — на женщину, которая довела меня до безумия с того самого момента, как я впервые увидел ее в той забегаловке с Тоби много месяцев назад.

Ее тело движется идеально синхронно с музыкой, ее бедра соблазнительно покачиваются в обтягивающих джинсах. Но затем мой взгляд останавливается на паре рук, которые сжимают ее бедра.

Скосив глаза на его руку, я задерживаюсь на повязке на его бицепсе, но почти не задумываюсь об этом. Это будет наименьшее из того, с чем ему придется иметь дело, если он станет слишком распускать руки.

Алекс не похож на себя, это становится более чем очевидно, когда я добираюсь до его глаз. Они широко раскрыты, говоря мне, что он не просто придерживался крепких коктейлей, которые Брианна разносила всем задолго до того, как я сюда попал, если судить по уровню их опьянения. Не то чтобы я действительно мог что-то комментировать. Я впервые попробовал алкоголь задолго до обеда. И если бы я сейчас не пытался поступить правильно по отношению к своей сестре, то я бы уже отключился и заперся в своей квартире один в надежде, что еще одна бутылка водки может стать ключом к тому, чтобы все перестало так чертовски сильно болеть.

Как будто он может почувствовать мой горящий взгляд, глаза Алекса находят мой поверх плеча Брианны. Но если он чувствует предупреждение, то он совершенно неправильно его истолковывает, потому что широко улыбается мне. Ублюдок точно знает, что делает.

Не в настроении терпеть издевательства одного из моих лучших друзей, я вскакиваю на ноги и направляюсь на кухню. В конце концов, мне нужно еще водки. У меня в кармане есть немного экстази, которые я приберегал на сегодняшний вечер, зная, что мне понадобится дополнительная помощь, если я собираюсь убедить кого-нибудь из этих пьяных идиотов, что я хотя бы немного получаю удовольствие.

Я не такой.

Я не хочу быть здесь.

Я не хочу нигде быть.

Нет, это неправда. Я хочу вернуться на несколько недель назад, чтобы сказать своему отцу, что он гребаный идиот за то, что позволил маме затуманить его рассудок. Я хочу встряхнуть его до тех пор, пока у него не останется другого выбора, кроме как выслушать

меня, что мама была его слабостью и всегда позволять ей командовать — это приведет к тому, что нас всех убьют, когда дело дойдет до итальянцев.

Даже гребаный Деймон знал это.

Но что я должен был сделать? Пойти против приказов босса?

Я не мог, какими бы суицидальными ни казались мне их планы. Хуй знает, почему Дэмиен согласился.

Он сказал, что у него есть информация. Но, черт возьми, это оказалось неправдой.

Я просто хотел бы что-нибудь сделать. Что я был ближе к нему, когда рухнуло здание, чтобы я мог добраться до него, вытащить его, прежде чем оно, блядь, похоронило его заживо.

Злой, ожесточенный зверь внутри меня рычит от гнева, когда я вспоминаю ту ночь.

Я потерпел неудачу.

Я подвел его.

И я никогда не прощу себя за то, что меня не было рядом, когда он нуждался во мне.

Я должен чувствовать себя лучше, что та ночь не забрала и Деймона. Особенно теперь, когда выплыла правда о нем и Калли. И хотя я мог бы быть рад видеть, как он вернул улыбку на ее лицо, для меня это мало что значит.

Горе и боль внутри меня слишком глубоки, слишком всепоглощающи, чтобы чье-либо счастье могло оказать на меня какое-либо влияние.

Я вытаскиваю пакетик из кармана, но движение в другом конце комнаты привлекает мое внимание еще до того, как я их достаю.

Вспышка темных волос и аппетитная задница заставляют мои ноги двигаться прежде, чем я осознаю, что делаю.

Гнев захлестывает меня, а за ним следует горький привкус предательства.

Алекс едва заметил, что его партнерша по танцам ушла. Он уже развернулся и начал танцевать с Антом и Айлой.

Хуй знает, почему мы тусуемся с гребаным итальянцем, но я полагаю, что прямо сейчас я мало что могу сказать. Мне просто нужно появиться, натянуть на лицо фальшивую улыбку и притвориться, что я не разваливаюсь на части по одной болезненной трещинке за раз.

Он двигается медленно, избивание, которое он получил от рук своих лидеров, все еще вызывает у него проблемы, но, похоже, его не так уж беспокоит боль, когда Айла обвивается вокруг него, как змея, Алекс прижимается прямо к ней, пока они втроем смеются и веселятся, как будто он здесь свой.

Поскольку никто не обращает на меня никакого внимания, я следую за своей лживой сиреной в ванную комнату Тео и хлопаю ладонью по двери за секунду до того, как она закрывается.

Она вскрикивает от шока, но быстро отскакивает назад, прежде чем дверь ударяет ее по лицу.

Но она не съезживается.

Она никогда этого не делает.

Как бы сильно я ни хотел, чтобы она встала передо мной на колени, она никогда этого не сделает. Во всяком случае, не так покорно, как я хочу. У нее всегда было слишком много власти для этого.

Точно так же, как сегодня, когда она выбила мир у меня из-под ног одним своим присутствием.

Никто не должен иметь надо мной такой власти.

Когда-либо.

— Чего ты хочешь, Нико? — спрашивает она.

Игнорируя тот факт, что я стою здесь, и что дверь теперь широко открыта, она приподнимает свой топ и расстегивает пуговицу на джинсах, как будто собирается продолжать, как будто я никогда не врывался.

— Что, черт возьми, с тобой не так? — Рывкаю я, протягивая руку и хватая ее за горло, прежде чем у нее появляется шанс спустить джинсы.

Делая шаг вперед, я оказываюсь прямо перед ней.

Это гребаная ошибка, потому что ее сладкий аромат манго наполняет мой нос, и, черт возьми, если у меня не текут слюнки.

— Я? Что со мной не так? — недоверчиво спрашивает она. — Единственный из нас, у кого здесь есть проблема, — это ты, высокомерный придурок. А теперь, может быть, ты уберешься с моего гребаного пути? Можешь посмотреть, если хочешь, — предлагает она, хватая меня за предплечье в надежде, что я смогу ее освободить.

— О да. Мне тоже сделать фотографию? Я мог бы отнести ее твоему новому боссу, чтобы он лучше понимал, кого он только что нанял, — угрожаю я.

— Пошел ты, Нико. Я не боюсь тебя и твоих пустых угроз, — рычит она.

Черт возьми, от ее огня мой член становится твердым как камень.

Она единственная, с кем я был с той ночи. И я чертовски ненавижу ее за то, что она вот так разрушает меня.

Это заставляет меня нуждаться в ней.

И мне никто не нужен.

Когда-либо.

— Пустые? — насмехаюсь я. — Ни одна из моих угроз не пустая, Брианна. Я думал, ты знаешь, кто я. На что я способен.

Она рычит на меня, и мой член дергается в ответ, желая, чтобы эти полные губы нашли лучшее применение.

— Тебе нужно убрать из моей жизни, Брианна Эндрюс, или можешь поспорить на свою гребаную задницу, что я разрушу все, на что ты потратила годы, работая над этим быстрее, чем ты сможешь встать на колени, чтобы отсосать мой гребаный член.

— Сука, — шипит она.

— Нужно быть одним, чтобы узнать другого. *Мисс Эндрюс.*

***

История Нико и Брианны начинается в книге Испорченный рыцарь!